

ПИОНЕР

ОКТЯБРЬ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» 1963 г. 10

Соревнование

ПОМНИТЕ 19 МАЯ? ТОРЖЕСТВЕННАЯ ЛИНЕЙКА, КОМАНДА: «ОТРЯД-ПОБЕДИТЕЛЬ, ШАГ ВПЕРЕД!»

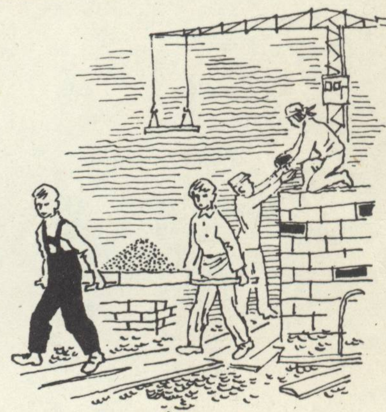
В ТОТ ДЕНЬ ЛУЧШИМ ПИОНЕРСКИМ ОТРЯДАМ СТРАНЫ ВРУЧАЛИ ПУТЕВКИ В «АРТЕК», ПОЧЕТНЫЕ ГРАМОТЫ, ПОДАРКИ...

ПРАВДА, ЗАВИДНО?

НО НЕ БУДЕМ ЗАВИДОВАТЬ. ДАВАЙТЕ СОБЕРЕМСЯ ВСЕ ВМЕСТЕ И ПОДУМАЕМ:

ЧТО МЕШАЕТ НАШЕМУ ОТРЯДУ ДОБИТЬСЯ ПОБЕДЫ?
ЧТО НАДО СДЕЛАТЬ, ЧТОБЫ ЗАВОЕВАТЬ ЕЁ?
Победа приходит только к дружным.
Значит ЗАДАЧА № 1 — СТАТЬ ДРУЖНЫМИ.

Начнем с небольшого:

С похода, даже если в первый раз пойдут не все, а всего восемь—десять человек из отряда.

С веселого вечера, который организуют пять-шесть веселых выдумщиков. А остальные будут пока что просто гостями.

С военной игры.

С шахматного турнира.

С шефства над кабинетом физики.

С ударного воскресника на соседней стройке.

Это ничего, если вас поддерживает не весь отряд. Главное — не унывать, не хныкать, не жаловаться, что у вас, дескать, «такие» ребята, ничего с ними не сделаешь. Сегодня за работу взялись несколько человек, завтра — звено, а к концу года — весь отряд.

А что делать отряду, который уже был победителем?

И перед ним трудные задачи: не зазнаваться — раз, помочь соседям добиться победы — два.

Год издания 40-й

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

СОРЕВНОВАНИЕ ПИОНЕРСКИХ ОТРЯДОВ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

В этом году соревнование отрядов посвящено 40-летию со дня присвоения Всесоюзной пионерской организации имени Владимира Ильича Ленина.

Итак, вновь вспыхивает огонь пионерского соревнования.

Кто поедет в «Артек» на этот раз?
Кто будет победителем в твоей дружине, в твоем районе, в твоей области?
Пусть победит твой отряд!
Желаем тебе победы, друг!

АРТЕК

№10 — ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА" — ОКТЯБРЬ — 1963

СРОЧНЫЙ СБОР · СРОЧНЫЙ СБОР · СРОЧНЫЙ СБОР

Сегодня, в 18 часов 25 минут, у дома № 18— срочный сбор. Приготовиться к операции «Волга». Пароль: «Который час?» Отзыв: «Часы еще не били».

Штаб зоны «Веселый ветер».

ДОЗОРНЫЕ МИРНЫХ УЛИЦ

«Чердак был обитаем...»

Помнишь, откуда эта фраза? Ну да, конечно же, это «Тимур и его команда»!

Фонарь на замшелой стене, карта, вся исчерченная непонятными значками, самодельный телефон, тонкие веревочные провода, бегущие вверх и исчезающие в густой листве деревьев, приглушенный разговор мальчишек над картой.

Хотелось бы тебе очутиться на таком чердаке рядом с гайдаровскими мальчишками?

А что бы ты стал делать там?

Крутанул бы раз и два штурвальное колесо? Позвонил бы по телефону, как Женя, которая, помнишь, попала на чердак, спасая от беды своего картонного парашютиста?

А дальше что?

Чердак был штабом. Ребята, со всех ног сбегавшиеся к нему по сигналу «сбор», занимались серьезным и важным делом. Они взяли под свою охрану и защиту семьи бойцов и командиров Красной Армии. Они днем и ночью несли свой тайный дозор — не нужна ли кому-нибудь помощь, все ли спокойно, всем ли хорошо?

Дачный поселок под Москвой стал зоной их заботы и ответственности.

У твоего отряда тоже есть зона общей заботы и ответственности — зона пионерского действия. И дела, которыми вы заняты, похожи на те, которые были у Тимура и его команды.

Так давайте же делать все так же здорово, как ребята из дружной, отважной и веселой команды Тимура!

СИГНАЛЬНЫЕ ФЛАГИ

Общий сбор.

Сбор штаба.

Проводим операцию.

НЕТ ШТАБА? ИЗ-ПОД ЗЕМЛИ ДОСТАНЕМ!

Очень нужен отряду штаб.

Смешно и неловко в классе встречать друг друга паролем, сдавать и принимать рапорты, отдавать и получать приказы. А в штабе иначе нельзя. В штабе все всерьез, все по-настоящему.

Вот только трудно помещение для штаба найти.

Трудно найти, а надо. Хоть из-под земли, а надо достать!

Вышлем во все стороны разведчиков. Пусть высматривают всюду — в ЖЭКе и в клубе, в жилом доме и в учреждениях,— нет ли где пустой комнаты, сараюшки незанятой, кладовки пустующей, пусть тесной, пусть темной, нам, может быть, как раз такая и нужна. Ребята с Октябрьской улицы в Рязани штаб себе из-под земли достали — пустой подвал в штаб превратили. И отлично получилось!

Все спокойно. Отбой.

Тревога.

А мы чем хуже рязанских? Сарай мы утеплим и сор из него выметем, кладовку побелим и вымоем, окошко, если надо, вставим, и будет у нас свой штаб!

Красная звезда над дверью, на стене большая карта, а на полке — фонарики заряженные, в полной боевой готовности, куклы и игрушки заводные, лопаты, молотки, краски с кистями, клей, ножницы, бумага... все самое необходимое.

Для чего куклы? Для чего краски и фонарики? Не спеши пока. Там видно будет.

ПЕРВЫЙ СБОР

Взлетел на мачту яркий флажок, загудел чугунный рельс или вспыхнул фонарь — это сигнальщики подали сигнал сбора.

Собрались ребята в штабе. Первый сбор.

Надо выбрать командира, начальника штаба — это первое дело.

Надо договориться о знаках различия, паролях, сигналах, форме рапортов и приказов, составить списки дежурных по штабу, придумать своей зоне хорошее имя — все это тоже дела нужные.

Ну, а теперь за работу!

ПЕРВАЯ РАЗВЕДКА

В этой разведке участвуют все. Ищем, что в нашей зоне есть. Срок исполнения — два часа. В 18.00 начальник штаба примет донесения:

«В квадрате № 1 — телефонная будка, киоск «Папиросы. Табаки».

«В квадрате № 3 — швейная фабрика и почтовый ящик».

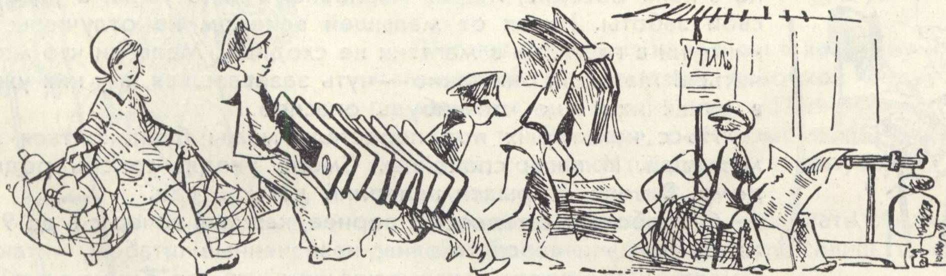
«В квадрате № 7 — автобусная остановка, заросший пруд, аптека...»

Зачем знать, сколько в зоне папиросных киосков и телефонных будок?

Если мы собираемся стать в зоне хозяевами, мы должны хорошо знать свое хозяйство.

ВТОРАЯ РАЗВЕДКА

Вторая разведка — глубокая. Ищем не то, что есть, а чего нет, что надо сделать, кому помочь, что починить. Это посложнее. Тут разведчикам потребуется не обычное зрение, а особое, которое помогает увидеть самое важное, самое нужное, самое срочное дело.

Ребят из 5-го отряда жестоко обидели: когда раздавали зоны, дали им такую улицу, на которой нет ни клуба, ни библиотеки, ни аптеки. Даже детского сада на ней нет. Только одноэтажные домишки, грязь, лужи в пол-улицы.

Идут ребята по своей улице, жмутся к заборам, где хоть чуточку почище, и уныло размышляют: «В библиотеке да в детском саду известно, что делать, даже придумывать ничего не надо. А тут что сделаешь?»

В самом деле, что?

ТРЕВОГА!

Уже несколько дней висит в штабе зоны «Рассвет» знак «Тревога»: в зоне — чрезвычайное положение! Двое мальчишек из большого пятиэтажного дома перестали ходить в школу. Об этом штабу сообщил «пост всеобуча» при совете дружины.

Надо действовать обдуманно и быстро. Одна оперативная тройка двинулась в класс, где мальчишки учились, две других — к родителям. Выяснили, мальчишки запутались в двойках. В классе от них отвернулись. Жизнь невеселая. Собрались бежать на Алтай.

Решили: с ребятами из класса поговорить, мальчишкам помочь и по арифметике и по русскому. И при этом заниматься с ними в штабе, чтобы видели мальчишки, как можно жить.

Через неделю дежурный по штабу снял со стены знак «Тревога». Отбой. Мальчишки снова в школе.

РАЗВЕДЧИЦА ТЕТЯ ГЛАША

В доме № 18 по улице Беговой живет со своей мамой маленький мальчик Максимка Бахметьев. Отец Максимки в сентябре попрощался с женой, поцеловал сына и пошел служить в армию, в танковые войска.

Трудновато стало Максимкиной маме справляться одной с домашними делами: и дров надо к зиме наколоть, и вторые рамы вставить, и печку глиной обмазать да побелить...

Узнали об этом ребята из зоны «Веселый ветер» и взяли над семьей Бахметьевых тайное шефство.

Соседку Бахметьевых тетю Глашу сделали своей разведчицей. Тетя Глаша сообщает штабу, какая помощь нужна Максимкиной маме, и помогает ребятам действовать незаметно.

НЕ БЕСПОКОЙТЕСЬ!

Наташина мама собралась вечером в театр, да Наташу оставить не с кем. Соседка, Мария Ивановна, в кино ушла, а у других мам свои заботы. Никак от малышей вечером не отлучишься — ни в кино, ни в гости, ни в магазин не сходишь. Мало ли что может случиться! Малыши, они такие — чуть зазеваешься, а у них уже спички в руках или еще что-нибудь опасное...

Но с некоторых пор перестали мамы беспокоиться за своих малышей. И папы спокойны. Смело уходят теперь родители из дома. В зоне открылся вечерний детский сад.

Он работает ежедневно, вернее, каждый вечер с 6 до 9. «Воспитательницы» и «воспитатели», назначенные штабом, читают малышам веселые книжки, показывают кино, играют с ними в разные игры.

ВОЙНА ЛУЖАМ!

Ее объявили в воскресенье на рассвете. Подтянув в район наступления все наличные силы, ударили с двух сторон. Замысел был таков: широким перешейком из шлака рассечь большую лужу пополам; наголову уничтожить несколько луж поменьше, засыпав их песком и шлаком; навести переправы через канавы; восстановить коммуникации между булочной и продовольственным магазином, проложив кирпичную дорожку.

Военная операция продолжалась два с половиной часа.

Лужи капитулировали.

ДОМ № 48

Женщина с узлами битый час не может отыскать на улице дом № 48. Да и мудрено ли! На некоторых домах номеров вовсе нет, на других они побились или стерлись порядком.

Неужели мы не сумеем их починить? Вот и пригодились нам кисти и краски.

ВЫ ЖИВЕТЕ В НАШЕЙ ЗОНЕ

На углу улицы появилась табличка: «Вы живете в зоне пионерского действия «Рассвет». Если вам нужна наша помощь, просим обращаться в штаб (ул. Сиреневая, дом 18, чердак)».

Сначала просьб и предложений будет совсем мало. Никто пока не знает, что мы за люди, можно ли на нас положиться.

Но если тут же будут появляться короткие отчеты о сделанном, обращаться к нам будут чаще.

ОПЕРАЦИЯ «ПЕЧАТНЫЙ ЗНАК»

Шагают ребята из квартиры в квартиру и с каждым мальчишкой и с каждой девочкой ведут разговор, показывают «Мурзилку», «Пионерскую правду», «Костер» и «Пионер», рассказывают о том, что в них печатают, советуют подписаться. Тем, кто не знает, как подписаться, объясняют.

Это очень важное дело — сделать так, чтобы каждый октябренок и пионер подписались в новом году на свои журналы и газеты.

ОПЕРАЦИЯ «ТЕЛЕФОННАЯ БУДКА»

Все стены в телефонной будке исписаны вдоль и поперек номерами. Куда это годится?

Телефонная будка не записная книжка. Ну-ка попробуем позвонить по нескольким номерам, записанным на стенах. Куда мы попадем? Больница, вокзал, бюро прогнозов, почтамт.

Многие номера всем нужны. Давайте составим списки важных телефонов и повесим их в будках телефонов-автоматов. А на стенах попросим не писать.

ЕЩЕ ОДНО ВАЖНОЕ ДЕЛО

Письмо начальника Главного пожарного управления начальникам штабов зон пионерского действия

Дорогие друзья!

У нас ко всем пионерам большая просьба. Скоро наступит зима. Затопят люди печи. Если печи неисправны, а на чердаках свалены старые вещи, могут произойти пожары.

Проведите в зонах пионерского действия противопожарный рейд «Преграда огню», познакомьте жителей с правилами противопожарной охраны, расклейте самодельные плакаты, раздайте листовки.

ЗОНА ПИОНЕРСКОГО ДЕЙСТВИЯ

На цветной вклейке — зона пионерского действия «Красные крыши». Посмотри, сколько здесь разных значков! О чем они говорят!

Найди на рисунке штаб. Он разместился в мезонине дома, в котором живет Алеша Волынский — начальник штаба.

Самодельный телеграф соединяет штаб с квартирами тех ребят из отряда, которые живут в зоне.

И с квартирами взрослых — друзей и помощников отрядов. Кто они?

Председатель поселкового Совета Антон Алексеевич Кузовлев,

участковый милиционер дядя Сережа и детский врач Нина Георгиевна Селезнева, отставной боцман, главный советник штаба по

всем вопросам Андрей Андреевич Копейко.

Вожатый отряда комсомолец Артем живет далеко, но и к его дому ребята смогли протянуть провод прямой связи.

Что означает красная звездочка, ты, наверное, догадался. Дом, на котором поставлен этот знак, находится под особой охраной и защитой отряда. В одном из этих домов живет дядя Витя, подполковник в отставке. Он слеп. Ему нужна помощь; в другом — две старенькие учительницы-пенсионерки; в третьем — девочка Лена. Она живет с родным отцом, но ей тоже нужна пионерская помощь и защита.

Видишь, мальчишка размахивает кулаками? Это недруг. Его зовут «Малютка», хотя ему уже пятнадцать лет. Он полез с кулаками на «патруль чистоты», когда патруль справедливо сказал ему, что на улице перед его домом грязно. В отместку он оборвал телефонные провода, идущие от штаба. Он сорвал афиши, извещающие о концерте для октябрят, и выгнал из клуба малышей.

Но отряд не боится «Малютки». Отряд знает: «Малютка» не безнадежен. Надо привлечь его к

ДЛЯ ЧЕГО НУЖНЫ ФОНАРИКИ

В зоне «Застава отважных» есть такой обычай. Когда начальник штаба докладывает у карты план предстоящей операции, двадцать семь ребят, все ребята отряда, освещают своими фонариками карту. А когда надо принять решение, фонарики на мгновение гаснут и вспыхивают вновь, чтобы осветить короткую надпись на стене: «Принимаем». Несогласные фонариков не зажигают.

Но вот решение принято. Погасли фонарики. И опять загорелись, осветили рисунок-плакат: костер из двадцати семи палок и девиз над ним: «Лучше трудно, чем нудно».

В осеннюю пору быстро темнеет. Знаков, которые подают патрульные на углу, не разглядишь, а кричать вовсе не обязательно.

Вспыхнул свет фонарика. Раз и два. Понятно: это сигнал «Внимание». А вот сигналы: «Сбор», «Нашли!», «Да», «Нет», «Рассыпаться».

СЛУШАЙТЕ ВСЕ!

Мачту над штабом отовсюду видно. Куда бы ни бежали ребята, обязательно оглянутся: о чем сообщает мачта?

«Все спокойно»,— говорит сигнальный флаг, значит, можно бежать по своим делам дальше.

Но вот взвился вверх бело-красный знак тревоги, тогда бросай все и со всех ног — к штабу. Где-то нужна твоя помощь!

Посмотри на 2-й странице, какие могут быть сигнальные флаги.

«КРАСНЫЕ КРЫШИ»

работе, и со временем он еще поможет ребятам.

Такой знак на рукаве носят ребята из «зеленого патруля».

Этот знак говорит о том, что во дворе дома № 20 по улице Стачек, где живет со своими родителями Сережа Наскоков, расположен пионерский пост пожарной охраны. Здесь хранятся лопаты и ведра, багры и ломы и даже два настоящих огнетушителя, которые подарили ребятам пожарники. Начальник поста—Сережа Наскоков.

Это бывшая лужа, которая после каждого дождя разливалась морем и мешала всем ходить и ездить. Теперь ее нет. Лужа уничтожена ребятами. А на ее месте спортивная площадка. Ребята построили ее сами.

Старым людям трудно носить тяжелые ведра с водой. Каждое утро расходится в разные стороны от колодца дежурная бригада водоносов.

На стройке и в телятнике всегда рады ребятам. Они хорошие помощники.

Во дворах, где поставлен этот значок, малыши не скучают: для них построили веселые площадки, отрядные затейники устраивают игры.

Вот картонажная фабрика. В обеденный перерыв ребята приходят сюда и каждый раз с чем-то интересным: то статью из газеты прочитают, то концерт покажут, то выставку рисунков устроят.

А в поселковом клубе ребята создали свою фабрику: делают игрушки к Новому году.

Евгений МАР

ЧЕЛОВЕК ИЗ ПЕСНИ

А. Г. Железняков в Октябрьские дни 1917 года.

ПАРТИЗАН ЖЕЛЕЗНЯК

В степи под Херсоном
Высокие травы,
В степи под Херсоном — курган.
Лежит под курганом,
Заросшим бурьяном,
Матрос Железняк — партизан.

Он шел на Одессу,
Он вышел к Херсону;
В засаду попался отряд.
Налево застава,
Махновцы направо,
И десять осталось гранат.

«Ребята,— сказал,
Обращаясь к отряду,
Матрос-партизан Железняк,—
Херсон перед нами:
Пробьемся штыками,
И десять гранат не пустяк».

Сказали ребята:
«Пробьемся штыками,
И десять гранат не пустяк».
Штыком и гранатой
Пробились ребята...
Остался в степи Железняк.

Веселые песни
Поет Украина,
Счастливая юность цветет,
Подсолнух высокий,
И в небе далекий
Над степью кружит самолет.

В степи под Херсоном
Высокие травы,
В степи под Херсоном — курган.
Лежит под курганом,
Заросшим бурьяном,
Матрос Железняк — партизан.

Мих. ГОЛОДНЫЙ

ИЗ ПЕСНИ В КНИГУ

Кто не слыхал песни о матросе-партизане Железняке! История ее удивительна. Словно на крыльях, пронеслась эта песня от края до края советской земли, побывала далеко за ее рубежами. Участник гражданской войны в Испании венгерский писатель Матэ Залка (он сражался там под именем генерала Лукача) писал в Москву своему другу, поэту Михаилу Голодному: «Твою песню поют теперь в Испании».

В годы Великой Отечественной войны песню о партизане Железняке пели матросы наших боевых кораблей. Звенела она у партизанских костров в лесах Брянска и Смоленщины, в далеких Альпах и Родопах.

Народная молва сделала героя песни участником многих походов гражданской войны. И он в самом деле воевал почти всюду, где Республике Советов угрожала опасность.

Есть несколько могильных холмов, где, как гласит предание, покоится легендарный Железняк. Там похоронены другие солдаты и матросы революции. Народ как бы в награду дал им гордое имя Железняка.

Но мало кто знал до недавнего времени, что человек из песни — это Анатолий Григорьевич Железняков.

Анатолий Железняков родился в 1895 году в небольшой подмосковной деревушке Федоскино и по-

Главы из книги. Печатаются с сокращениями.

гиб, когда ему было всего двадцать четыре года. Похоронен матрос Железняк не в «степи под Херсоном», как в песне поется, а в Москве, на старинном Ваганьковском кладбище.

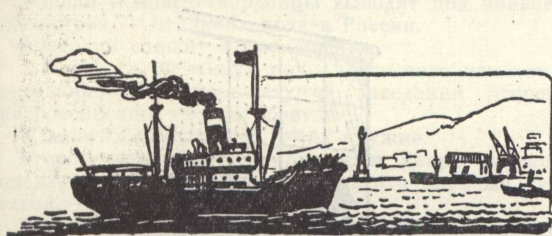
Вся Москва провожала героя в последний путь.

Где жил, работал, сражался человек из песни?

Эту загадку одними из первых разгадали его земляки — члены исторического кружка московской школы № 760. Ребята разыскали родных Анатолия Григорьевича, его боевых соратников.

Автор пошел дальше по следам юных историков. В своей книге, которая выйдет в этом году в Детгизе, он подробно рассказывает о семье героя, его детских и юношеских годах.

Железняков учился в Московской военно-фельдшерской школе. Поднял там бунт против палочной дисциплины и был исключен. Дальше — работа на Бутырском снарядном заводе, участие в подпольном кружке. Потом — Балтика, служба на флоте, бегство с учебного корабля «Океан». Скрываясь от царской охранки, Железняков работал кочегаром на торговом судне «Принцесса Христина». Здесь он и встретил революцию.

ДЕПУТАТ НАРОДА

В списке «бунтовщиков», составленном боцманом, Железняков и Старчук стояли на первом месте. Их должны были предать суду военного трибунала.

А если к этому времени придут бумаги из Кронштадта, Анатолию Железнякову, беглецу с «Океана», грозит смертная казнь.

Но времена меняются.

И сюда, в далекий черноморский порт Ризе, дошли вести о том, что в России произошла революция. Нет больше Российской империи. Над портовыми городами, куда приставала на обратном пути «Принцесса Христина», всюду подняты красные флаги. Даже боцман вышел на берег с алым бантом на груди.

Железняков торопливо записывает на последней страничке своей «Памятной тетради»:

«Совершился переворот, который тонко, но верно подготовлялся в течение многих лет. Император Николай отрекся от престола, и буржуазия встала у кормила правления».

Нет, Железняков не тешит себя надеждами. Он понимает: борьба не закончена. И готов к этой борьбе.

Вот и Новороссийск.

Какой-то матрос сигналит с берега флажками:

«Царь свергнут. Долой буржуазию! Да здравствует победа революционного рабочего класса!»

Вся команда высыпала на палубу и громко читает этот сигнал. Старчук бежит за флажками. Он сейчас ответит берегу.

И вот уже заговорила морская азбука:

«Да здравствует революция! Да здравствует мир!»

А затем над кораблем, подходящим к Новороссийску, вздымается флаг революции — красный флаг. Его поднимает Анатолий Железняков. Он выборное лицо, председатель судового комитета.

В Новороссийске кочегара Железнякова избирают депутатом Совета солдатских и рабочих депутатов.

7 апреля 1917 года Анатолий заносит последние строки в свою «Памятную тетрадь»:

«Выхожу, говорю и начинаю жить той жизнью, о которой мечтал, жизнью общественного деятеля... Дел бездна. Но кто я?..»

ПРЫЖОК ИЗ «КРЕСТОВ»

Железняков покидает Новороссийск и Черное море. Он хочет быть в самой гуще событий.

Снова Кронштадт, Петроград. Железняков вместе с революционными моряками-балтийцами на самых трудных и опасных постах.

Матрос с «Океана», еще недавно преследуемый царским правительством, теперь выступает на митингах, требует немедленного заключения мира.

Ему двадцать два года. Он еще не сумел ответить на вопрос, который сам поставил в своей «Памятной тетради»: «Кто я?». Он ищет правильного пути в революции.

В стычке с казаками, верными Временному правительству, Железняков отстреливается, бросает в них гранату.

Его арестовывают и предают суду.

За вооруженный отпор властям суд приговаривает матроса Анатолия Железнякова к четырнадцати годам каторжных работ.

Анатолий посажен в «Кресты» — страшную петербургскую тюремную крепость. Здесь чугунные засовы, толстые решетки на окнах, одиночные камеры. Днем запрещается лежать. Ходи, как зверь в клетке, взад-вперед.

Железняков не хочет ждать победы революции за решеткой. Он должен принять участие в последних, решающих боях за власть рабочих и крестьян. Он задумал бежать из «Крестов».

На помощь приходят друзья-балтийцы.

По их поручению знакомая девушка передает Железнякову во время свидания револьвер и две маленькие пилочки. Теперь надо подпилить решетку, осторожно выставить раму, вылезти через окно, взобраться на высоченную тюремную стену и прыгнуть. Назначен день и час побега. Старый товарищ по Балтике Павлов будет ждать неподалеку.

Железняков бежит ночью. Это безопаснее. Улица пустынна. Караульных тянет ко сну. Решетки подпилены. Легкий прыжок — и Анатолий на мощеном тюремном дворе. Часового не видно, наверное, сошлись с подчаском и беседуют о доме — тоже

ведь солдаты! Железняков сбрасывает сапоги, связывает их за ушки и вешает на шею.

Руки у него сильные. Он легко подтягивается и быстро взбирается на стену. Нет, пока никто не заметил... Тишина!

Сейчас самое страшное. Зажмурив глаза, он прыгает.

Сильная боль в ногах, во всем теле, но Анатолий поднимается и отползает в сторону. Раздается легкий окрик, кто-то бежит к нему. Это Павлов.

На углу ждет пролетка. Теперь вперед, во весь опор, пока не хватились там, в «Крестах»!

Побег из крепости, совершенный с такой дерзостью, заставляет власти принять все меры, чтобы поймать Железнякова. В газете даже напечатали его фотографию.

Анатолий некоторое время живет у Павлова, на окраине Петрограда. В городе появляется переодетым. На нем рабочая кепка, туго завязанный шарф вокруг шеи. На плечах старенькая, не по росту солдатская шинель. К тому же Анатолий непомерно худ и бледен. Настоящий солдат, возвращающийся из госпиталя.

Настроение у него отличное.

— Я бояться кончил. Пусть теперь Керенский меня боится, — говорит он молоденькой работнице с завода Барановского Любе Альтшуль, той самой, что передала ему в «Кресты» пилки и револьвер.

Однако случай едва не бросил Железнякова снова в тюремную камеру.

ГДЕ ТЫ, ПАВЛИК?

Идут Люба и Анатолий по тихой Ропшинской улице, взявшись за руки, словно брат с сестрой.

Раннее летнее утро. Заводские гудки пропели свою первую песенку и смолкли. И гудели они не так басовито, как в прежние времена.

Люба не пошла на завод. Ее тоже могут арестовать.

Анатолий советует ей поехать в Москву, к его родным. Рассказывает о матери, о сестре Сане.

— Поезжай, тебя ласково примут, — говорит он девушке.

Но Любе хочется говорить не о себе.

— Скажи, Анатолий, какой станет жизнь, когда победит революция? — спрашивает она.

— Хорошей. Каждый сможет стать кем захочет, сможет учиться...

Неожиданно из-за поворота выбегает мальчик. На нем синяя матроска. Соломенная фуражка с козырьком съехала набок. Он отчаянно плачет.

— У нас пожар, дяденька! — кричит мальчик, размазывая по лицу слезы. — Помогите! Там Павлик остался!

— Где пожар? Говори толком. Да успокойся же, успокойся!

— Мама ушла на базар, а там Павлик остался, — всхлипывая, объясняет мальчик и тянет Анатолия за рукав к дому, из окна которого идет дым.— Пойдемте же, Павлик там!

Анатолий уже во дворе. Он больше не слушает малыша. Быстро намочил в дождевой бочке носовой платок и, подцепив его под край кепки, опустил перед лицом.

Через секунду Анатолий исчезает в провале окна. Как показалось Любе, он долго не возвращался.

Наконец он появился в окне. Держит что-то в руках. Это ребенок. Плачет — значит жив...

Во двор сбежались люди. Пришел дворник в белом фартуке, со свистком в руках.

Тут только Люба вспомнила об опасности, которой подвергал себя Анатолий. Сейчас начнут составлять протокол о пожаре, допрашивать свидетелей. Тогда-то беглецу из «Крестов» наверняка несдобровать.

Где же Анатолий?

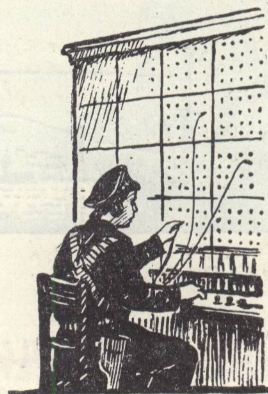
А вот он, стоит в сторонке и горестно осматривает свою старенькую шинель. Полы ее обожжены, две огромные дыры зияют на груди. Ну и картина!

Однако Железняков нашел выход. Он ловко сложил шинель и бросил ее на руку. У него теперь вид человека, вышедшего на прогулку.

Анатолий шепчет Любе:

— Я ухожу, а ты побудь здесь. За углом встретимся...

Из-за угла навстречу мчится пожарный обоз. Железняков лихо козыряет брандмайору и исчезает в переулке.

ВЕЛИКИЙ ШТУРМ

С бьющимся сердцем идет Анатолий по коридору Смольного. Ищет глазами Ленина. У одной из комнат стоят на карауле суровые красногвардейцы. Может, за этими дверями и работает Владимир Ильич?

То и дело прибывают в Смольный делегаты заводов, воинских частей. Ждут указаний.

Пришла пора действовать.

В шесть часов утра 25 октября 1917 года моряки гвардейского экипажа по приказу Военно-революционного комитета захватили здание Государственного банка.

Надо расставить посты, проследить за тем, чтобы ценности, принадлежащие народу, были в сохранности.

Революционными солдатами и матросами занята Центральная телефонная станция. Железняков ходит по комнатам, присаживается на минуту у пульта, басит:

— Алло! Вас слушают.

Телефонистка, говорящая басом. Это непривычно для бывших хозяев Петрограда.

— Кто говорит? — спрашивают испуганно в трубке.

— Революция говорит, — рубит в ответ Железняков. — Понимаете, революция!

И весело смеется.

В это утро Железняков успевает конфисковать бумагу буржуазной газеты «Биржевые ведомости» для готовящегося к выходу нового номера «Правды». А к вечеру вместе со своим другом большевиком-балтийцем Николаем Ховриным спешит на Дворцовую площадь. Зимний дворец — последняя крепость буржуазии.

Железняков принимает командование группой моряков, которая штурмует дворец со стороны Александровских ворот.

...Шел уже третий час ночи, когда балтийские моряки, красногвардейцы из отряда выборжцев, путиловцев, василеостровцев и солдаты Кексгольмского и Петропавловского полков пошли на штурм Зимнего.

Анатолий со своим отрядом одним из первых взбежал по ступенькам главного входа. Он обыскивает весь дворец, зал за залом, в надежде обнаружить Керенского. Но Керенский удрал в автомобиле американского посланника, переодевшись сестрой милосердия.

Временное правительство арестовано.

Моряки и красногвардейцы выводят под конвоем министров — недавних хозяев России.

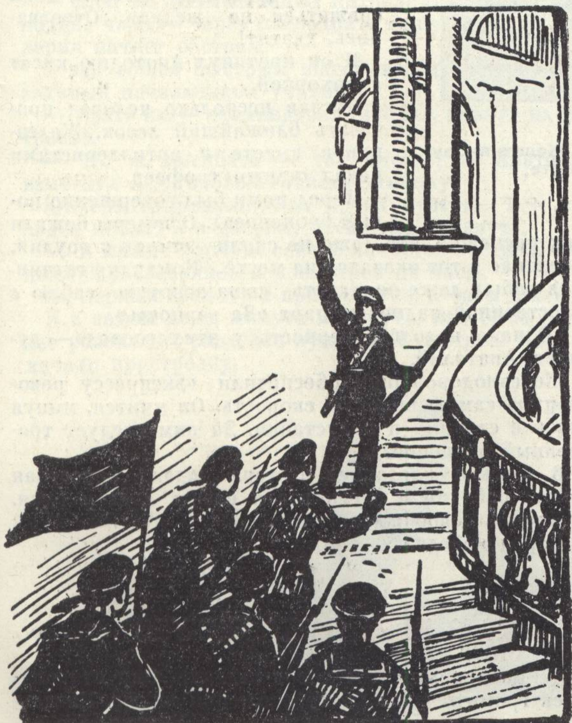
Анатолий спешит в Смольный.

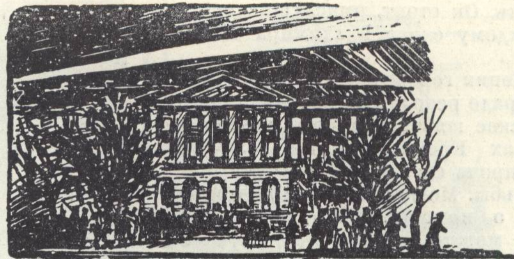
В 3 часа 30 минут ночи здесь возобновляется прерванное на время штурма заседание Второго Всероссийского съезда Советов.

У многих делегатов в руках оружие.

Второй съезд Советов принимает Декрет о мире, предложив всем странам прекратить военные действия.

Утверждается Декрет о земле. Отныне все земли — помещичьи, церковные, принадлежавшие царю — собственность народа.

Создано первое в истории России рабоче-крестьянское правительство — Совет Народных Комиссаров. Его возглавляет Владимир Ильич Ленин.

Анатолий голосует за эти решения вместе с другими делегатами съезда — рабочими, солдатами, моряками.

Анатолий счастлив.

Если тебе от роду двадцать два года, а ты уже поработал в подполье, участвовал в штурме Зимнего, можешь считать, что ты не терял времени даром и начал свою жизнь борцом за дело рабочего класса.

ПО ЗАДАНИЮ ЛЕНИНА

— Анатолий, проснись же, Анатолий...

Битых полчаса Николай Ховрин пытается разбудить крепко спящего друга.

— А я, брат, во сне дома побывал.

— Ну, значит, сон в руку. Собирайся. У нас остались считанные минуты. В Москву едем.

У общежития, где жили друзья, их поджидал старый знакомый, большевик, бывший прапорщик Ильин-Женевский. С ним был человек в форме морского офицера, только без погон. Это брат Ильина-Женевского — мичман Раскольников, тоже большевик, видный деятель флота.

Вчетвером они подходят к штабу Петроградского военного округа. Часовой внимательно проверяет пропуска, накалывает их по тогдашнему обычаю на штык.

Они шагают по гулким коридорам огромного здания, поднимаются на второй этаж и входят в большую комнату.

На стене — карта, завешенная, как положено в штабах, темной шторкой. У стены против двери — стол, за которым кто-то сидит, низко склонившись над бумагами. Вокруг — военные.

Моряки узнали Антонова-Овсеенко. Это он арестовал в Зимнем членов Временного правительства.

Сидевший за столом привстал и коротко приветствовал вошедших:

— Здравствуйте, товарищи! Прошу, садитесь.

Он чуть-чуть картавил.

— Здравствуйте, Владимир Ильич!

Железняков впервые в жизни так близко видел Владимира Ильича.

— Прошу, — повторил Ленин, ласково и в то же время настойчиво приглашая вошедших присесть.

В огромной, давно не топленной комнате прохладно.

Владимир Ильич энергично и как-то весело потирал руки. Вокруг стола, за которым сидел Ленин, вновь образовался тесный кружок. Только Анатолий, самый молодой из всех, так и не решается

сесть. Он стоит, прислушиваясь к каждому слову Владимира Ильича.

Ленин говорит о том, что в Петрограде революция победила, но в Москве юнкера все еще держат в руках Кремль. Контрреволюция не прочь сделать Москву центром борьбы. Московский комитет просит о помощи. Надо помочь, и как можно скорее.

Все встали и подошли к карте. Антонов-Овсеенко доложил об обстановке в Москве.

— Мы, Владимир Ильич,— сказал он, обращаясь к Ленину,— предлагаем послать туда сводный отряд моряков. К морякам думаем присоединить солдат Лодейно-Польского полка. Бронеплощадку дадут путиловцы. Ну, а командиром сводного отряда предлагаю мичмана Раскольникова. Начальником штаба — Ильина-Женевского. Комиссаром — Ховрина, адъютантом штаба — вот этого юношу, Анатолия Железнякова. Он тоже храбрый моряк.

Владимир Ильич кивает головой в знак согласия.

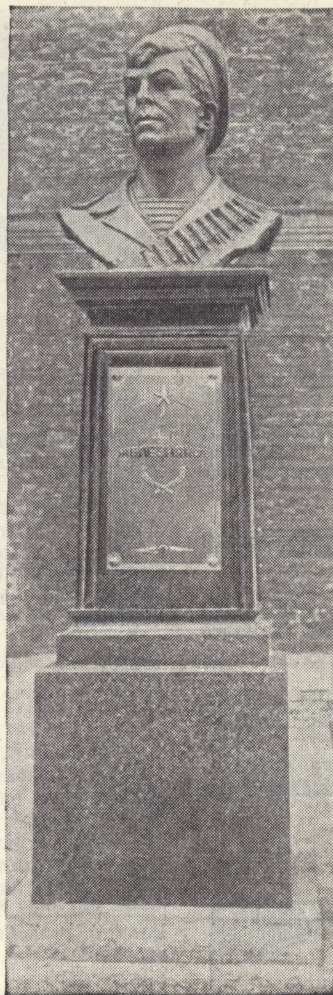
Антонов-Овсеенко взял в руки указку.

— Вот Кремль, где укрепились юнкера. А здесь дом московского генерал-губернатора. Там сейчас наши...

— Хорошо, что в отряде будет коренной москвич, знающий город,— заметил Антонов-Овсеенко и кивнул в сторону Железнякова.— Ясна ли задача? — спросил он моряков.— Ну, тогда в путь, товарищи!

Ленин простился с моряками, пожал руку каждому.

И ровно через час сводный отряд в спешном порядке грузился в вагоны.

Памятник А. Г. Железнякову в Кронштадте.

Принимается решение: послать разведку в сторону Полоцка. Отряд будет ждать здесь, у разъезда.

Разведку возглавляет Железняков. В его распоряжении бронеплощадка.

Командует машинисту по-морскому:

— Полный вперед!

Вот уже видны два ярко-красных фонаря. Это хвостовые огни бронепоезда. Железняков приказывает остановиться.

Моряки с винтовками наперевес идут цепью вдоль железнодорожного полотна.

Тишина.

Они подходят к бронепоезду на расстояние винтовочного выстрела. И видят: паровоз отцеплен, а команда бронепоезда сидит на лужайке возле вагонов. Кто переобувается, кто готовит еду на костре.

Заметив моряков, солдаты вскочили с мест. Но никто не взялся за оружие.

— Вот уже битый час ждем вас, братки, чтобы сдаться,— обратился к Железнякову какой-то бородач, признав в нем командира.

Он сказал, что едва гатчинцы свернули на Полоцк, как пришлось остановиться: рельсы разобраны.

— Офицеры сразу утекли, а мы сражаться не желаем. Отвоевались, хватит!

И он протянул Анатолию кисет с махоркой.

Послав несколько человек прочесать ближайший лесок, Железняков вместе с артиллеристами начал осмотр трофеев.

Перед ними был совершенно новый бронепоезд. Офицеры бежали так поспешно, что даже не сняли замков с орудий. Боезапас и тот оказался на месте. Командир гатчинцев забыл даже захватить свою золотую саблю с дарственной надписью царя «За верность».

«Однако недолгая верность у этих господ»,— думает Анатолий.

Железнодорожники обеспечили «экспрессу революции» самую высокую скорость. Он мчится, минуя многие станции и полустанки. За ним следует трофейный бронепоезд.

В Москве посланцев Питера ждала радостная весть: рабочие и здесь взяли власть в свои руки.

Кремль освобожден.

Народ победил.

ПЕРВЫЙ ТРОФЕЙ

Значительную часть пути Железняков проводил на паровозе, в кабине машиниста. Мало ли что могло случиться впереди!

И бывало, поезд еще только подходит к станции и машинист едва пускает в ход тормоза, а Железняков уже бежит по платформе: нет ли каких срочных депеш?

В Тосно телеграфист, волнуясь, передает ему важную новость: только что станцию миновал бронепоезд сторонников Керенского, из Гатчины.

Командир приказывает:

— В погоню!

Машинист разгоняет пары. На кочегаре взмокла рубаха. Анатолий привычно берет в руки лопату и ловко кидает в топку уголь.

Скорей, скорей!

Однако на бронепоезде их заметили и повернули на ветку в Полоцк.

Не хотят ли гатчинцы оказаться позади и ударить сводному отряду в тыл?

КАК БЫЛ ВЗЯТ ЧУГУЕВ

Ленин дал морякам новое задание. Они отправились громить силы контрреволюции на юг. Начальником отряда был теперь Николай Ховрин. Его заместителем — Анатолий Железняков.

В боях и стычках с белыми отряд одерживал победу за победой. Враги Советской власти панически боялись матросов и прозвали их, одетых в черные бушлаты, «черной смертью».

...Однажды отряду Николая Ховрина, который стоял в это время в Харькове, было поручено обезоружить контрреволюцию в городе Чугуеве. Там было юнкерское училище. А бойцов в отряде насчитывалось в несколько раз меньше, чем юнкеров.

Ховрин и Железняков пошли на такую хитрость. Они потребовали у железнодорожников большой железнодорожный состав.

— Вид будет внушительней,— объяснил Ховрин.— И для пленных пригодится. Не пешком же доставлять господ юнкеров в Харьков!

Железняков поставил в дверях каждого вагона по часовому, вооруженному с головы до ног. Матросы с гранатами у пояса и карабинами за плечами создавали впечатление, будто из Харькова на Чугуев движется в самом деле большой, хорошо вооруженный отряд.

Полупустой эшелон из предосторожности остановили у разъезда недалеко от города.

Ховрин и Железняков по телефону вызвали представителей городских властей для переговоров о сдаче Чугуева.

— Мы гарантируем жизнь каждому, кто сложит оружие,— сказал Ховрин и добавил: — И смерть каждому, кто будет продолжать сопротивление.

Городские власти на переговоры выехать отказались. Они пригласили представителей отряда самих прибыть в город.

Железняков вместе с тремя моряками приехал в Чугуев на дрезине.

В зале городской думы их ожидали гласные: местные фабриканты, лавочники, чиновники. Здесь же был и начальник юнкерского училища, толстый седой генерал.

Железняков коротко изложил условия сдачи.

— Даю на размышление пятнадцать минут.— Он поднял часы.— Через пятнадцать минут наша артиллерия начнет обстрел.

В зал вошел быстрым шагом взвод юнкеров, вызванный начальником училища.

— Взять их!— скомандовал генерал, кивнув на матросов.

— Что ж, погибать — так вместе! — Анатолий взметнул над головой гранату-лимонку.

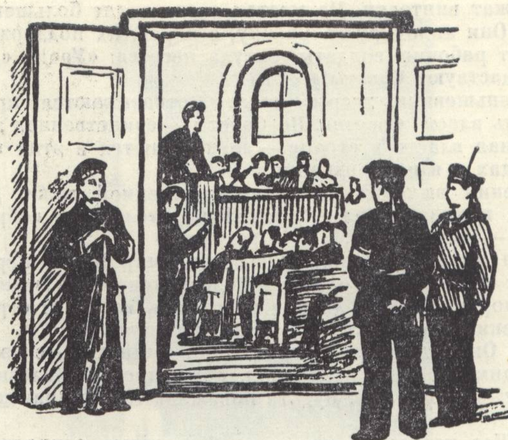
Юнкера отпрянули. Зал начал пустеть. Тот, кто сидел поближе к дверям, поспешил улизнуть.

— А между прочим, сейчас начнется обстрел,—напомнил Железняков и посмотрел на часы.

Он держал гранату в правой руке, а часы в левой.

И в самом деле, минута в минуту, как было заранее условлено, раздался пушечный выстрел. Моряки начали пристрелку.

В зале не осталось уже никого, кроме юнкеров. Да и у тех от страха винтовки в руках ходили ходуном.

— Вы свободны, господа,— обратился Железняков к растерявшимся юнкерам и, как бы помогая им решиться оставить зал, привычно скомандовал:— Кругом! Шагом марш!

И юнкера послушно замаршировали к выходу.

Отряд Ховрина тем временем разоружил юнкеров, засевших в здании училища.

Чугуев был взят без боя.

Не десять, а одна граната в руках смелого моряка не пустяк, как поется в песне о матросе Железняке.

РАЗГОН «УЧРЕДИЛКИ»

В январе 1918 года Анатолий Железняков снова в Петрограде. Он начальник охраны Таврического дворца.

С интересом смотрит Железняков на людей, заполняющих дворцовый зал. Все сюртуки да пиджаки, украшенные для вида красными бантами. Совсем мало рабочих косовороток, крестьянских домотканых рубах, выцветших солдатских гимнастерок. Вот делегат в рясе, другой — мулла в чалме, все верные слуги царского престола.

Это члены Всероссийского учредительного собрания. В народе его прозвали презрительно «учредилкой». Большинство членов собрания поддерживало Временное правительство, служило буржуазии.

От большевиков на заседание пришли Ленин, Свердлов, Дзержинский, Петровский, Надежда Константиновна Крупская, Мария Ильинична Ульянова. С ними и народный комиссар по военно-морским делам Дыбенко, американский революционер Джон Рид.

По поручению Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Учредительное собрание открывает Яков Михайлович Свердлов.

— Россия объявляется Республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Вся власть в центре и на местах принадлежит отныне Советам, и только Советам.

Свердлов громко и четко читает «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа».

Анатолий оглядывает зал. Внимательно слушают Якова Михайловича и друзья и враги. Матросы-часовые — их по четверо у каждого прохода — крепко

держат винтовки. На местах слева сидят большевики. Они аплодируют. Сверху, с хоров, их поддерживают рабочие, солдаты. Оттуда несется: «Ура!», «Да здравствуют Советы!».

Меньшевики, эсеры, кадеты отказываются признать власть Советов. Но Советы — единственная законная власть в стране — не нуждаются в этих господах и в их признании.

Ленин выходит из правительственной ложи. За ним покидают зал члены Учредительного собрания — большевики.

На минуту задержавшись, Владимир Ильич передает начальнику охраны Железнякову письменное распоряжение: из дворца выпускать всех без ограничения, но никого туда более не впускать.

— Они доживают последние минуты,— сказал Владимир Ильич и добавил, обращаясь к Железнякову:— Прошу вас, будьте повежливее с умирающими.

...Шел четвертый час ночи. У часовых слипались глаза от усталости. А члены «учредилки» все говорят и говорят, сменяя друг друга на трибуне. Сонный лакей который раз доливал им графин водой.

Часовым-матросам противно слушать разговоры о равенстве и братстве, о войне до победного конца от господ, которые никогда и не бывали на фронте.

Часы показывали 3.30 ночи, когда Железняков подошел к председательствующему на собрании эсеру Чернову и, положив ему руку на плечо, сказал:

— Караул устал. Часовые хотят спать.

И, вспомнив слова Ильича быть повежливее с умирающими, добавил:

— Очень прошу вас, гражданин Чернов.

После долгих препирательств и протестов депутаты были вынуждены покинуть дворец.

Едва зал опустел, Железняков отдал последний в эту ночь приказ:

— Открыть двери и окна!

Морозный январский воздух ворвался с улицы, вороша разбросанные на столе бумаги.

А через несколько дней здесь же, в Таврическом дворце, открылся Третий съезд Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Это было подлинное учредительное собрание трудового народа.

Среди его делегатов был и Анатолий Железняков, матрос, разогнавший «учредилку». Свердлов предоставил ему слово для приветствия съезду от имени революционных отрядов Петрограда, от имени флота.

БЕЛЫЕ ИЩУТ ЖЕЛЕЗНЯКА

В 1918 году Железняков командует полком на Царицынском фронте. Затем его направляют на подпольную работу в Одессу, захваченную французскими интервентами. Здесь у него другое имя. Он теперь механик Анатолий Эдуардович Викторс.

...Подпольщикам стало известно, что белые решили потопить плавучую тюрьму, так называемую «баржу смерти».

Надо было действовать без промедления.

И вот поздно вечером к барже подходит портовый катер «Баламут», на котором выезжала обычно санитарная инспекция, а иногда для ремонта судов механик Викторс.

Когда катер пришвартовался к барже, человек в белом халате крикнул в рупор:

— Карантинный осмотр! Просим пустить на борт врача и санитаров.

В плавучей тюрьме свирепствовал тиф. Он косил не только заключенных, но и тех, кто их охранял. Конвойные пристреливали тяжелобольных, а сами напивались до потери сознания. Им казалось, что спирт предохранит их от болезни.

Пьяный начальник караула берет в руки документы «врача» и через минуту лежит с кляпом во рту. Покончено и с другими конвойными.

Место часовых заняли подпольщики. Они в форме белогвардейцев.

Теперь надо взять баржу на буксир и отвести ее за волнорез. Механик Викторс сидит за рулем катера. Он ведет баржу в сторону пустынной в эти часы нефтяной гавани.

Арестованных выводят на берег. Их прячут в пригородах Одессы у верных людей.

Через несколько дней Анатолий Григорьевич шел с женой по Пересыпи.

Они остановились у афишной будки, возле которой стояла группа рабочих.

— Что там такое, поглядим! —сказал Анатолий.

На Железнякове был хороший штатский костюм, и они вполне могли сойти за людей, случайно забредших на рабочую Пересыпь.

Анатолий Григорьевич читает вслух:

«Всякий, кто доставит живым или мертвым матроса Железняка, получит четыреста тысяч рублей награды. Губернатор города Одессы генерал Гришин-Алмазов».

— Плохо работают власти, если за поимку какого-то матроса обещают столько денег,— говорит Железнякову его жена и тут же произносит несколько фраз по-французски.

Анатолий отвечает ей в том же тоне и выражает надежду, что «этот самый Железняк наверняка будет пойман».

Рабочие, читавшие афишу, глядят на механика Викторса и его жену с нескрываемой ненавистью. Им и в голову не приходит, что этот хорошо одетый человек и есть неуловимый матрос Железняк, за которым давно охотятся власти Одессы.

«ПРИЮТ-КОРАБЛЬ» МЕНЯЕТ ГАВАНЬ

Анатолий Григорьевич знал, что на старой барже, которую называли «приютом-кораблем», живут беспризорники, чистильщики пароходных топок — «коровины дети».

Топки на пароходах узкие, пролезть туда могли только ребятишки. Нанимал чистильщиков за гроши подрядчик по прозвищу «Корова». Отсюда и пошла кличка — «коровины дети».

Железняков часто появлялся на «приюте-корабле» то с караваем хлеба, то с картошкой. А когда Одесса была освобождена от интервентов и Железнякова избрали председателем союза торговых моряков, этот союз взял шефство над обитателями старой баржи.

Анатолий Григорьевич подыскал для них новую квартиру — особняк, хозяин которого, генерал, сбежал за границу.

Ребят вымыли и постригли. Флотские портные сшили им морскую форму.

На тяжелых дубовых дверях генеральского особняка повесили табличку с надписью: «Приют-корабль». На посту стоял юный вахтенный со штыком, висящим у пояса.

Воспитанников «приюта-корабля» обучали грамоте и морскому делу.

Железняков, который сам когда-то мечтал получить морское образование, отлично знал: море не терпит невежд. Он хотел со временем превратить «приют-корабль» в школу юнг.

Союз подарил своим подшефным инструменты для духового оркестра. Нашли в порту и яхту — учебное судно для ребят.

Анатолий Григорьевич даже название ей придумал: «Полярная звезда». Так называлась царская яхта, на которой в 1917 году заседали революционные моряки, решая судьбу Балтийского флота.

ДЖИМ — МОРСКОЙ ПЕС

Переселясь из старой баржи в генеральский особняк, ребята прихватили с собой и Джима. Это был забавный лохматый пес.

Днем, когда воспитанники сидели в классах, Джим скучал. Но как только ребята появлялись на спортивной площадке, он тут как тут. Носится с лаем за мячом, как заправский нападающий. Начнут юные матросы перетягивать канат — пес помогает слабой команде, хватается за канат и тянет его зубами.

Джим купался вместе с питомцами «приюта-корабля» и совершал с ними дальние походы на шлюпке.

Очень привязался пес и к Железнякову, который не забывал всякий раз принести ему какой-нибудь гостинец.

Но вскоре Анатолий Григорьевич был назначен командиром бронепоезда.

В день его отъезда из Одессы воспитанники «приюта-корабля» тщательно вымыли Джима и привели в вагон командира.

Джим сидел там тихо. А когда под звуки оркестра «приюта-корабля» бронепоезд отошел от перрона, пес запрыгал, завилял хвостом, увидев Анатолия Григорьевича.

Так Джим начал службу на сухопутном стальном корабле.

Этот удивительный пес не боялся стрельбы. В минуты же отдыха он забавлял бойцов, как некогда непоседливых обитателей «приюта-корабля».

По ночам он пристраивался спать у ног Анатолия Григорьевича, сердито огрызаясь, когда кто-либо будил командира. А приходило время обеда — Джим настойчиво тянул Железнякова за полы кожаной куртки, напоминал: пора!

Морской пес отлично переносил беспокойную жизнь поезда, не знающего расписаний. Он улавливал любые перемены в настроении своего хозяина, веселился и грустил вместе с ним.

Дружба моряка и морского пса продолжалась бы еще долго, если бы не такой случай.

Анатолий Григорьевич, занятый своими мыслями, рассеянно переходил железнодорожные пути и едва не попал под паровоз. Но Джим, верный пес, кинулся вперед, отчаянным лаем предупредил хозяина об опасности и тут же погиб под колесами.

БИТВА НА РЕЛЬСАХ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Экипаж бронепоезда вел жизнь, полную опасностей. Это была настоящая война на рельсах. И силу ударов сухопутного корабля скоро почувствовали белые.

Железняковцы преследовали банду предателя Григорьева, в прошлом царского офицера. Бандиты бесчинствовали. Они пускали под откос пассажирские поезда, грабили и убивали мирных жителей.

Не раз бронепоезд настигал бандитов. Однако григорьевцам удавалось уйти от окончательного раз-

грома. Только нащупают их пулеметы бронепоезда, дадут по ним несколько очередей, а смотришь — нет беляков, исчезли в степи, как дым.

И вот однажды Железняков решил отправить в погоню за ними свой конный десант.

Отступление григорьевцев прикрывал всадник на тонконогом гнедом коне. Это был настоящий джигит. Он то скатывался с седла и волочился по земле, притворяясь убитым, то снова вскакивал на коня и стрелял из своего карабина.

Железняков сам возглавил погоню. Не раз ходил он прежде в конную атаку и умел стрелять на полном скаку.

Меткий выстрел — и григорьевец сполз с седла. На этот раз навсегда.

Убитый оказался ближайшим сподвижником Григорьева.

Прочесав лес и уничтожив остальных бандитов, конники вернулись на опушку. Вдали виднелся паровозный дымок. Это их поджидал бронепоезд.

На следующее утро Железнякова вызвали в штаб Третьей Украинской армии. Он ждал выговора, так как понимал, что в пылу атаки увлекся. Это не раз бывало с ним. Командиру бронепоезда подобало оставаться в командирской башне, а не гарцевать на коне.

Железняков стоял навытяжку перед начальником штаба, ожидая неприятного разговора. Начальник штаба тоже стоял по команде «смирно». Но вид у него был вовсе не сердитый, а торжественный. Он сказал Железнякову, что за ликвидацию банды Григорьева бронепоезду вручается красное знамя и присваивается почетное наименование. Отныне он будет называться в приказах «Бронепоезд имени командарма Худякова» — легендарного героя гражданской войны.

— Приказ этот из Москвы,— добавил начальник штаба.— Кроме того, командующий лично просил поблагодарить вас.

Команда бронепоезда имени Худякова. В центре — Н. А. Худяков, рядом справа — А. Г. Железняков.

ПОСЛЕДНИЙ РЕЙД

В ночь на 26 июля 1919 года Железнякова разбудил дежурный. Командира требовали к прямому проводу.

Из штаба армии передали приказ немедленно выступить по направлению к станции Верховцево.

Через четверть часа бронепоезд имени Худякова шел на большой скорости вперед.

Бои тогда велись неподалеку от Екатеринослава (теперь он называется Днепропетровском). Участникам боя был хорошо виден мост через Днепр и сам город, чуть окутанный дымкой.

Бронепоезд выполнил задание, прикрыл огнем отступление наших частей. И теперь возвращался к базе.

Но вот Железняков из своей башни заметил впереди человека, который стоял на путях и махал красным флажком.

«Может быть, путь не в порядке?» — подумал командир и приказал машинисту остановиться.

Человек с красным флажком — железнодорожный стрелочник — сообщил тревожную новость:

— Впереди, в Верховцеве, белые. Они обошли вас...

Железняков поднес к глазам бинокль. И увидел вдали казаков. Их можно было узнать по посадке на конях и лихо заломленным фуражкам.

Бронепоезд имени Худякова оказался в мешке.

Кто-то предложил уходить в степь с оружием в руках, пробираться к своим.

— А как же раненые, те, кто на базе? Они попадут в руки к белым!

Нет, с этим никто согласиться не мог.

Тогда Железняков сказал товарищам:

— Надо во что бы то ни стало прорваться через Верховцево.

...Бронепоезд приближается к Верховцеву без единого выстрела. Он идет, наращивая скорость. Железняков видит в бинокль: белые выкатывают на перрон орудия.

Они в недоумении. Почему молчит бронепоезд? Не решил ли его командир сдаться на милость победителя? Можно, конечно, разобрать рельсы и пустить состав под откос. Но уж слишком соблазнительно захватить и бронепоезд, и самого Железнякова в плен.

Однако, подойдя к станции на расстояние выстрела, бронепоезд внезапно открыл стрельбу из обоих орудий и всех своих двадцати шести пулеметов.

Белые ответили огнем. Загорелись шпалы, которые лежали на хвостовой платформе. Артиллерист Романов, занятый тушением пожара, не заметил, как поезд прорвался через Верховцево. Неожиданно он остановился.

Вокруг стояла тревожная тишина.

В рубку командира вызвали медсестру, Машу Елину. Она побежала с санитарной сумкой вдоль вагонов. А оттуда выскакивали встревоженные бойцы:

— Что случилось?

— Командир ранен и, кажется, тяжело!

В пылу боя никто не заметил, как Железняков откинул стеклянный колпак башни, встал во весь рост и открыл стрельбу по белым из двух револьверов. Метким выстрелом он снял наводчика орудия. Но в ту же минуту сам был ранен в спину навылет.

Медсестра сделала перевязку Железнякову, уже терявшему сознание. И машинист повел бронепоезд осторожно, чтобы не беспокоить раненого.

Вот и база. Бойцы, стараясь шагать не в ногу, несут раненого командира на плаще.

Анатолий Григорьевич на минуту пришел в сознание и улыбнулся. Ведь они возвратились с победой — вырвались из кольца...

Железнякова перевезли на станцию Пятихатка, где стоял санитарный поезд. Его осмотрели врачи. Положение опасное. Командира немедленно надо доставить в госпиталь. Но только выдержит ли он этот путь?

Мимо вагона, где лежал Анатолий Григорьевич, строем прошли солдаты какой-то части. Они пели «Интернационал».

Слова этой песни дошли до раненого.

Железняков привстал и крикнул:

— Да здравствует революция! Да здравствует Советская Россия!

Это были его последние слова.

СЛОВО ИЗ ПЕСНИ

Где же поставить последнюю точку на карте боевых маршрутов человека из песни?

Может быть, на маленькой станции Верховцево, возле которой Анатолий Железняков был смертельно ранен?

Или дальше, там, где бронепоезд имени Худякова продолжал бить врага?

Когда юные земляки героя обратились ко всем железняковцам с просьбой рассказать о судьбе бронепоезда имени Худякова, пришло письмо из Одессы от подполковника запаса Александра Ксенофонтовича Романова. Того самого артиллериста, который тушил пожар на бронепоезде.

Вот что написано было в этом письме:

«Команда тяжело переживала гибель любимого командира. А в те дни на фронте сложилась особенно тяжелая обстановка. Ежедневные бои изматывали наши части. 12 августа 1919 года мы снова оказались в окружении и вынуждены были взорвать бронепоезд. Это случилось в городе Николаеве. Таков был приказ командования. Одно было утешение: бронепоезд погиб, но не сдался в плен».

Железняковцы отступили в пешем строю, вооруженные карабинами, гранатами и тяжелыми пулеметами, которые несли на руках.

Путь был нелегким. Вскоре им пришлось разделиться на два отряда. Один возглавил артиллерист Александр Романов, другой — боец Иван Просин.

Отряду Александра Романова надо было перебираться через поврежденный Ингульский мост, который мог каждую минуту рухнуть. Но и мост пройден.

На станции Колосовка раздобыли большой четырехосный вагон. Обложили его мешками с песком и установили в бойницы тяжелые станковые пулеметы. Нашли паровозик «ОВ» и снова начали войну на рельсах. Александр Романов крупно написал мелом на вагоне: «Анатолий Железняков». Бойцы проводили на этом малом «бронепоезде» лихие налеты, громили захваченные кулацкими бандами станции и полустанки.

Только когда кончились патроны, отряд Романова снова спешился и с боями начал пробиваться к Одессе. Здесь он встретился с Иваном Просиным и его бойцами. И этот отряд весь путь провел в боях.

Просину удалось вынести невредимым знамя бронепоезда имени Худякова.

Под этим знаменем железняковцы воевали потом в отряде прославленного Котовского, который знал Железнякова еще по одесскому подполью.

Все было, как в песне о матросе Железняке:

«Штыком и гранатой пробились ребята» и отомстили за смерть своего командира.

Хорошо в вышине

Эмма МОШКОВСКАЯ

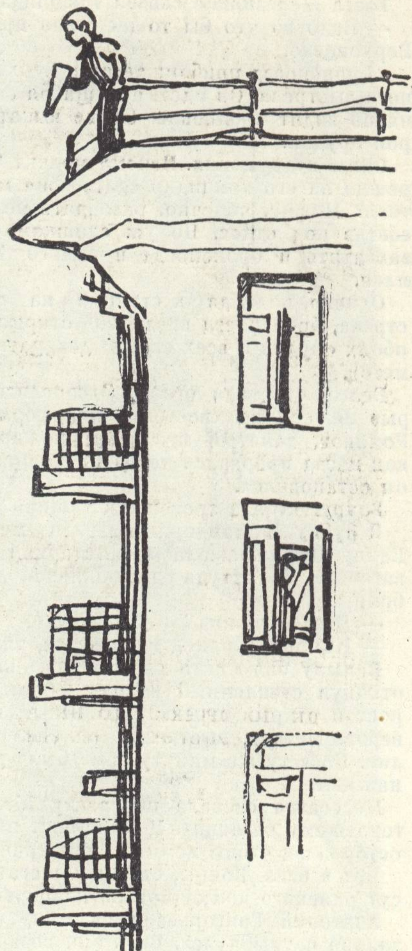
Рисунки А. А. Кокорина.

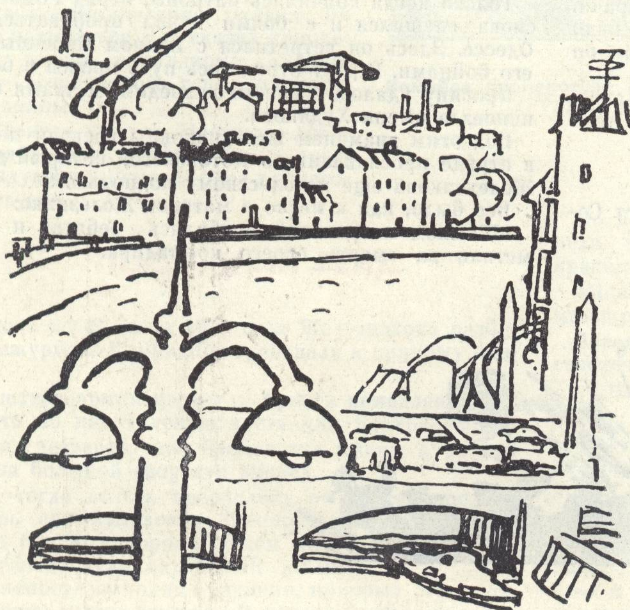
Гляжу на город с крыши я —
Тут всех на свете выше я!
Внизу любая вышка,
Как будто
Коротышка...

Там, внизу,
Все ползут,
И такси людей везут,
Как будто тараканчики!
И будки —
Как стаканчики!
И, на жучков похожие,
Проходят там
Прохожие!

А мне смешно,
Смешно, смешно!
На них смотреть —
Потеха ведь!

И хорошо, что влез я,
И вижу дальний лес я...
Мне лес отсюда видно!
А им, небось, обидно —

Обидно,
Обидно,
Что ничего не видно,

Кроме дома, дворика,
Скверика,
Заборика...

Хорошо
В вышине.
Полезайте все ко мне!

Сколько неба тут кругом —
Не закроет неба дом!

Не закроет,
Не закроет,
Только ночь его укроет
И от вас
И от меня

До завтрашнего дня!..

ХОДИТ НОЧЬЮ ВЕТЕР

Ходит ночью Ветер,
Ходит в темноте,
Ходит по дороге,
Ходит по воде...

Заблудился Ветер,
Боязно ему,
Не найти дорогу
К дому своему.

Спрашивал дорогу,
Спрашивал у всех —
Спрашивал Осоку,
Спрашивал Орех,

Да седой Орешник
Веткой покачал.
«Кто там, полуночник,
Бродит по ночам?!»

...Бормотали Клены,
Бормотала Рожь,
Бормотали сонно —
И не разберешь...

И не отвечала
Старая Сосна,

Только заворчала,
Старая,
Со сна...

Ходит ночью Ветер,
Чуть он не пропал!
Чуть косматой Ели
В лапы не попал!

Ходит по низинам,
Бродит наверху,
Будит он Осину,
Будит он Ольху...

Будит он упрямо,
Спрашивает путь:
То ли ему прямо,
То ли повернуть!..

Только не услышал,
Только не узнал.

Ветер
На рассвете
В поле задремал...

* * *

Странные вещи со мною случаются:

Я огорчаюсь —
Всё огорчается.

И огорченные люди встречаются,
И огорченно деревья качаются...

Я улыбаюсь —
Горе кончается!

Всюду веселые люди встречаются,
Всюду деревья от смеха качаются!

Но почему же
Так получается?!

В союзе с Аристотелем

Г. МИХАСЕНКО Рисунки П. Саркисяна.

(Окончание.)

ВАЛЕРКА УЗНАЕТ СЕКТАНТА

У Аркадия близилась сессия. Он стал возвращаться из института поздно, часов в десять-одиннадцать, усталый и нахмуренный.

— Туго, брат,— говорил он Юрке, сжимая виски и закрывая глаза.

— Очень туго?

— Порядком. Зачеты, чтобы их...

Как-то перед Новым годом заненастилось. С утра был сильный мороз, а с наступлением темноты подул ветер. Юрка сидел в комнате Аркадия и, прислушиваясь к шуршанию об окно снежных вихрей, налетавших порывами, думал, что сегодня, видимо, не придется покататься на лыжах, что Аркадий в такую непогодь придет поздно и что вечер этот для него, Юрки, будет страшно длинным и скучным. Он вздохнул и вышел в кухню.

Петр Иванович подшивал пим, зажав его между колен. На кистях обеих его рук черной спиралью были отпечатаны следы вара от дратвы. Василиса Андреевна тоже что-то чинила. Их позы, их однообразные движения показались Юрке такими же скучными, как и шорох ветра, как и собственное безделье.

Донесся лай собаки, и тотчас хлопнула калитка.

— Аркаша! — радостно вскрикнул Юрка.

— Ох, и погодка, доложу я вам, самая прескверная,— весело проговорил Аркадий, встряхиваясь и растирая нос пальцами.— Воет, кружит, жжет... Домового ли хоронят, ведьму ль замуж выдают...

— Аркаша, кататься пойдешь?

— Обязательно. Не ломать же порядок из-за какой-то пурги.

— И я пойду.

Юрка быстро собрался и забежал к Терениным.

— Не кататься ли? — спросил Василий Егорович.

— Кататься! Не ломать же порядок из-за какой-то пурги. Надо закаляться.

Мальчики подхватили теренинские легкие санки-розвальни и ринулись на улицу.

Ветер хулигански присвистывал. Било в глаза. Воздух сам врывался в рот, но воздуха не хватало — замирало дыхание.

У насыпи было сравнительно тихо. Хорошо было видно, как дыбились на гребне снежные космы, как они, ослабев, падали вниз и оседали. Порошило глаза. На зубах похрустывало, видно, местами склон выскребло до земли.

Поднялись к линии. По гребню скользили хлесткие, гибкие вихри. Они, словно какие-то странные белые змеи, появлялись из-за бровки и, огибая рельсы, или ныряли в затишье подветренного склона, или взмывали к проводам, высекая из них, подобно смычкам, пронзительные звуки.

Аркадий надвинул шапку ниже на лоб.

— Вы хоть до верха не поднимайтесь, катайтесь с середины.

— Нет уж, мы вытерпим. Правда, Валерка?

— Ну, жмите, пока носы не отвалились.

Мальчишки бухнулись в розвальни, обхватили руками головы, и Юрка глухо крикнул:

— Толкни!

— Ах, вас толкнуть?!— проговорил Аркадий.

Он быстро оглядел откос, заметил широкую выбоину и направил санки на нее. Розвальни с разлету врезались в выбоину, и ребята, как вместе лежали, так вместе, описав дугу, растянулись. Аркадий расхохотался, но тут его сильно толкнул ветер, он не удержался, переступил, скрестил нечаянно лыжи и вдруг покатился. Не успел он что-либо предпринять, как, раза три перевернувшись, очутился внизу, без шапки, облепленный снегом. Мальчишки, вставшие было, опять упали со смеху, и когда Аркадий, отряхнувшись, подъехал к ним, они в изнеможении стонали.

— Ох! — отдувался Юрка.— Ох, ты и летел! О-ох!

— Ладно, черти, поднимайтесь.

Выдохшиеся от смеха, мальчишки взбирались по лестнице медленно и молчаливо, волоча санки по ступеням. Аркадий был уже на гребне: с помощью палок он влезал быстро.

С моста выскочил пассажирский поезд и начал притормаживать перед красным светом. Заслышав сирену электрички, на перрон высыпали пассажиры.

Позади ребят не спеша поднимались двое взрослых. Они тихо переговаривались. Юрка вдруг насторожился: один из голосов показался ему знакомым. Он быстро оглянулся и толкнул Валерку.

— Поршенничиха!

Не приостанавливаясь, оглянулся и Валерка. Спутником Поршенниковой был высокий мужчина с бородкой. Валерка неожиданно вздрогнул.

— Он! — выдохнул мальчик испуганно, изо всех сил натягивая веревку саней.

— Что? — не понял Юрка, однако тоже приналег на бечевку.

— Это он! — прошептал Валерка.— Который украл Катьку... сектант... то есть Мистера...

— Он? — Юрка остановился, оглянулся, затем, отпустив веревку, ринулся вверх по лестнице. Он сперва махал через две ступеньки, потом через одну, наконец ноги стали словно чужими, словно мышцы от напряжения «перегорели», но он добежал все же до Аркадия и повис на его руке.

— Аркаша! — задыхаясь, проговорил он, ощущая сухое жжение во рту.— Аркаша... Вон Поршенникова с этим... сектантом.

— Где? — Аркадий выпрямился, оглядываясь, затем, отстранив брата, оттолкнулся палками и стремительно подлетел к лестнице, с которой те двое уже сошли на насыпь. Он развел перед ними руки с палками и торопливо проговорил:

— Минуточку, граждане.

Поршенникова ахнула, сделала шаг назад:

— Это он!

Мужчина посмотрел на свою спутницу, на Аркадия и пожал плечами. Поезд, отделявший их от перрона, дал гудок. Состав тронулся. Мужчина вдруг резко выставил ногу и ударил Аркадия наотмашь.

Аркадий всплеснул руками и, перевертываясь через голову, покатился по крутому откосу. А мужчина с неожиданным проворством бросился к идущему составу, ухватился за поручни и прыгнул на подножку. Все это произошло так быстро, что Юрка

вроде ничего не понял. Он проводил взглядом висящего на подножке бородача, взглянул на Поршенникову, стоявшую неподвижно, и лишь тогда сообразил, что брата ударили. Может, ножом?!

— Аркаша!

Аркадий задержался на половине склона и, отцепив сложенные лыжи, стал поспешно вскарабкиваться наверх на четвереньках.

— Где он? — хрипло спросил Аркадий.

— Прыгнул на подножку,— сказал Юрка.

— Ага. Ну, в добрый час.

Затем, будто только теперь заметив Поршенникову, он подошел к ней и произнес:

— Ну, что? Вы все еще знать никого не знаете?

— Господи-и! — вздохнула Поршенникова.

— Рыцарь двадцатого века! Бросил овечку из своего стада... Вы думаете, он достучится? Нет. Ему нельзя отцепить руки, чтобы постучать: его сдует...

Поднялся наверх и Валерка. Аркадий тотчас отослал мальчишек за лыжами и санями.

— Видел? — спросил Юрка, когда они, утопая в снегу, добирались до лыж.

— Видел. Как Аркаша летел! Кубарем.

— А как сектант удирал?

— Нет.

— Эх, ты!.. Все, теперь Поршенничихе крышка! А ты молодец, Валерк. Узнал этого бандюгу.

Потрясение еще не прошло, но Валерка начал вникать в происшедшее глубже. Да, он признал бородача, однако же опять испугался, опять струсил. Ну что же это такое?.. Ведь он обещал Юрке ничего не бояться. И не только Юрке обещал, но и сам себе говорил, что надо перебарывать боязнь и действовать вопреки страху... Нет, очевидно, невозможно сразу перемениться, подобно сказочному Иванушке-дурачку. Надо бороться за самого себя, иначе на всю жизнь останешься трусом, и вечно из-за тебя будут страдать другие.

Ребята везли в санях сломанные лыжи, изредка оглядываясь на Аркадия с Поршенниковой. Вьюга приутихла, лишь отдельные порывы достигали прежней пронзительности.

Возле Поршенниковых мальчишки остановились. Взрослые приближались молча. Женщина, не замедляя шага, только отпихнув ногой мешавшие пройти санки, свернула во двор и, не поднимая головы, застучала крючком калитки, ища петлю. Ребята смотрели на нее.

— А где Катька? — спросил вдруг Юрка.

— Отстаньте вы с вашими Катьками! — буркнула Поршенникова, заперла наконец калитку и направилась к дому.

— Ну как, братцы, настроение? — спросил Аркадий, когда она исчезла в сенях.

— Мы ее так и отпустим? — почти испугался Юрка.

— Как так?

— Ну вот так: мы домой, и она домой.

Аркадий пожал плечами.

— А она не убежит?

— Дальше Советского Союза не убежит!

— Она что-нибудь рассказала, да? Ты ее допрашивал? — не унимался Юрка.

— Она всю дорогу причитала, да охала, да кляла свою жизнь, разнесчастную да невезучую... И, между прочим, взывала к моей доброте: «Не сказывай, не выдавай, во всем тебе признаюсь, только утаи». Я сказал, что... посоветуюсь с вами. Как, утаим?

— Ни за что! — воскликнул Валерка.— Ни за что!

— Ни в коем случае! — заявил и Юрка.— Надо завтра же... что-то решить. Аркаша, а что ты хотел сделать, когда подъехал к ним на лыжах?

— Не знаю,— задумчиво ответил Аркадий.— Само

получилось. А что бы я сделал, не знаю... Видимо, что-то бы сделал... Бородач это почувствовал. Он знал, что я могу с ним что-то сделать, иначе бы не прыгнул на подножку... А что — я не знаю.

— Может, он побоялся, что ты позовешь людей? — спросил Юрка.— Или дежурного милиционера?

— Возможно.

— А если он доедет до Нового Города?

— Вряд ли. Единственное, что можно сделать в его положении,— прыгнуть... И он прыгнет, хотя это для него может плохо кончиться: не думаю, что он хороший прыгун, да еще при такой скорости...

— Хоть бы руки и ноги себе поломал,— сказал Юрка.

— Как фамилия того летчика?

— Какого?.. А-а! От слова «дятел».

— Дятлов. Но только вот что, друзья: никому ни слова, по-прежнему... Даже Галине Владимировне. Пусть уроки пройдут спокойно. Я сам приду в школу... А дома скажите, что я остался еще на полчаса, ясно?

— А ты куда?

— В милицию. Я ведь сейчас в некотором роде тоже преступник: толкнул человека, может быть, на гибель... Найдет обходчик труп на путях — кто? как? откуда?.. Надо, чтобы в милиции все было известно. Так что... Я и так маху дал — нужно было со станции позвонить...

И Аркадий пошел по занесенной улице. Ветер, точно понимая эту поспешность, одобрительно толкал его в спину.

СОБЫТИЯ РАЗВОРАЧИВАЮТСЯ

Двенадцать подвигов Геракла ничего не стоят в сравнении с тем, что пришлось пережить мальчишкам, храня тайну. Никогда в жизни им еще не выпадала эта тяжелая работа — молчать. Зато с каким победоносным видом смотрели ребята на своих друзей и на Галину Владимировну!

На первой же перемене мальчишки подошли к Кате, и после нескольких вопросов относительно арифметики Юрка спросил:

— Ну, как дома?

— Что как?

— Вчера вечером ты чем занималась?

— Чем занималась?.. Сперва ничем, а потом мама говорит: иди, говорит, посиди у соседки, пока я в магазин схожу. Ну, я и пошла.

— Вот хитрая! — воскликнул Валерка.

— Кто хитрая?

— Да мать твоя, кто же!

— Почему?

— Ладно. В общем, тебя сплавили,— сказал Юрка.

— Меня не сплавили. Я сидела-сидела у тети и уснула, а потом мама разбудила меня.

— Что* делается! — проговорил Юрка.— А знаешь ли ты...

— Спокойно! — сказал Валерка, оглядываясь.

И Юрка опять подумал с горечью о том, почему все-таки странные, таинственные происшествия случаются именно с теми, кому они меньше всего нужны. Почему Катька оказалась в центре событий, а не он, Юрка? Уж он бы показал всем этим бабушкам и дедушкам! Он бы им подстроил!

Отгремел последний звонок, ученики ряд за рядом стали выходить в коридор, направляясь к вешалке, а Аркадий все не появлялся. Юрка с Валеркой озабоченно перемолвились по этому поводу несколькими словами. Юрка даже предложил рассказать все Галине Владимировне, не дожидаясь Аркадия.

— Какая разница — мы или он?

В это время в вестибюль торопливо вошел Аркадий, увидел учительницу, поздоровался и шепнул ей что-то на ухо.

Галина Владимировна быстро кивнула, назначила старшим одного из мальчиков, как обычно делала, когда ей было некогда, и молодые люди поспешно поднялись на второй этаж.

Юрка с Валеркой живо покинули строй, выждали немного и тоже взбежали наверх. Здесь был и кабинет директора и учительская. Мальчишки заглянули в учительскую — Галины Владимировны и Аркадия там не было.

— У директора,— шепнул Юрка.— Решают...

За обитой дерматином дверью не слышалось ни слова. О чем они говорят?.. Что решают? Удалось ли скрыться «святому жулику»? Юрка вчера дождался Аркадия, но тот ничего утешительного сообщить не смог. Пока он добирался до отделения, пока разъяснял милиционеру суть дела и пока милиционер дозванивался до вокзала Нового Города, поезд миновал станцию.

На следующую остановку было послано спешное распоряжение: по прибытии состава спросить по внутреннему радио, не впускал ли кто из проводников пассажира на полустанке Мостовая. Затем было отдано еще одно распоряжение дежурному Мостовой: обследовать вместе с обходчиком участок дороги Мостовая — Новый Город «на предмет обнаружения пострадавшего, которому оказать помощь». Дальнейшего Аркадий не узнал, а рассказанное только разбередило мальчишеское воображение...

Дверь вдруг слегка приоткрылась, и послышался голос Константина Андреевича:

— Я думаю, в первую же субботу после Нового года, а может быть, раньше, словом, прямо по горячим следам... Поршенникову вызвали уже?

— Нет еще. Вызовут сегодня.

— М-да... Совершенно неожиданно, прямо снег на голову... Значит, школа должна дать религии решительный бой... Видите, как просветляются мысли, когда в дом приходит беда? А есть ли гарантия, что Поршенникова единственная в своем роде?

— Нет гарантии, Константин Андреевич,— сказала Галина Владимировна.

— К сожалению... Уже потому мы плохо знаем своих учеников, что плохо знаем их родителей и близких.

— Хорошо бы все же дозвониться до Дятлова,— проговорил Аркадий.— А то пока идет телеграмма, он может куда-нибудь вылететь... В этом деле нужны полнейшая конкретность и очевидность, до мелочей.

— Совершенно верно. Я попробую дозвониться,— сказал директор,— м-да...

Дверь потихоньку-потихоньку отходила и скоро отошла настолько, что возможным оказалось просунуть в щель голову. Юрка эту возможность не упустил. Но едва он заглянул в кабинет, как его увидела Галина Владимировна.

— Они здесь, Константин Андреевич, мальчики.

Юрка, разумеется, успел убрать голову, но бежать мальчишки не решились, только плотнее прижались к стене. А голос директора подкатывался вместе со стуком каблуков.

— Ну-ка, сюда, сюда, друзья... Не прятаться... Ну? Три шага вперед! Поднимать восстание в вагоне не стесняетесь, а к директору не хотите войти. — Мальчики вошли, прижимая сумки к коленям.— Ну то-то... Вот так... М-да... Что я им могу сказать, Аркадий Петрович? Что они молодцы?

— Аркаша, того поймали? — спросил Юрка.

— Нет. Исчез. Бесследно.
— И по радио объявляли?
— Объявляли. Никто никого не впускал на Мостовой.
— И по откосам все осмотрели?
— Да, и по откосам... Видно, удачно спрыгнул.
— Жаль, что не задержали,— вздохнул Юрка.— Он уедет в другое место и снова начнет это...
— Мы думаем,— заметил Константин Андреевич,— что и в другом месте найдутся такие же Юрки и Валерки, чтобы помешать ему.

Юрка задумался. Еще раз напомнив друг другу о чем-то ранее условленном, взрослые поспешили разойтись. Галина Владимировна свернула в учительскую, а мальчишки с Аркадием спустились вниз.

— Вы шпарьте домой,— сказал он им,— а мне нужно в милицию. Сейчас туда прибудет и Поршенникова... Некоторые подробности потом. Ну, ступайте.

Юрка с Валеркой шли, бурно обсуждая исчезновение бородача. Мимо них лихо пролетел Фомка, брюхом лежа на санках и ногами регулируя повороты. Он катался с насыпи и на полном разгоне попадал в распахнутую калитку своего двора. Юрка снисходительно подумал, что вот Фомка носится себе и совершенно не знает, что сейчас творится на белом свете.

Навстречу двигался милицейский «газик».

— Ее, наверное, везут,— прошептал Юрка,— Поршенничиху... Как там Катька, интересно?

Машина быстро прошмыгнула, обдав мальчиков снежной пылью, и скрылась за поворотом.

И ВОТ...

В один из январских вечеров по неосвещенным улицам Перевалки к школе направлялись многочисленные группы людей, привлеченные объявлением, вывешенным в центре поселка и возвещавшим о суде общественности над гражданкой Поршенниковой.

Юрку с Валеркой, как они ни рвались, не пустили.

— Нельзя, братцы, нельзя,— только и отвечал Аркадий на попытки ребят добиться разрешения.— Это не только я решил, но и Галина Владимировна и Константин Андреевич. Ясно?.. А о Поршенниковой вам известно все.

Да, о Поршенниковой ребятам со слов Аркадия было известно все. Следствие оказалось простым и недолгим. Без колебаний и увиливаний Поршенникова во всем созналась.

Она работала охранницей на мельничном комбинате и, пользуясь своим положением, частенько что-нибудь «доставала», а потом потихоньку сплавляла «добычу». Побочный доход превышал ее зарплату раза в три. Действовала она осмотрительно, без осечек и была у начальства на хорошем счету, так как случайно помогла однажды раскрыть одну крупную махинацию на комбинате.

Как-то к ней домой пришел незнакомый мужчина, объявил, что уполномочен властями произвести обыск, и предъявил какую-то бумагу, которую она в испуге и растерянности не рассмотрела. Поршенникова только что перевезла к себе и припрятала в сенях три мешка «богатых» зерновых отходов. Мужчина спрятал бумагу, опустился на табуретку и печально сказал, что он прекрасно понимает безвыходность ситуации, ведь только за половину того, что он знает про ее фокусы, положен по всей строгости советских законов «срок», и немалый, но, продолжал мужчина, он не будет производить никакого обыска: не в христианских обычаях подкладывать ближнему свинью, а он истинный христианин, однако это не услуга, а исполнение воли Христа, который решил спасти заблудшую и сделал так, что на обыск был послан его верный слуга...

Еще не угасла растерянность и не унялась холодная нервная дрожь, как Поршенникова вдруг ощутила, что здесь что-то не то, что этот человек, пожалуй, не тот, за кого себя выдает, что он, может быть, не имеет права на обыск и что бумага его подложная.

Но одновременно с этим Поршенникова почувствовала, что пришелец действительно многое про нее знает: видимо, долго следил, наблюдал и наверняка имел своего человека на комбинате, иначе бы не рискнул так уверенно вторгнуться в чужой дом... Что же ему надо?.. Деньги?.. Однако незнакомец заявил, что его занимает только она сама, он радеет единственно о ее спасении.

Это и был сектантский проповедник.

Словом, под страхом разоблачения Поршенникова через несколько дней явилась на собрание секты и внесла первый денежный взнос. Она никогда ничему не верила, никаким богам. Не поверила она и тем бредням, которые преподносили ей неожиданные союзники. Однако, прикинув вскоре, что этот союз не будет ее особенно тяготить, если, конечно, сохранить его в тайне, она сделала вид, что подчинилась. «Уж лучше с этими тронутыми молиться, чем в каталажке сидеть».

Однажды пресвитер попросил привести на сходку Катю. Поскольку дети присутствовали на моленьях постоянно, Поршенникова привела и Катю. Затем последовало требование, чтобы девочка перестала посещать школу по субботам,— так, дескать, велит всевышний, который благословил и освятил этот день.

Поршенникова не воспротивилась, тем более что «святой отец» достал медицинскую справку об освобождении Кати от занятий. К тому же сама она считала, что неплохо бы дочери вообще годик-два посидеть дома, поднакопить силенок, все равно ведь еле-еле учится.

Она этого не высказывала, но пресвитер, очевидно, понял ее, так как вскоре завел именно такой разговор, призвав для помощи старушку, которая уверила, что укажет девочке истинный путь служения Христу. После некоторых размышлений, подкрепленных новой медсправкой и посулом избавить ее от взносов, Поршенникова поддалась уговорам и запретила Кате ходить в школу. А через несколько дней старуха взяла девочку к себе, якобы для того, чтобы скрыть ее от глаз соседей, которым, несомненно, покажется подозрительным Катино затворничество, а так болеет и болеет, а где и как — людям безразлично.

Узнав же, что старуха побирается, что она заставляет ходить вместе с ней по вагонам и Катю, Поршенникова испугалась и обратилась к пресвитеру, который ответил, что это сын божий посылает испытание, что надо же как-то искупить грехи, содеянные ею. Он намекал и угрожал... Поршенникова не знала, что делать.

Все это выяснилось во время следствия. Поршенникова, по словам Аркадия, говорила сумбурно, но сам Аркадий, посвящая ребят в дело, придал рассказу логическую связность.

Долго Юрка с Валеркой обсуждали все тонкости этой истории, пока не осмыслили ее полностью. Им было радостно сознавать, что Кате теперь никто и ничто не грозит: ни черт, ни бог, ни жалкое нищенство — и что в этом избавлении есть их прямое участие.

И вот где-то там уже идет общественный процесс!.. Суд!.. Ребята сидели у Гайворонских и играли в «морской бой». На улице и в избе было тихо. В углу горницы стояла наряженная елка со стеклянным спутником на верхушке. Из кухни чуть слышно доносилось потрескивание дров в печке. Юрка изредка прерывал «огонь» и, забирая листочек с полупотопленными кораблями, отлучался подбросить два-три полена.

— Знаешь, как мама удивится,— проговорил он, вновь устраиваясь на диване.— Ох, и удивится!.. Не поверит. И про нас не поверит, что мы тайны раскрывали.

— Может быть... Е-4.

— Мимо!.. И твои удивятся. Думаешь, нет?

— Пожалуй... Бей.

Юрка подумал, ударил, промазал и поставил точку.

— А где сейчас Катька? — спросил Валерка.— Е-5.

— У какой-то тетеньки. Мимо... На время. Я спросил, почему не у нас,— Аркаша говорит, вы слишком много знаете, а ей нужно знать поменьше, хватит, говорит, с нее, натерпелась... Д-3.

— Ранил!

Юрка взял кочергу, перемешал пылающие угли на колосниках и бросил им на съедение два толстых коротыша. На стенах кухни в темноте колебались огненные блики. Юрка вдруг к чему-то прислушался, включил свет, зашевелил ноздрями и тревожно произнес:

— Валерка, по-моему, конфетами пахнет, шоколадными... Иди-ка сюда... Здорово пахнет.

Невидимые следы привели Юрку в комнату Аркадия, и он стал шарить на полках с книгами.

— Кажется, отсюда несет... О! Что-то есть... Кулек! Валерка, смотри — «Радий». Законно! Стой-ка, две конфеты вниз провалились.

Юрка снял несколько книг с нижней полки и обнаружил красивую коробку.

— Что делается! — проговорил он.— И тут шоколадные... Хм... Пробуй-ка...

— Не надо, Юрка, брать... Спрятали, значит, не надо.

— Чудак, мы же только попробуем... Держи... Вот! По паре конфет, и все... Остальное на место... Шито-крыто. Это Аркаша от меня укрывает. Где это видано, чтобы я не нашел конфеты!

Юрка заложил кулек и коробку книгами, и мальчишки вернулись в горницу.

— Давай посидим в темноте,— проговорил Юрка, щелкнув выключателем, и, пробравшись ощупью к елке, внизу, у крестовины, щелкнул еще раз. Вспыхнули разноцветные гирлянды, мигом превратив комнату в какую-то пещеру с таинственными углами, а комод, шифоньер, стол — в скальные выступы.— Садись, потом доиграем... Я люблю вот так...

Нет, на улице не было тихо... На улице был ветер... А где-то там, за ветром, за сотней дворов, шел общественный процесс!.. Суд!..

Оба думали об этом, и оба молчали.

Юрка пересел на порог, поближе к печке. Дрова догорали. Сквозь колосники падали в поддувало маленькие желто-красные угольки.

— А все-таки нечестно,— вздохнул Юрка.— Им можно, а нам нельзя. Интересно, будут ловить этого главаря?.. Наверно, будут. Наверно, Поршенникова даст адрес, где их всех накроют и старуху тоже!..

С улицы донеслись голоса, и хлопнула калитка.

— Идут! — крикнул Юрка.— Идут!

Дверь распахнулась, и следом за клубами мороза, легко подкатившимися к елке, словно к старой знакомой, вошли Галина Владимировна, Дятлов, Аркадий, Василиса Андреевна и Петр Иванович.

— Узнаете? — спросил летчик, снимая фуражку.

— Конечно,— сказал Юрка.

— А я ведь за вами... Вы, небось, забыли уже свои мечты. Заморозили, небось, до лета, а я помню... Что, забыли?.. Эх, вы!.. А кто желал посмотреть аэродром, а?.. Кто меня вербовал в проводники?

— А-а,— сказал Юрка.

— Так вот, пожалуйста. Завтра, послезавтра — когда угодно. Назначайте время, договаривайтесь с родителями, и я вас жду,— подмигнул летчик и в довершение всего шевельнул ушами.

— Юра! — позвал Аркадий из своей комнаты. Юрка явился.

— Поставь-ка чайник.

— Ну как, Аркаша?

— Что как?

— Ну, там...

— Не торопись. Давай-ка чайник живее организовывай, чай пить будем.

— А-а, вон ты кому конфет купил! — протянул Юрка.

— Нашел?

— Нашел.

— Какие, несчастный, в кульке или в коробке?

— И в кульке и в коробке.

— Слопал?

— Нет. Только попробовал.

— То-то! Иначе висел бы ты на печной задвижке... Включай чайник!

Дятлов и Галина Владимировна рассматривали елку, прося Валерку давать объяснения. Вошел Аркадий.

— Смотрите, какая неудержимая фантазия! — воскликнул он.— На свинье поварской колпак. У медведя трубка во рту, а волк так мило улыбается, что в его порядочности не возникает никаких сомнений.

Валерка, чувствуя великое смущение, воспользовался тем, что от него отвлеклись, шмыгнул на кухню и принялся одеваться.

— Куда ты? — остановил его Петр Иванович.— Нука, клади!.. Клади, клади пальтишко, сейчас твои сюда придут... Юрка, Валерка-то убегает.

— Не убежит,— сказал Юрка, притаскивая из сеней ведро воды.— Пап, наливай сам... Пошли.

— Неудобно,— прошептал Валерка, упираясь.

— Чего неудобно? Да пошли!.. Сейчас мы у них все выпытаем! Пошли.

И Юрка решительно потянул друга в горницу. При их появлении Галина Владимировна, Аркадий и Дятлов сбились с какого-то разговора, однако Дятлов махнул рукой и, видимо, довершая мысль, проговорил:

— В общем, она поняла, что такое люди.

— Ну, если и не поняла, то, во всяком случае, увидела,— вставил Аркадий.

— Теперь ни с какими святыми не захочет знаться,— сказала Галина Владимировна и, подняв с дивана книгу, прочитала: «Тициан».

— Вот кто святой! — воскликнул Аркадий.— А не какие-то там... Верно, Юрка?.. Тициан, Пушкин, Ленин — вот наши боги — люди такие же, как и мы, только лучше нас. Что, Валера? Да не красней ты, а подходи ближе.

В дверях встали Петр Иванович и Василиса Андреевна. И все смотрели на ребят странно, пристально и радостно.

С. МАРШАК

Из Эдварда ЛИРА

Рисунки Л. Зусмана.

Эдвард Лир (1812—1888 гг.) — один из классиков английской поэзии для детей.

По профессии он был художник. Долгое время рисовал зверей и птиц для зоологического музея. Последние восемнадцать лет жизни болезнь заставила его провести вдали от родины, в Италии.

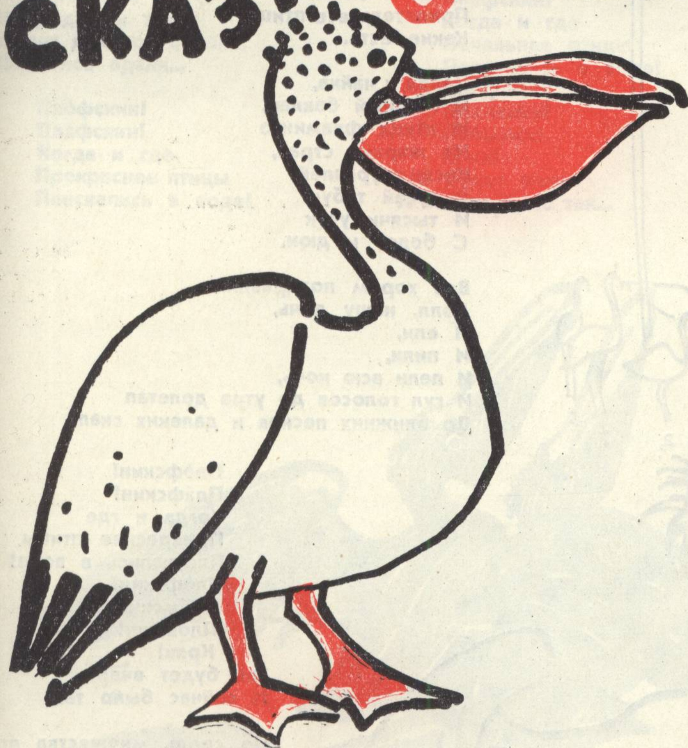
Стихи для детей Эдвард Лир писал сначала как подписи под собственными рисунками. Так возникли его книги небылиц и веселых нелепиц, ставшие впоследствии знаменитыми во всем мире. Великолепный мастер стиха, он сочетает в своих книгах для детей неиссякающий юмор с мягкой лиричностью. Рассказывают, что Лир сам от души смеялся, как ребенок, придумывая свои затейливые истории. Он оставил детям несколько веселых азбук в рисунках и стихах и много смешных историй, героями которых являются либо придуманные им веселые и милые чудаки, либо говорящие звери, птицы и вещи.

Переводить Эдварда Лира очень трудно. Нелегко передать его разнообразный, гибкий ритм и мелодичность его стихов, воспроизвести на другом языке причудливую вереницу его образов.

И все же я работал над переводами из Лира с живейшим интересом и удовольствием. Мне хотелось донести до моих читателей ту веселую игру, которая составляет сущность поэзии Эдварда Лира.

С. МАРШАК

СКАЗКА О ПЕЛИКАНАХ

Мы — король с королевой
Пели-канов.
Не найдете нигде вы
Таких великанов.
Таких, похожих
На ласты, ног,
И сложных
Кожаных
Ртов и щек.

Пло́фскин!
Пла́фскин!
Когда и где
Прекраснее птицы
Плескались в воде!
Пла́фскин!
Пла́мскин!
Пло́шкин!
Кряк!
Так будет вчера
И сейчас было так!

Мы любим Нил,
Мы на Ниле живем.
На Нильских утесах
Мы дремлем вдвоем.
Мы ловим рыбешку
В дневные часы,
А вечером смотрим
С песчаной косы.

И едва только солнце
Сойдет с вышины,
И станут прибрежные
Скалы черны,
И зардеет река
От закатных огней,
И шнырять будут йбисы
Быстро над ней,—
Крыло в крыло
Мы становимся в ряд,
И пляшем,
И скачем,
И топаем в лад.
И, наши огромные клювы раскрыв,
Мы песню поем на такой мотив:

Пло́фскин!
Пла́фскин!
Когда и где
Так радостно птицы
Плескались в воде!

Пло́фскин!
Пла́мскин!
Пло́шкин!
Кряк!
Так будет вчера
И сейчас было так!

Прошлогодней весной
Нашу дочь юных лет,
Пеликанью принцессу,
Мы вывезли в свет.
И на этот бал
Оказать ей честь
Прилетели все птицы,
Какие есть.

Цапля и чайка,
И жирный баклан,
И птица фламинго
Из жарких стран,
Косяк журавлей,
И гусей табун,
И тысячи уток
С болот и дюн.

Все хором поздравили
Дэлл, нашу дочь,
И ели,
И пили,
И пели всю ночь,
И гул голосов до утра долетал
До ближних песков и далеких скал:

Пло́фскин!
Пла́фскин!
Когда и где
Прекраснее птицы
Плескались в воде!
Пло́фскин!
Пла́мскин!
Пло́шкин!
Кряк!
Так будет вчера
И сейчас было так.

Но средь множества птиц
Из лесов и полей
Величавее всех
Был король журавлей.

Был широк его шаг,
И высок его рост,
И красив его фрак,
И хорош его хвост.

Кружева прикрывали
Ступни его ног,
Чтоб никто разглядеть
Его пальцев не мог.

(Хоть для света всего
Уж давно не секрет,
Что меж пальцев его
Перепонок нет!..)
И едва лишь увидел
Он дочь нашу Дэлл,
Как влюбился
И сердцем ее завладел.
Он влюбился
В ее ковыляющий шаг
И креветок венок
На ее волосах.
Преподнес он ей в дар
Крокодилье яйцо
И на лапку надел
Из кораллов кольцо.

И вот наша дочь
С королем-журавлем
Далекò-далекó
Улетели вдвоем.
В дальний путь
Провожало их множество птиц —
Лебедей и гусей,
Журавлей и синиц.

Унеслись они прочь
Из родимой земли
И, как длинное облако,
Скрылись вдали...

Плòфскин!
Плáфскин!
Когда и где
Прекраснее птицы
Плескались в воде!

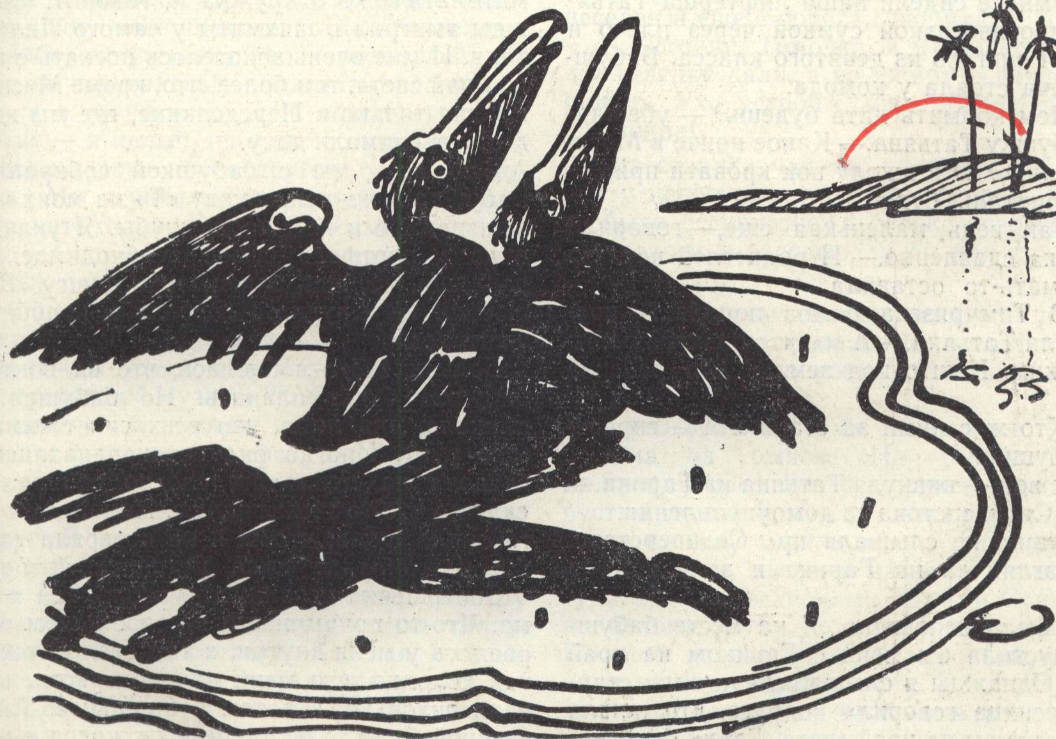
Плòфскин!
Плáмскин!
Плòшкин!
Кряк!
Так будет вчера
И сейчас было так!

Мы с прибрежья
Смотрели им вслед полчаса,
До тех пор, пока слышались
Их голоса.
Где-то в сумерках летних
Исчезли они,
И на желтых песках
Мы остались одни...

Часто-часто с тех пор
Летом в лунную ночь
На прибрежных песках
Вспоминаем мы дочь.
Улетела она
Неизвестно куда,
И, должно быть, не встретиться
Нам никогда...

Плòфскин!
Плáфскин!
Когда и где
Печальнее птицы
Плескались в воде!
Плòфскин!
Плáмскин!
Плòшкин!
Кряк!
Так будет вчера
И сейчас было так...

ГАЛСТУК С ЦВЕТАМИ

Л. РОЗАНОВА

Рисунки Ф. Лемкуля.

Я стояла перед школой и смотрела, как выносят парты. Их относили в дальний конец двора и сваливали у стены нашего дома, возле ярко-желтой надписи «В газоубежище». Мне очень хотелось знать, вынесли уже парты из третьего «Б» или еще нет. Мне казалось, что если еще не вынесли, то обязательно что-нибудь случится, и мы начнем ходить в школу. Я раздумывала, у кого бы спросить об этом, и тут увидела Борьку. Борька искал меня.

— Томка! — закричал он.— Беги домой скорей! Записывать пришли, кто еще не уехал. В эту записывают... забыл, как называется.

Мы помчались по лестнице, перепрыгивая ступеньки. У самой двери Борька отдышался и сказал:

— В акувацию.

В комнате сидели наша лифтерша Татьяна с противогазной сумкой через плечо и Гарик Грингауз из девятого класса. Бабушка молча стояла у комода.

— Чем кормить дите будешь? — убеждала бабушку Татьяна.— Какое нонче в Москве питание? И в школу вон кровати привезли, госпиталь будет.

— Так ведь маленькая еще,— говорила бабушка сдавленно.— И родителей нет. На меня мать-то оставила.

— В Тимирязева бомба попала...— продолжала Татьяна.— А мы что ни ночь, в метро бежим. Нешто под землей для ребенка сон?

— Кто ж с ними за старшего? — спросила бабушка.

— А вон,— кивнула Татьяна на Гарика.— И еще Селиверстова из домоуправления.

Бабушка не слышала про Селиверстову. Она взглянула на Гарика и заплакала в голос.

Это было непонятно. Я на месте бабушки отпустила бы меня с Гариком на край света. Однажды я слышала, как одна старшеклассница говорила подруге, что пошла бы с Гариком на край света. Гарик был знаменитым человеком в нашей школе, его слава докатывалась даже до первоклашек. Он был лучшим комсомольцем, председателем математического кружка и, говорят, однажды выиграл в шахматы у самого Лилиенталя. И мне очень захотелось поехать с ним на край света, тем более, что, кроме Москвы, я была только в Переделкине, где мы каждый год снимали дачу.

Всю ночь мы с бабушкой собирались. Бабушка вышивала букву «Т» на моих чулках, панаме и подкладке шубы. Я укладывала в портфель самое необходимое: карандаши, учебник арифметики, книгу «Волшебник Изумрудного города» и коробку с фантиками.

Больше всего я боялась, что на вокзале бабушка будет плакать. Но бабушка не плакала, она лишь изо всех сил сжимала мою руку. Иногда она останавливалась и глядела на меня так, словно собиралась сказать что-то очень важное. Но каждый раз говорила лишь, чтобы я не потеряла галоши и чтобы не пила некипяченой воды.

Совершенно неожиданно заплакала я сама. Что-то привычное и веселое разом оборвалось у меня внутри, и там стало пусто и так холодно, что меня начало трясти, сначала тихонько, а потом все сильнее. Такое со мной было только однажды, когда я первый раз проснулась ночью от воя сирены.

Но тогда действительно было страшно, а сейчас ничего страшного не происходило. Просто в толпе у вагона я увидела Гарика Грингауза, который прощался со своей мамой или бабушкой — такой же маленькой, черной и в очках, как Гарик. Она крепко держала его за руку, как будто он мог потеряться. Другой рукой она засовывала ему в карман яблоко; Гарик отталкивал яблоко, а она засовывала. Я подумала о маме, и уже не могла думать ни о чем другом, и ревела все громче.

За две недели до войны мои родители уехали отдыхать в Белоруссию, и с тех пор мы ничего о них не знали.

Ехали мы дней семь, больше не ехали — стояли. На остановках Гарик бегал за кипятком, покупал вареную картошку и водил нас умываться к фыркающим, утопающим в лужах кранам; он требовал, чтобы мы все время держались за руки, и то и дело нас пересчитывал.

Из нашего дома ехали трое: я, Борька и толстая девчонка Сусанна, с которой мы спали на одной полке. Сусанна любила становиться во всякие балетные позы, она вытягивала руки в стороны, а ногу назад и говорила, что, если бы не война, она бы училась в Большом театре. При этом она всегда добавляла, что, когда по радио объявили войну, она нисколечко не испугалась, а, наоборот, утешала своих родителей. «Я тоже не испугалась! — подхватывала я.— Я играла в мячик». «А я и вовсе,— говорил Борька,— я целый день мыло покупал». Мы гордились друг перед другом своей смелостью. Мы кричали встречным составам: «Оторвите голову Гитлеру!», «Смерть фашистам!». Составы шли один за другим. В открытых дверях теплушек сидели, свесив ноги, бойцы, обрывки их песен вспыхивали в грохоте колес и уносились дальше.

Однажды ночью я проснулась от странной, тревожной музыки. Поезд стоял, и, прислушавшись, я поняла, что это не музыка, а песня, которую поет сразу тысяча голосов. Никогда раньше я не слышала таких песен — она была, как плач, и наполняла все вокруг. Я перелезла через спящую Сусанну и выбралась в тамбур.

На соседнем пути стоял состав. Между теплушками я увидела громадную толпу, прижавшуюся к составу. Каждая женщина в этой толпе причитала по-своему на незнакомом мне языке, но вместе получалось, как будто поют они на один мотив, они даже покачивались одинаково, и от этой песни становилось страшно. Вдруг состав дрогнул и пошел, и те, кто сидел в нем, запели другие песни, только уже было не разобрать, какие. И в мелькании просветов между теплушками видно было, что толпа тоже дрогнула и хлынула вслед за составом. Песня-плач оборвалась, только крики слышались теперь из темноты.

Кто-то положил мне на плечо руку: оказывается, Гарик все время стоял рядом.

— Вот, Томка, какая штука,— сказал он.— Вот как бывает... Кто едет на запад, а кто — на восток.

Гарик смотрел в ту сторону, куда ушел состав. Я бы даже подумала, что он и вовсе меня не видит, если бы он не сжимал так сильно мое плечо.

Нас привезли в маленький город, который даже не имел настоящего названия. Его называли просто Соцгород или еще — красиво и непонятно — Крекинг. Так назывался громадный завод, на котором перерабатывали нефть и над которым днем и ночью полыхало в небе красное зарево.

Жители Соцгорода разобрали нас по домам. Меня взяла Серафима Петровна. Она, как и все, работала на Крекинге и возвращалась домой очень поздно, а иногда вообще не возвращалась: оставалась на заводе в ночную смену. Иной раз она приходила веселая и еще с порога говорила:

— Сегодня, Томочка, в магазине на «мясо» селедку дали, а на «жир» — яичный порошок. Ух, устроим пир, люблю поесть, грешница!

Она ставила чайник, садилась на сундучок у керосинки и сразу засыпала. Будить ее было бесполезно, я только стаскивала с нее сапоги и засовывала ей под спину подушку.

Иногда утром она вытаскивала из сундука юбку или ботинки и просила меня:

— Сходи-ка на рынок, Томочка, может, тебе повезет...

Я надевала на себя все самое теплое и шла на рынок. На рынке ничего не продавалось. Ветер со свистом сыпал на пустые дощатые столы жесткий снег. От стола к столу ходили покупатели, они пританцовывали, дышали на руки и смотрели туда, где за последними домами Соцгорода по белому полю уходила в туман дорога. По этой дороге иногда приезжали колхозники из ближних деревень. Как только появлялись санки, все бросались им навстречу и протягивали свои ботинки, юбки, чулки или патефон. И старались угадать,

что лежит под мешковиной: мороженая картошка, тяжелые косы лука, шарики масла или самая вкусная вещь на свете — круги мороженого молока.

Если бы не холод, я могла бы ждать на рынке до вечера, потому что в школу мы ходили не каждый день и все равно делать было нечего. Дело в том, что учителя-мужчины были на фронте, а учительницы, те, что помоложе, работали теперь на Крекинге. Учителей не хватало, и в нашем классе тоже не было постоянного учителя.

Как-то раз к нам в школу пришел Гарик. Он тоже работал на Крекинге, и мы видели его редко. Глаза под очками у него были красными, а руки забинтованы: в первый же день работы он обжег руки какой-то кислотой, и они никак не заживали. По обыкновению у нас был пустой урок, и в овраге за школой мы ездили то на лыжах, то на санках — хитроумных конструкциях из толстой гнутой проволоки. Гарик взял у кого-то «проволоку» и несколько раз съехал с самого высокого склона. И я заметила: глаза у него были в это время такие счастливые, как будто он только что выиграл у самого Лилиенталя. Потом он стоял, смотрел на нас и хмурился. А потом вздохнул и сказал: «Запустил я вас, вот какая штука...»

Через два дня Гарик привел откуда-то учительницу, Юлию Ивановну. Она была ужасно старенькая, в зеленом платье до полу и с такими белыми волосами, что они были прямо голубоватыми. Борька хвастал, что ей сто лет: он слышал, как она говорила директору, что родилась в тыща восемьсот каком-то году, а сейчас ведь уже тыща девятьсот. На первом уроке Юлия Ивановна сказала, что всю жизнь работала в Ленинграде, что уже двадцать лет не работает, но что в такое суровое время стыдно сидеть дома, и дай бог здоровья Гарику — он помог ей найти свое место.

Юлия Ивановна знала массу интересного. Она не только учила нас правилам безударных гласных и умножению столбиком, но и показала, как делать тетради из обрезков бумаги с чертежами, которая была розовой, но называлась почему-то синькой. Она научила нас петь хором песни: «Так-так-так, говорит пулеметчик» и «Скачет птичка по дорожке, тинь-тинь-тинь...». Она говорила, что, будь она немного помоложе, она поставила бы с нами танец «полянку», но сейчас у нее нет сил.

Дело в том, что теперь мы давали концерты в госпитале. Это придумал Гарик. Раньше в госпиталь ходили только старшеклассники, но он договорился, и нас тоже стали пускать, только каждый раз предупреждали, чтобы мы пели как можно тише, потому что идем прямо в палаты. Из палат нас никогда не отпускали сразу. Сусанна раза три танцевала «Умирающего лебедя», она вытягивала ногу, махала рукой, а другой немножко держалась за спинку кровати. Мы пели хором, я на «бис» читала свои стихи про бесстрашных партизан, а Гарик, переходя от кровати к кровати, играл в шахматы одновременно с пятью ранеными.

Однажды вечером Гарик пришел к нам домой очень веселый. Он спросил, умею ли я держать язык за зубами, и хитро прищурился из-за очков. Я ответила, что умею, и тоже подмигнула, и мы долго смеялись. Гарик сказал, что наконец-то ему удалось все устроить и что завтра он уезжает в Москву, а оттуда сейчас попасть на фронт не проблема.

— Понимаешь, какая штука,— сказал он,— я еду не очень-то законно, поэтому ты пока молчи. А то как бы все не сорвалось.

Конечно, мне было жалко расставаться с Гариком. Но я была ужасно горда, что мне он доверил такую тайну. Кроме того, он сказал, что весной нас будут принимать в пионеры. Я написала бабушке длинное письмо, и Гарик спрятал его в карман.

Действительно, в канун Первого мая нас принимали в пионеры. Юлия Ивановна продиктовала нам текст Торжественного обещания и сказала, чтобы к воскресенью каждый из нас написал его красиво и нарисовал на этом листке, что хочет. И чтобы мы принесли свои «обещания» в школу вместе с пионерскими галстуками.

Галстук! Я похолодела. У меня не было галстука, и я сразу поняла, что достать его невозможно. Почему, почему я не подумала об этом раньше?! Оказывается, запасливая Сусанна привезла с собой галстук из Москвы, и не какой-нибудь, а новый, шелковый. Борька, наоборот, забыл свой галстук дома, хотя его приняли в пионеры еще в прошлом году. Теперь он запоздало ругал себя балдой и клялся, что, когда достанет галстук, будет носить его, не снимая, до самой смерти. Но что в этом было толку? Остальные ребята были местные, и у всех у них откуда-то были галстуки. Только у меня не было.

Мы с Борькой обошли весь Соцгород. Мы шли и смотрели под ноги, словно надеялись, что у кого-нибудь случайно окажется лишний галстук и что он его случайно потеряет. Мы долго и бесцельно стояли у про-

ходной Крекинга, а потом бродили по рынку. Но ни у кого из тех, кто ждал телегу из деревни, не было припасено в обмен на картошку пионерского галстука. Раз десять заходили мы в промтоварный магазин. Но в магазине по карточкам и ордерам с завода продавались лишь туфли женские «мальчико́вые». Там всегда продавалось что-нибудь одно: туфли, или шубы, или ведра. Галстуков ни разу не было.

Я была в отчаянии. Конечно, был бы Гарик, он что-нибудь придумал бы. Но Гарика не было уже четыре месяца, он даже не писал нам, хотя и обещал. И даже Серафима Петровна второй день не приходила с завода.

Серафима Петровна пришла совсем поздно и с порога закричала:

— Томочка, зажигай керосинку, устроим пир! — Но тут она заметила мой убитый вид и схватила меня в охапку.— Что, что?!— закричала она.— Письмо получила? Тебе? Мне? Где оно?

Нет, писем не было. Но, наверное, больше, чем самое хорошее письмо из дому, я бы хотела иметь галстук. Такой обыкновенный и такой необыкновенный пионерский галстук.

Серафима Петровна открыла сундучок и стала вынимать из него старые платья, альбсм с фотографиями, мужской костюм, завернутый в простыню.

— Подожди, подожди,— приговаривала она,— где-то у меня было подходящее.

Наконец мелькнуло что-то красное. Это была материя, она была такая красная, как самые лучшие галстуки. А по красному полю разбросаны были большие синие розы с зелеными листьями.

— Вот,— сказала Серафима Петровна,— на наволоки купила, да не успела пошить. Конечно, розы эти для галстука ни к чему,— говорила она.— Но время военное, это надо понимать. Да и сколько их на галстуке уместится? Одна-две, самое большее...

Прием проходил очень торжественно. Нам повязывали галстуки рабочие с Крекинга и пожилой красноармеец — выздоравливающий из нашего госпиталя. Каждый из нас протягивал свой галстук, и ему завязывали. И когда я впервые в жизни отдала салют, я почувствовала себя самым счастливым человеком в мире.

Правда, кто-то хихикнул. И еще кто-то. И кто-то протянул: «Уй, а Томка-то!..» Но Юлия Ивановна подошла ко мне, заглянула в глаза и положила на голову руку.

— Не нужно смеяться, дети,— сказала она.— Цветы — это совсем не так уж плохо. Вот когда мы победим, будет громадный праздник. Он будет называться «День Победы» или как-нибудь в этом роде. И вы посмотрите, сколько тогда будет цветов!

— Верно,— сказал красноармеец.— Носи свой галстук, дочка, не сомневайся. И расти честной, веселой, не болей.

Потом нас повели в кино. У кино стояла длиннющая очередь, она тянулась по всей улице до самого рынка. Очередь стояла уже три дня и не становилась меньше, потому что в кино шел фильм «Разгром немцев под

Москвой» и те, кто выходили из кино, становились в конец очереди, чтобы посмотреть еще раз.

Нас посадили в первый ряд, и свет погас. И вдруг я увидела улицу, на которую выходит наш переулок, и знакомый бульвар. Бульвар был весь в снегу, на нем лежала громадная туша аэростата. Потом по экрану поплыли белые поля и голые, заснеженные леса. Я помню черные печные трубы на этих полях и ребятишек у этих труб. Помню красноармейцев в касках у содрогающихся орудий, бесконечную вереницу оборванных, замерзших пленных немцев и тела убитых с занесенными снегом лицами.

Когда свет зажегся, я выбралась из зала и пошла, сама не зная куда.

Было самое начало весны. В овраге, куда я спустилась, тянулись из глинистых проталин желтые цветы мать-и-мачехи на чешуйчатых ножках и мохнатые, без листьев, сиреневые колокольчики. Я вспомнила, как давным-давно, прошлой весной, мы ходили в зоопарк — я, мама и папа. Я бежала впереди и слышала, как мама говорила: «Смотри, какая Томка стала громадина! Того и гляди пионеркой станет. Удивительно!..» И папа соглашался: «Удивительно...»

Смешные! Ничего-то, ничего они не понимали. Чему было тогда удивляться? Вот если бы они увидели меня теперь, они бы в самом деле удивились. Они бы поняли, что я и вправду выросла. Только бы они нашлись! Только бы нашлись! И будет День Победы, и мы соберемся все вместе: мама, папа, Серафима Петровна, Юлия Ивановна, Гарик. Мы будем стоять на Красной площади, и на мне будет шелковый галстук, как у Сусанны.

Вдруг сквозь слезы я увидела Борьку. Наверное, он искал меня, но подходил почему-то очень медленно. Потом он заметил, что я плачу, и сказал:

— Ты уже знаешь, да?

— Про что? — спросила я.

— Про Гарика,— тихо сказал Борька.

Мы молча смотрели друг на друга, и я поняла, что он сейчас скажет, и было невозможно, чтобы он это сказал.

— Неправда! — закричала я изо всех сил.

— Убили Гарика,— сказал Борька.— Тебе от бабки открытка пришла, а я ее прочел.

Борька протянул мне руку, мы выбрались из оврага и пошли домой. Ветер дул навстречу, расстегивал пальто и развевал мой галстук с синими розами и зелеными листьями. Пока мы шли, совсем стемнело, и зарево над Крекингом стало огромным и очень красным.

В ДОСПЕХАХ АТОМНОГО ВЕКА

Неподалеку от Москвы, среди густого леса, стоит небольшой городок Обнинск. Еще десять лет назад даже многие из нас, москвичей, не знали, что есть такой городок. Теперь же о маленьком Обнинске знает весь мир. А для физиков он стал все равно, что Ленинград для архитекторов. Ведь именно здесь летом 1954 года вступила в действие первая на земле атомная электростанция. «Пусть будет атом рабочим, а не солдатом»,— сказали советские люди. Не уничтожать, а созидать призвана была его энергия, раскрепощенная учеными.

Мощность первой атомной электростанции невелика. Ее можно даже назвать опытной. Вы же понимаете: она была первой! И прежде чем приступить к постройке других, более мощных атомных электростанций, ученым предстояло проделать очень большую работу, провести точные и подробные исследования.

Вспомните: до гигантских электростанций на Волге, Енисее, Ангаре был Днепрогэс, а до Днепрогэса — Волховская и Шатурская электростанции. Так и в энергетике атома. Станция в Обнинске — начало пути вперед. Совсем скоро вступят в строй новые крупные атомные электростанции. Одна из них — Воронежская — даст добавочную энергию центральным областям европейской части нашей страны, другая — Белоярская имени И. В. Курчатова — Уралу.

Ученые продолжают исследования, ищут способы, как лучше овладеть атомной энергией, совершенствуют конструкции атомных реакторов. Рядом со зданием первой атомной электростанции стоит другое здание, в котором установлен исследовательский реактор на быстрых нейтронах — «БР-5». Реакторы подобного типа позволяют получать из «некачественного» уранового сырья отличное атомное «горючее», пополнять его запасы.

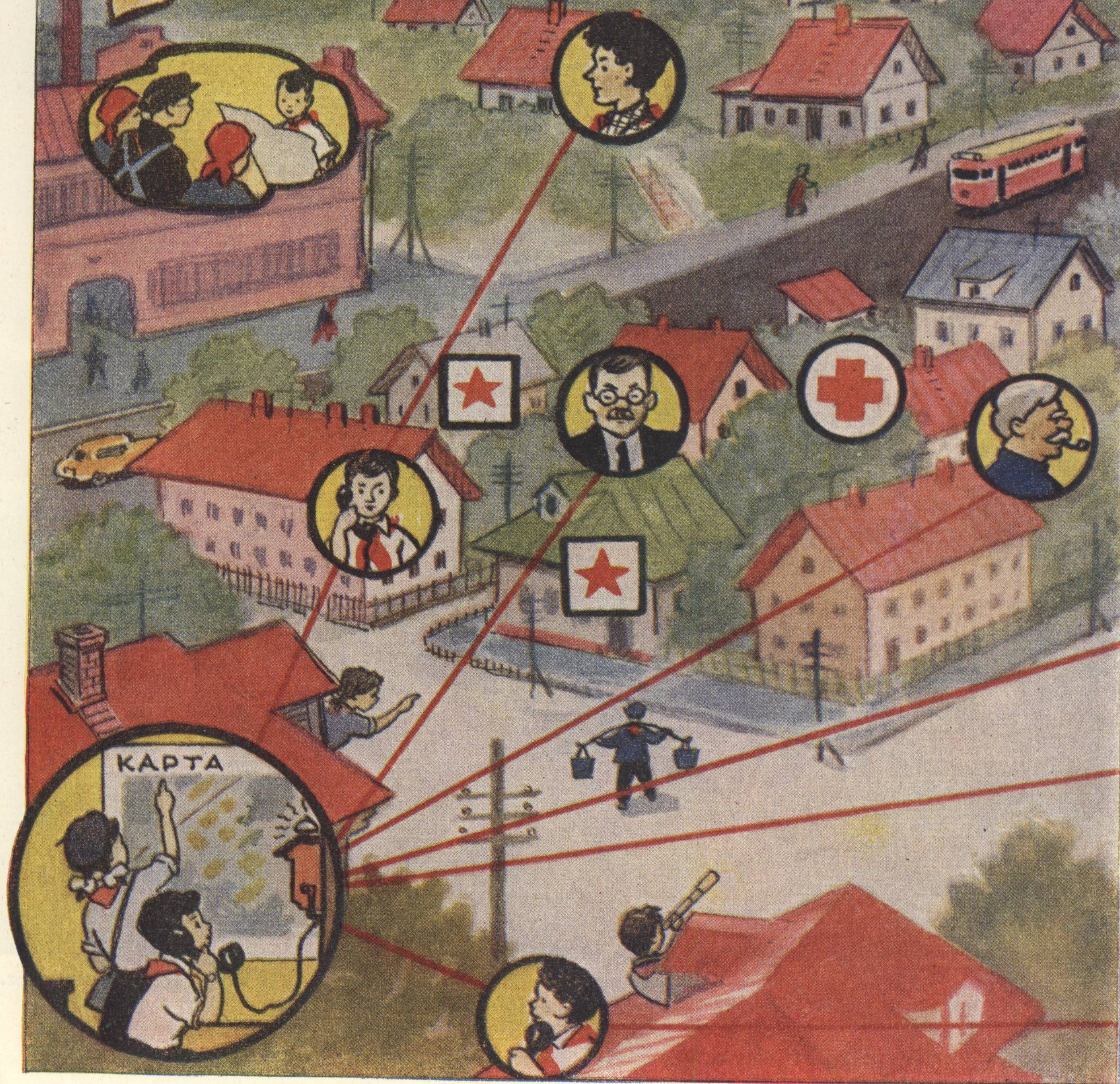
Изучением этой проблемы и заняты сейчас обнинские физики, которых вы видите на цветном снимке справа. Прозрачные скафандры — доспехи атомного века — предохраняют исследователей от радиоактивных пылинок.

Атомная техника — одна из самых молодых отраслей техники, у нее еще «пионерский возраст». Очень много интересного ждет тех, кто захочет посвятить себя изучению и использованию атомной энергии.

Я. ГОЛОВАНОВ

В ДОСПЕХАХ АТОМНОГО ВЕКА. Фото И. Гричера.

ЗОНА
ПИОНЕРСКОГО ДЕЙСТВИЯ
„КРАСНЫЕ КРЫШИ"
КАРТА

З П
КЛУ

НА ПАШНЕ. Рисунок Саши Русакова.

СОРТИРОВОЧНАЯ СТАНЦИЯ. Рисунок Володи Гавришева.

Давайте рисовать

Занятие ведет
Нина Федоровна
Кирпичева

Что бы ты ни захотел нарисовать, прежде всего нужно подумать о том, как лучше расположить все задуманное на листе бумаги.

Это первая задача, и не простая!

От того, как ты это сделаешь, будет зависеть, насколько понятен и интересен для других будет твой рисунок.

Например, ты хочешь нарисовать по памяти одно из своих летних впечатлений — «Как я ходил за грибами».

Некоторые в этом случае сразу начинают рисовать одно дерево за другим до тех пор, пока весь лист бумаги сверху донизу не зарисуют маленькими деревьями, а затем в оставшиеся между ними пустые места дорисовывают еле заметных человечков.

Такой рисунок вряд ли можно назвать «Как я ходил за грибами». Ему подойдет более общее название, ну, например, «Наш лес» или «Лето в лесу». Ведь если все нарисовано мелко и ни тебя, ни твоих товарищей почти не видно, значит, ты не сумел ясно выразить задуманное и людям уделил внимания меньше, чем лесу.

А вот Люда Авдеева, рисунок которой «В походе с нашим вожатым» ты видишь здесь, поступила иначе.

Ей удалось показать каждого из участников похода. Их можно назвать по имени — так непохожи они друг на друга. В то же время понятно, что ребята находятся на полянке около леса с хвойными и лиственными деревьями.

Люда сделала ребят достаточно крупно, а деревья нарисовала не полностью. Она показала только их нижнюю часть, чтобы было видно, какие ребята маленькие по сравнению с деревьями.

В своем рисунке Люда ясно выразила задуманное: в центре внимания вожатый и ребята.

Когда ты решаешь, как лучше все расположить на рисунке, как показать главных действующих лиц, чтобы было понятно их действие и место, где все происходит, то ты думаешь над композицией рисунка.

Само это слово **композиция** означает соединение частей в одно единое и неразрывное целое.

В хорошо задуманной композиции нет ничего лишнего, ненужного: каждая мелочь толь-

В походе с нашим вожатым. Люда Авдеева, Кировская область.

ко помогает главному, и убрать ее нельзя, не нарушив целого, не повредив всему.

Когда ты хочешь поставить группу предметов для того, чтобы нарисовать их с натуры (то есть ставишь «натюрморт»), то тут ты думаешь над **предметной композицией,** над тем, как расставить предметы на плоскости стола и в пространстве, чтобы это было не случайное нагромождение вещей, а гармоничная и согласованная группа.

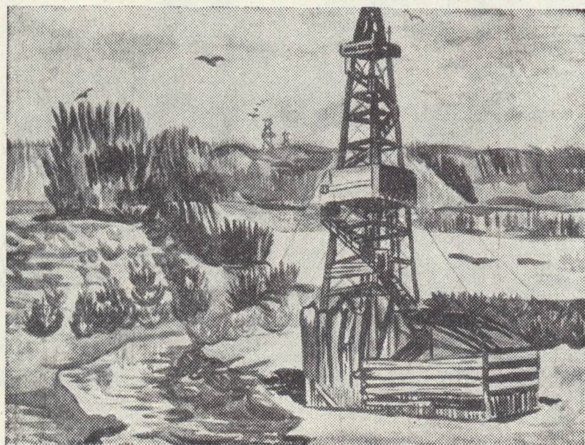
Предметы подбирай однородные по своему назначению и употреблению: кухонная посуда составит одну живописную группу с овощами; глобус и книги — другую; а ручная пила, рубанок и молоток могут разместиться вокруг березового обрубка с черно-белой корой. Не поленись поискать для каждого предмета наилучшее положение по отношению ко всем вместе.

Если группа получилась широкая, то лист бумаги поверни в ширину, а если высокая, то в высоту.

Теперь подумай о композиции рисунка на самом листе бумаги. Отступи от всех четырех краев в глубь листа на небольшое расстояние и отчеркни легкими линиями, где кончается твой рисунок — он не должен упираться в срез листа. Нехорошо, когда предметам тесно на бумаге или когда они сдвинуты в одну сторону, а с другой стороны оставлено много свободного места. Контуры предметов наметь еле заметными линиями: убедись сначала в том, что все предметы размещаются на листе так, как ты этого хочешь, и тогда начинай рисовать увереннее и точнее.

Если ты хочешь рисовать пейзаж с натуры, то и тут нужно подумать о композиции.

Из окружающего пейзажа выбирай группу или что-либо одно, основное, на чем ты хочешь сосредоточить внимание.

Буровая вышка. Захраб Салманов, Азербайджанская ССР.

Это может быть буровая вышка, как на пейзаже Захраба Салманова, или часть двора с калиткой, как на рисунке Ю. Поваляева, или идущий на всех парах паровоз, как на рисунке Володи Гавришева, или трактор, как на рисунке Саши Русакова.

Вспомни пейзажи любимых тобою художников, хотя бы Левитана: каждый пейзаж — это композиция, в которой есть свой центр, ради которого и написан этот пейзаж.

В картине «У омута» — это мост, в картине «Володимирка» — дорога, в картине «Золотая осень» — река. И так в каждой...

Прежде чем написать пейзаж-картину, художник пишет небольшие этюды. Наверное, и ты любишь делать этюды. В работе очень поможет тебе рамка-видоискатель. Ты можешь сделать ее сам из маленького листа бумаги в клетку, вырезав в середине небольшое прямоугольное отверстие, которое как бы повторяет в уменьшенном виде твой лист.

В это отверстие ты увидишь как бы будущую свою картину. Ищи ее лучший вариант. Посмотри, какую лучше выбрать точку зрения на пейзаж: то ли он лучше смотрится, когда ты рисуешь сидя, или тогда, когда ты стоишь, или, может быть, тебе лучше подняться на бугорок или какое-либо более возвышенное место.

Иногда художник рисует не все, что видит в пейзаже, не включая в свой рисунок того, что мешает композиции.

Но все-таки больше всего приходится думать о композиции, если ты решил сделать рисунок на какую-либо тему и хочешь изобразить одного, двух или группу людей.

Поэтому рисунки на различные темы стали называть «композициями», и, давая задания, преподаватель просто говорит: «Сделайте композицию на тему «Мой край родной» или композицию на тему «Сказки Пушкина» и т. п.

Для того, чтобы ты более уверенно рисовал на большом листе бумаги, полезно сделать подготовительные эскизы. Эскиз — это набросок твоего замысла, как бы рисунок в его уменьшенном виде.

Сначала начинай рисовать легкими линиями, намечая группы людей или отдельных из них.

Очень пригодятся тебе наброски с натуры из твоего карманного блокнота.

Тут хочется привести слова из воспоминаний художника Сурикова: «На улицах я всегда группировку людей наблюдал. Приду домой и сейчас зарисую, как они комбинируются в натуре. Ведь этого никогда не выдумаешь. Случайность приучился ценить».

Когда ты чувствуешь, что все фигуры хорошо размещены и твоя основная мысль в рисунке выражена ясно, тогда приступай к более подробной работе: нарисуй лица, поработай над костюмом, над изображением пейзажа или помещения, где все происходит.

Даже опытному художнику приходится «поломать голову», прежде чем он найдет наилучший вариант картины.

Суриков, большой мастер композиции, рассказывал о том, что с детства увлекался ею: «Я очень красоту композиции любил. И в картинах старых мастеров больше всего композицию чувствовал. А потом начал ее и в природе всюду видеть...» «Я в Академии больше всего композицией занимался. Меня там «композитором» звали. Я все естественность и красоту композиции изучал. Дома сам себе задачи задавал и разрешал. Образцов никаких не признавал — все сам».

Наш двор.

Ю. Поваляев
Алтайский край.

Над картиной «Боярыня Морозова» Суриков долго работал. У него был целый альбом с композиционными рисунками. О своей работе он говорил: «Главное для меня — композиция. Тут есть какой-то твердый и неумолимый закон, который можно только чутьем угадать, но который до того непреложен, что каждый прибавленный или убавленный вершок холста или лишняя поставленная точка разом меняет всю композицию... Для своей «Боярыни Морозовой» я много раз пришивал холст. Не идет у меня лошадь... ...В движении есть живые точки, а есть мертвые. Это настоящая математика. Сидящие в санях фигуры держат их на месте. Надо найти расстояние от рамы до саней, чтобы пустить их в ход. Чуть не найти расстояние — сани стоят. А мне Толстой с женой, когда Морозову смотрели, говорит: «Внизу надо срезать, низ не нужен, мешает». А там ничего убавить нельзя — сани не поедут».

Ребята, естественно, не могут так долго работать над своими композициями. Наиболее живо и убедительно получаются те композиции, которые ребята рисуют под большим впечатлением от чего-то увиденного в жизни. Ведь в детстве все впечатления ярче и глубже, они остаются в памяти на всю жизнь. Ты, наверно, и сам замечал, что, если тебя что-нибудь сильно заинтересовало и ты это внимательно наблюдал и хорошо запомнил, то тебе и легче рисовать.

Посмотри на нашей вклейке, как Володя Гавришев нарисовал железнодорожную станцию: с паровозом, с сетью подъездных путей, с вагонами на запасных путях. Видно, все это он не раз видел и хорошо запомнил, поэтому его рисунок получился таким убедительным.

А Сашу Русакова заинтересовал трактор. Чувствуется, что Саша внимательно наблюдал его работу в поле, хорошо запомнил полевую палатку с незатейливым хозяйством около нее, запомнил горы, возвышающиеся над полями, и все это нарисовал.

Не делай рисунок наспех, кое-как: прежде чем рисовать, подумай, полюби самую работу над рисунком, и ты увидишь, что она не пропадет для тебя даром, ведь ты будешь в меру своих сил заниматься настоящим искусством.

Тот, кто действительно любит рисовать и работать с любовью и увлечением, тот при всех своих ошибках и кажущихся промахах найдет способ высказать в рисунке свою мысль и добьется его выразительности, а это — главное!

ТАГАНОК

Мустай КАРИМ

Рисунки Г. Алимова.

ПОВЕСТЬ

Перевод с башкирского В. Осеевой.

АУЛ БЕРКУТНЫЙ

Приходилось ли вам бывать в Беркутном? Нет? Как же это вы можете жить, не повидав такого красивого аула? А ведь есть люди, которые не только повидали этот аул, но и родились и выросли в нем... Вот это настоящие счастливцы, что и говорить!

И все-таки не поймешь людей! Даже среди самих беркутовцев находятся такие чудаки, которые вдруг по своему желанию уезжают куда-то за тридевять земель, в далекие-далекие города и страны, о которых и слыхом-то не слыхать было. Поездят они, посмотрят все своими глазами, а потом возвращаются в свой родной аул и рассказывают всякие чудеса и забавные истории. Даже старики, которые не могут разлететься, как молодые орлы, по всему свету, и те постоянно мечтают о далеких землях, где растут апельсины и лимоны, о бездонных морях и океанах, о странах, где не бывает зимы, и краях, где долго длятся белые, как день, ночи...

Вот взять хотя бы нашего пастуха Шарифуллу. Сам-то он дожил до шестидесяти лет и ни на один день никуда не отлучался из своего аула, а весь земной шар знает как свои пять пальцев! Вот послушайте только, что он вам расскажет!

— Красную краску делают из воды Красного моря, черную краску — из Черного моря, белую — из Белого моря... А там,— говорит,— дальше есть и Желтое море, и Зеленое, и Голубое... Какую хочешь краску зачерпнешь! А еще,— рассказывает Шарифулла,— есть в теплых краях такие ровные степи, что если на восходе покатить по этой степи яйцо, то оно будет катиться без задержки до самого захода...

Вот вам и Шарифулла! Нигде не бывал, а все знает!

А наш Беркутный лежит среди Уральских гор, покрытых лесами. По обе стороны аула — два больших озера. Одно из них называется Калкан-куль — озеро-щит, а другое Кылыс-куль — озеро-меч... Калкан подальше, а Кылыс совсем рядом с аулом. Весной, как только на склонах зазеленеет трава, вода Калкана становится теплой, как парное молоко, а вода озера Кылыс остается холодной, как лед, и даже среди лета; если войдешь в нее, обжигает холодом все тело.

На свете ничто не рождается само по себе, и о появлении этих двух озер ходят разные легенды. Будто бы в давние времена при защите Урала от чужеземцев в одного богатыря попала стрела. Упал богатырь на землю, и меч, который он держал в правой руке, отлетел в одну сторону, а щит с левой руки — в другую сторону. Там, где упал меч, появилось холодное озеро, а там, где упал щит,— теплое озеро. И если спросите вы, почему же воды озер оказались разными, тот же Шарифулла охотно ответит вам:

— Да потому, что меч — злое оружие, сделанное для того, чтобы убивать, а щит — доброе оружие, сделанное для того, чтобы защищать людей.

Глубоки и красивы эти озера, но не только в них прелесть аула Беркутного. Вокруг него, будто играя вперегонки, до самых глубоких небес поднимаются высокие горы. Между горами, словно покрытые зеленым бархатом, затканным яркими цветами, далеко простираются долины и луга. С веселым шумом низвергается вниз чистая родниковая вода, прыгая со скалы на скалу, резвятся дикие козы...

А на самых вершинах гор, куда не ступала человеческая нога, беркуты выводят своих птенцов. Оперившись, вылетают они из гнезда и с громким клекотом парят над аулом. Вот эти самые беркуты еще много лет тому назад и дали нашему аулу название «Беркутный».

БЕСЕДА НА ГОРЕ КУКРЭК

Высокую гору, что возвышается над озером Кылыс, называют Кукрэк-тау[1]. Северные склоны этой горы покрыты хвойным лесом, а на южных склонах ее — голо... Освещенная солнцем, эта гора напоминает голову, бритую только наполовину. Если подняться на вершину Кукрэк-тау и посмотреть вниз, то дома деревни Тирмэ, расположенной на берегу реки Урала, будут не больше, чем ульи на пасеке. Даже дым костра, зажженного пастухами на склоне горы, кажется меньше, чем дым, идущий из трубки Шарифуллы.

Только одна вершина — Кирамѐт, на которой до самой летней жары лежит снег, блестит на солнце и ослепительно белеет среди других горных вершин, которые, как синие волны, сбегаются к ней со всех сторон.

Многие мальчишки мечтают взобраться на вершину Кирамет, но для этого надо идти целый день и целую ночь по опасной извилистой тропинке на краю отвесных скал, пробираться через дремучие леса и глубокие ущелья... Конечно, тот, кто считает себя мужчиной, во что бы то ни стало поднимется на вершину Кирамет.

Конечно, поднимется...

А пока на южных склонах Кукрэк-тау ходят овцы Шарифуллы и с хрустом пощипывают траву, на вершине горы сидят пять человек разного возраста. Тот, у кого впалые щеки и рыжие усы, старше всех. Это сам Шарифулла-агай, вы его уже знаете. А вот об остальных вы, наверное, никогда и не слышали. Да и ничего удивительного в этом нет: пока что они еще ничем не прославились. Трое из них только вчера окончили пятый класс.

Худенького мальчика с острым, словно клинок, носом зовут Габдулла́. Волосы у него черные, как смола. Кажется, стоит только притронуться к ним пальцами, и не отдерешь их. А вот этот толстенький крепыш с приплюснутым носом и с круглым, будто деревянная чаша, лицом — Вази́р. Пухлые щеки и в жару и в холод — как румяные яблоки.

Третий — единственный в Беркутном рыжеволосый мальчик Айда́р. У него есть и прозвище — «Дикий Козленок». Прозвали его так потому, что он хороший бегун. Чуть-чуть в стороне сидит девочка лет шести. В ее тоненькую, как мышиный хвостик, косичку вплетена красная ленточка. У девочки красивое имя — Гульну́р, что по-башкирски означает «цветок в лучах солнца». Все это было бы хорошо, только вот нет у этой Гульнур передних зубов, и такому человеку очень трудно удержать секреты.

Сейчас они все четверо, затаив дыхание, слушают Шарифуллу-агай. Теплые лучи заходящего солнца блестят на кончиках закопченных усов Шарифуллы... О чем же рассказывает агай? Давайте послушаем.

— Подниматься на вершину Кирамет — это значит подниматься на высоту орлиного полета,— говорит Шарифулла.— По ночам на этой вершине, словно бабочки вокруг костра, взлетая и прыгая, играют звезды. Они спускаются очень низко — протяни руку и хватай! А некоторые, самые шаловливые, ударившись нечаянно о скалы, разбиваются вдребезги. Вот это и называется у нас звездопадом. Чудесна наша Кирамет, однако у нее есть свое большое горе. В маленьком озере, которое находится на самой вершине, в старину кишмя кишели золотые и серебряные рыбки, и, быть может, звезды опускались на вершину горы только затем, чтобы поиграть с ними... Но рыбки эти давным-давно перевелись, ни одной не осталось в озере, а вот звезды не могут расстаться со старой привычкой... Погубил этих рыбок злой человек. Он бросил в озеро всего-навсего одну щуку, которая за семь дней и семь ночей проглотила всех рыбок... Кирамет очень опечалилась этим, с горя стало высыхать и озеро, а если озеро высохнет до самого дна, то Кирамет станет совсем-совсем слепой. Не сможет видеть туч, которые плавают над нею, не увидит солнечного света и тех звезд, которые резвятся по ночам на ее вершине... Прожорливая щука в конце концов сдохла и сама. Однако сдохла она, погубив все живое, что было в озере. И если не найдутся отважные джигиты и не пустят в озеро золотых и серебряных рыб, то оно скоро высохнет, и Кирамет с горя обвалится. И если в один из дней на месте этой высокой горы с белым-белым сиянием останутся только развалины, то это будет очень грустно... Разве не так, братцы? — спросил Шарифулла.

Но «братцы» ничего не ответили...

ВЫБОРЫ ВОЖАКА

Когда солнце, спускаясь вниз, наткнулось на далекие леса, Шарифулла погнал своих овец на ферму, а ребята зашагали домой.

Первым заговорил Вазир:

— Да, дела неважны у Кирамет...

— И все из-за одной паршивой щуки! — сердито вставил Айдар.

— Не из-за щуки, а из-за этого злого человека,— поправил Габдулла и, покачав головой, решительно добавил: — Нет, нельзя оставлять Кирамет в беде.

— Давайте соберем много-много икры,— придумал Вазир,— и отнесем в озеро. Рыба-то из икры рождается.

— Не икру, а живую рыбу надо пустить! — резко перебил его Айдар.

— Красная икра продается в магазине,— неожиданно сообщила Гульнур.

Мальчики переглянулись. Всем было ясно, что, когда идет такой серьезный разговор, лишние уши ни к чему.

— А ну, отчаливай отсюда! — строго приказал сестренке Айдар.

Но Гульнур и не думала «отчаливать».

— Не уйду... Сам отчаливай!

— Говорю тебе: исчезни!

— Не исчезну, сам исчезай!

— Ладно,— сказал Айдар, быстро сменив свой строгий тон.— Если послушаешь меня, поймаю тебе маленького жаворонка, даже пару.

— Дай честное слово.

— Честное слово!

Гульнур тряхнула косичками и, подпрыгивая, помчалась к аулу. Пестрое платьице ее мелькнуло далеко впереди и исчезло.

В наших краях мужчины никогда не разговаривают о серьезных вещах стоя. Ума-разума набираются сидя. Вот и мальчишки уселись на зеленую траву. Не было необходимости обсуждать вопрос: надо или не надо спасать Кирамет? А вот

[1] Грудь-гора.

мысли о том, как ее спасти, были у всех разные. Айдар посоветовал обратиться за помощью в рыболовецкую бригаду колхоза, но Вазир возмутился.

— Помощь, помощь тебе! Иди, кричи на весь аул, проси помощи. Бедненький! Тьфу! — плюнул он сквозь зубы и с презрением отвернулся.

Айдар уже хотел сцепиться с Вазиром, но Габдулла строго остановил обоих.

— Не время сейчас ссориться. Давайте сперва поклянемся, что никто из нас ни во сне, ни наяву не выдаст того, что мы здесь решим. Это тайна. Пусть нас повесят, пусть разрежут на тысячу кусков, но тайну не выдавать! Клянитесь!

Габдулла первый приложил обе руки ко лбу и торжественно произнес:

— Клянусь!

— Клянусь! — повторили за ним Айдар и Вазир.

— Теперь вот что,— сказал Габдулла,— нам нужно наловить полное ведро икряных рыб, а может, и два ведра!

— Да что ты! — вскочил с места Вазир.— Зачем ловить? Я знаю, где хранится рыба наших рыбаков на Кылысе! Как только стемнеет, я вам достану два и даже три ведра рыбы.

— Не пойдет. Чистое дело не делается грязными руками,— важно сказал Габдулла.

Слова эти он услышал однажды от Шарифуллы. Но Вазира они не поразили.

— Как говорит! — презрительно усмехнулся он, щуря глаза.— Можно подумать, что мы выбрали его вожаком...

— Ребята! — всполошился Айдар.— А ведь нам и в самом деле нужен вожак! Как быть?

Айдару никто не ответил. Вопрос был серьезный, его надо было хорошенько обдумать, да и не к лицу мужчине, когда держат совет, сразу же присоединяться к чужому мнению. Молчали долго.

— Вожака надо избрать,— сказал Габдулла.

Тут Вазир заморгал своими узкими черными глазками и стал жалобно упрашивать:

— Ребята, ребята... Я еще ни разу за всю свою жизнь не был вожаком. Айдар был старостой класса, Габдуллу избрали редактором стенгазеты, он ездил на районный слет. Только я...— Голос Вазира задрожал.

Холодный, как горный ветер, голос Габдуллы резко осадил его:

— В вожаки не просятся!

На секунду Вазир замолчал, но тут же предложил:

— Жребий! Давайте тогда метать жребий! Или померимся на палке: чья рука окажется сверху, тот и станет вожаком!

— Жребий и палка годятся только в игре,— сказал Айдар.— А это не игра. Надо состязаться. Кто первым прибежит, тот и станет нашим вожаком.

Вазир был не мастер бегать, зато он хорошо стрелял из рогатки. Поэтому он деланно расхохотался.

— Еще что придумаешь? Значит, бегуна сделать вожаком? Вожак — это глава, от слова «голова», а при чем тут ноги? Если не знаешь, так молчи! Лучше давайте состязаться в меткой стрельбе! Кто метко стреляет, тот и командир. Вот пусть Габдулла скажет!

— Сказать, что самое правильное? — не спеша спросил Габдулла.

— Скажи!

— Помериться силами в борьбе. Кто победит — тот и вожак.

Мальчишки спорили долго. В конце концов были приняты предложения всех троих. Вначале решили состязаться в беге. Бежать нужно было до одинокой сосны на окраине аула. Айдар отметил палочкой линию, и все трое, закатав штаны, встали на свои места.

Вазир скомандовал:

— Раз, два, три!

Айдар, как стрела, выпущенная из лука, сразу же выскочил вперед. Ну и бежал же он! Будто земли не касался, только пятки сверкали. Долго не отставал от него и Габдулла. Вазир же сразу отстал, как ленивый жеребенок, которому не очень-то хочется бежать следом за матерью.

«Вот рыжий черт,— обругал он про себя Айдара,— хоть бей его камнем по ногам! Бежит и не спотыкается!»

И верно, Айдар, оставив позади себя Габдуллу на расстоянии длинных вожжей, первый добежал до сосны и обнял ее. Габдулла пришел вторым.

Затем началось новое состязание. Ребята вытащили из карманов штанов свое боевое оружие — рогатки. На самую нижнюю, обломанную ветку сосны повесили тюбетейку Айдара. Потом отошли на тридцать шагов и достали из карманов по три круглых и гладких камешка. Победителем считался тот, кто без промаха три раза попадет в тюбетейку. Первым стрелял Айдар. Его камешек с визгом пролетел над тюбетейкой. Второй камешек гулко стукнул об ствол сосны. Потом Айдар очень долго прицеливался. Но и на этот раз камень полетел другой дорогой, как говорят солдаты, «за молоком», а тюбетейка осталась спокойно висеть на своем месте.

Вторым вышел Вазир. Сначала он некоторое время щурил глаза и пристально глядел на цель, затем не спеша зарядил рогатку. Выстрел... и тюбетейка Айдара слетела на землю!

— Первый блин намазали! — важно сказал Вазир.

Габдулла подбежал к сосне и повесил тюбетейку на прежнее место. Второй выстрел со свистом сорвал ее с ветки и снова бросил на землю.

— Второй блин намазали! — повторил Вазир.

Третий выстрел получился спорным. Упасть тюбетейка упала, но упала оттого, что покачнулась ветка.

И когда Вазир с еще большим торжеством произнес: «Третий блин намазали!» — Айдар презрительно сказал:

— Не торопись мазать — масла не хватит.

— Завидуешь? — усмехнулся Вазир, хотя и сам знал, что третий выстрел был неудачный.— Вот как надо стрелять, братец Айдар! — важно добавил он.— Это тебе не беготня. Тыр да тыр по земле пятками!

— Как только язык не устает от такого хвастовства! — сказал Габдулла.— Будь хоть справедливым, Вазир, ведь третий выстрел твой все равно не в счет!

Но Вазир только пожал плечами. Он хорошо знал, что Габдулла не победит его в стрельбе, так же как и Айдар. И в самом деле, из трех раз Габдулла попал только один.

Уже садилось солнце и тень одинокой сосны легла на картофельное поле, когда мальчики выбрали площадку для борьбы и приступили к последнему состязанию. Бросили жребий, и Вазир

с Айдаром, поплевав на ладони, стали один против другого.

— Поборемся или помиримся? — спросил Айдар, подражая настоящим борцам.

— И поборемся и помиримся! — ответил Вазир, еще раз поплевав на ладони.

По обычаю борцов на сабантуе, они стукнулись плечами, потом, подержавшись за подолы рубашек, неожиданно согнулись и, обхватив друг друга поперек туловища, закружились, завертелись.

Каждый старался опрокинуть противника на землю, уложить на обе лопатки. Тяжело дыша, они долго возились, но ни один не уступал другому. Несколько раз Айдар, упершись головой в живот Вазира, пытался перебросить его через голову, но Вазир, тяжелый, как бочонок, обрушивался на него всей своей тяжестью, и Айдару казалось, что легкие его сорвались с места и сердце клубком подкатывает к горлу. Боролись долго. Неожиданно Вазир, собравшись с силами, крепко прижал Айдара к груди и одним рывком поднял его. Босые пятки Айдара, покрытые ссадинами, оторвались от земли и беспомощно заболтались в воздухе, но и сам Вазир, не удержавшись на ногах, опрокинулся навзничь вместе со своим соперником. В этот самый момент в напряженной тишине раздался треск, и в руках Айдара, лежащего на земле, оказались длинные полоски от голубой рубашки Вазира.

Сначала никто не понял, что случилось, но когда Вазир поднялся, все увидели, что на его потном, разгоряченном теле остались только рукава да висевший, как хомут, воротник.

— Какой богатырский вид у тебя! — рассмеялся Габдулла.

Ни о чем не подозревавший Вазир потянулся к подолу своей рубашки, чтобы им вытереть пот с лица, но его руки коснулись голого живота. Он потрогал остатки висевшего на его шее воротника и гордо поднял голову:

— Была бы голова цела, а добро найдется! Вазир был не из тех, которые могут зареветь или полезть в драку из-за порванной рубашки. Он не считал нужным обращать внимание на такие пустяки. Кроме того, дома у Вазира была еще одна рубашка, правда, она до того вылиняла от солнца, что и самому хозяину было трудно теперь определить ее цвет, но это тоже не так уж важно.

Борьба Габдуллы и Вазира затянулась.

На долину спускались прохладные жиденькие сумерки, место схватки давно уже стало совершенно вытоптанным, а «богатыри» все еще кружились да кружились вокруг да около, не начиная решительных действий. На мясистой спине Вазира капельками выступал пот, а на рубашке Габдуллы не было заметно никакой влаги. О таких, как Габдулла, говорят: «Пока у доброго коня выступит пот, из худой лошади душа вон». И все же настал момент, когда кружиться без толку Габдулле надоело. Он вдруг быстро нагнулся, опрокинул на себя Вазира и, подняв его на плечи, перекинул через голову. Вазир, не ожидавший этого приема, кулем свалился на землю.

— Выборы кончились,— заявил Айдар.

Четыре глаза одновременно впились в Габдуллу: он оказался смелее и сильнее других.

Вазир, не знающий, что такое обида или месть, первый сказал:

— Хочешь, веди нас в огонь, хочешь,— в воду! Мы твои верные спутники!

— Ребята! — ответил тронутый Габдулла.— Ведь и в сказке их было трое: один — бегун, второй — меткий стрелок, третий — борец!

Затем Габдулла отряхнул со своей одежды пыль, поправил ремень и строгим голосом, как и подобает вожаку, объявил свой первый приказ:

— Отряду, организованному для спасения Кирамет, присвоить имя «Таганок». Согласны?

— Согласны. Таганок опирается на три ноги,— добавил Вазир.

Айдар в знак согласия кивнул головой.

После принятия такого исторического решения мальчишки, обнявшись, зашагали домой.

ПЕРВЫЙ ПРОМАХ ВАЗИРА

У меткого стрелка Вазира настроение было приподнятое. Он шел и думал о том, что до двенадцати лет прожил он на свете рядовым человеком и дальше так проживет. Не всем же быть вожаком, зато теперь он стал верной опорой «Таганка»! Без него и «Таганок» развалится, это как пить дать! Вот каким нужным человеком он стал! Вазиру хотелось чем-то обрадовать друзей. Он нащупал в левом кармане одну очень дорогую ему вещь, которой и сам не успел еще вдоволь налюбоваться.

— Ребята! — неожиданно сказал он.— Вожаку неудобно ходить без оружия.— И, вынув из кармана старый нож с костяной рукояткой, он великодушно протянул его: — На, Габдулла, бери!

Вожак и Айдар замерли от удивления, увидев такую редкую драгоценную вещь.

Да, нож понравился Габдулле, очень понравился, и он уже хотел было протянуть за ним руку, но удерживала смутная мысль: «Откуда у Вазира такой нож?» Он вспомнил, что в руки этого меткого стрелка нет-нет да попадали «нечаянно» кой-какие вещички.

— Где взял? Говори правду, иначе и кончиком пальца не прикоснусь к твоему ножику! — строго сказал он.

— Какую еще правду? Раз дают, бери — вот и все!

— Нет, так я не возьму! Тебя спрашивают, откуда взял?

Вазир легонько свистнул и осекся.

— Как сказать... Если правду сказать...

— Что, если сказать правду?

— А то, что если сказать правду, то я стянул его из сумки Шарифуллы,— решился наконец Вазир.

В глазах Габдуллы сверкнули недобрые огоньки.

— Украл? — гневно воскликнул он и, оттолкнув в сторону Айдара, вырос перед Вазиром.— Украл, что ли, собачья шкура?

— Не украл, а вытащил. Из сумки рукоятка торчала...— попробовал оправдаться Вазир, слегка отступая назад.

Габдулла, размахнувшись, ударил его по щеке.

— Вор!

Он размахнулся еще раз, но Айдар удержал его.

— Не пачкай рук! — с презрением сказал он.

Вожак тяжело перевел дух и объявил свой второй приказ:

— За то, что Вазир украл у пастуха Шарифуллы ножик с костяной рукояткой, исключить его из нашего «Таганка», не считать его нашим товарищем, не подавать ему руки, не вступать с ним в разговоры! Позор!

— Позор вору! — повторил Айдар.

Вазир точно свалился с неба на землю. От радостного настроения не осталось и следа. Прохладный вечерний ветер теребил лохмотья его рубашки, со лба, оставляя грязные следы, струился пот, покрасневшие веки часто-часто моргали. Только большая белая пуговица на уцелевшем воротнике спокойно держалась на своем обычном месте. Она была единственной светлой точкой на всем его теле.

И тут же над опальной головой Вазира прозвучал еще один суровый приказ: нож немедленно вернуть хозяину, Шарифулле, и, упав к его ногам, просить прощения. Если Вазир этого не сделает, то по всему аулу распространить позорное прозвище «вор».

И двое из «Таганка», резко повернувшись, пошли домой. Несчастный Вазир остался один-одинешенек. Уже совсем сгустились сумерки, а он все еще стоял и думал о своей беде. Последний приказ вожака — немедленно вернуть нож его хозяину — ставил Вазира в особенно трудное положение. Если б завтра был конец света, он, наверное, и не подумал бы исполнять этот приказ, но конца света не предвиделось, и, постояв еще немного, Вазир медленно поплелся на ферму. Как раз в это время, закончив работу, пастух Шарифулла возвращался домой.

— Агай,— робко сказал Вазир.— Вот ваш ножик... я нашел его на склоне Кукрэк-тау...

У Вазира не хватило смелости сказать правду и попросить прощения.

— Вот молодец! Спасибо тебе! Ты честный человек,— обрадовался Шарифулла.

В старину говорили: «Одно спасибо спасает от тысячи бед». Но ни похвала Шарифуллы, ни его «спасибо» не спасли Вазира от его беды — потери товарищей.

ДОМАШНИЕ ДЕЛА

Теперь заглянем домой к мальчишкам. С кого же начать? Начнем с вожака. А то еще обидится.

В семье у Габдуллы трое. Мать его работает дояркой, и с самого начала лета она уехала на летнее пастбище. Габдулла остался вдвоем с бабушкой Нагимой. Отец мальчика погиб на войне, но до сих пор еще в селе вспоминают «гармониста Мухаммеда».

Страшная бумага о Мухаммеде пришла за две недели до окончания войны. Там было написано: «Геройски погиб в бою за Родину». Мама и бабушка долго плакали, не осушая глаз. Потом они совсем притихли, и бывало так, что за долгий день никто из них не говорил ни слова. Тогда Габдулле не было еще и семи лет.

Накинув на себя старую отцовскую стеганку, долгими часами сидел он на камне у ворот. Женщины, проходившие по улице, на минутку останавливались около дома Габдуллы и, глядя на мальчика, тихо перешептывались между собой: «Бедненький...» А некоторые концом рукава потихоньку вытирали слезы. Потом, спустя некоторое время, пришла медаль Мухаммеда «За отвагу». Ее прислали фронтовые товарищи. И теперь вот уже шестой год бабушка Нагима каждый четверг до блеска чистит эту медаль и снова прикрепляет ее под карточкой сына, которая висит над комодом.

Сегодня был как раз четверг, и, когда Габдулла вошел в дом, бабушка Нагима сидела и чистила отцовскую медаль.

— Ребенок без отца, что конь без узды. Совсем уж перестал слушаться меня! Где тебя черти носили до темноты? — сердито заговорила бабушка.— Хоть бы чуточку брал ты пример с Якупа, уж тот, как ни глянешь, все вертится возле дома. Вовремя поест, вовремя попьет! И одежа на нем чистая, просто загляденье! А ты только и делаешь, что ходишь по пятам за Вазиром! И на что ты только похож! О аллах! Вот брал бы пример с Якупа...

— Да бросьте вы этого Якупа, бабушка! — сказал Габдулла.

Якуп был на всей улице самым смирным и самым послушным мальчиком. Способности у него были не ахти какие, но и в учебе он был не среди последних, всегда брал своей старательностью. В школе и дома мальчишкам всегда ставили в пример Якупа.

Из-за всего этого к бедному Якупу как-то само собой приклеилось прозвище «Примерный Якуп». Его часто обижали. Однако сам Якуп никогда ни на кого не поднимал руки, ни с кем не вступал в пререкания и не жаловался.

Упреки бабушки на этот раз закончились довольно быстро. На столе Габдуллу дожидалась миска с кашей, от которой шел едва заметный пар, и бабушка Нагима боялась, что, пока она будет ругать внука, каша окончательно остынет.

— Помой хорошенько руки и садись! — приказала бабушка и, тяжело вздохнув, повесила под портретом сына начищенную медаль.

Над столом ярко горела лампочка, и при электрическом свете серебряная медаль искрилась и сверкала. Сегодня Габдулла не сводил с медали глаз до тех пор, пока не соскреб всю кашу до последней крупинки.

Как бы там ни было, вожаку дома достались не только упреки, но и жирная каша.

Мать Вазира Курбанбика встретила сына таким криком, что ее голос был слышен на улице. Что поделаешь, такой уж сварливый характер у

Курбанбики! Если случится, что корова не вернется из стада, она начинает причитать на всю улицу:

— Хоть бы волки задрали эту проклятую корову! За это я бы на радостях сама отнесла милостыню Эжмагóл-мулле.

Если куры забредут на грядки картофеля, то все соседи Курбанбики услышат знакомый крик:

— Хоть бы холера их задушила! Меньше было бы хлопот, и я бы покой обрела! Кыш-кыш!

А что бы говорила Курбанбика, если б это на самом деле случилось?

Перед тем, как войти в дом, Вазир из предосторожности снял с себя остатки голубой рубашки, свернул и спрятал их под мышку. Как только он открыл калитку, сразу же услышал грозный голос матери:

— Вазир! Бессовестный мальчишка! Только попробуй войди в дом! Я выпорю тебя, паршивец. Чтоб ты сломал себе шею! Как что-нибудь делать, так у тебя сил не хватает, а как играть да гонять с мальчишками, тут ты первый! Хоть бы чуточку брал пример с Якупа...

Однако следует оговориться, что хотя Курбанбика и была злой на язык, но никогда не давала волю рукам.

Спрятав лоскуты голубой рубашки в сенях за сундуком, Вазир вошел в комнату. Отца дома не было, ушел на работу — сторожить колхозные амбары. Насип, младший брат Вазира, крепко спал, прислонившись к стене. Щеки его раздулись: по-видимому, он заснул, не успев проглотить то, что было во рту.

— Куда дел рубашку, бестолковый? — снова накинулась на сына Курбанбика.

— Я в это лето решил ходить без рубашки. Надо закалять свое тело,— спокойно ответил Вазир.

— Не закалять, а пороть тебя надо! Где рубашка?

— Я оставил ее в сенях, она немного распоролась по швам!

— Ладно, ходи, как тот дурачок Абдрáш. Скинь и штаны...

Гнев Курбанбики был похож на сухую солому: он быстро вспыхивает и быстро сгорает. Так было и на этот раз.

— Иди, овечка, садись и поешь,— сказала она, неожиданно подобрев.

А вот Айдара дома никто и не вспомнил. Никто не обратил внимания на отсутствие одного из девяти детей. Войдя в летнюю кухню, Айдар хлебнул прямо из горлышка крынки квашеного молока, затем не спеша отправился на сеновал, лег и тут же заснул.

Зато Вазиру не спалось. Он вышел на крыльцо и, сидя на ступеньке, смотрел на звезды. Ему казалось, что самая тусклая звезда над горой Кирамет — это его звезда... «Отчего же мне так не везет на свете? Отчего?» — печально подумал он.

И еще один человек долго-долго не мог заснуть в эту ночь. Тяжелую ответственность взял на свои плечи вожак Габдулла, и теперь тревожные мысли одолевали его. Надо было немедленно восстановить «Таганок», одна опора которого оказалась гнилой. «Таганку» нужна была третья подпорка. Но кому доверить такое серьезное дело? На кого опереться?

ТРЕТЬЯ ПОДПОРКА

Когда Габдулла проснулся, бабушки уже не было дома. Взгляд мальчика остановился на стене, где висела блестящая круглая медаль.

Если в сказке умирает батыр, то свой меч, щит и колчан со стрелами он завещает своему сыну... Быть может, и отец Габдуллы сказал: «Мою медаль отдайте сыну, пусть он носит ее как память обо мне». Видимо, так он и сказал. Иначе бы и не пересылали эту медаль товарищи отца.

Габдулла бережно снял со стены медаль и, приподнявшись на цыпочки перед потемневшим от времени зеркалом, прикрепил ее к правой стороне груди. Оказалось, что вожаку очень идет медаль. Отныне он будет носить ее, не снимая.

У ворот сидел Айдар. Увидев на груди Габдуллы медаль, он подумал: «Можно ли как игрушку носить отцовские медали?» Но, не желая обидеть вожака, он сказал:

— Медаль «За отвагу» носят не на правой, а на левой стороне, над самым сердцем.

Габдулла, удивленный тем, что друг его не выразил никакого восторга, молча перевесил медаль. При этом он даже немного рассердился на равнодушного товарища: «Обо всем знает этот Айдар!»

Мальчишки заговорили о своих делах.

— По правде говоря, Шарифулла-агай немножко соврал, что Кирамет развалится,— неожиданно заявил Айдар.— Если нет землетрясения, то горы никогда не валятся попусту!

— Зато ты трясешься, чтоб развалить наш «Таганок»,— сердито сказал Габдулла, у которого и так было испорчено настроение.— Чего ты боишься, трус?

— Я ничего не боюсь. И ты не кипятись зря,— спокойно прервал его Айдар.— Я просто спросил отца, и он сказал, что на вершине Кирамет на самом деле есть озеро и что в этом озере нет рыбы. Он тоже говорит, что озеро без рыбы — это все равно, что слепой глаз. Понял?

Габдулле стало неприятно, что он напрасно обидел друга.

— Знаешь что, Айдар,— мягко сказал он,— пусть даже Кирамет не развалится. Ведь хорошо и то, что мы разведем целое озеро рыбы. Но прежде всего нам надо сплести садок. Мы соберем туда всю рыбу, которую наловим. На том конце Кылыса есть подходящее место в камышах. Рыба там здорово клюет!

— Сплести садок я мигом могу,— сказал Айдар.

Мальчишки решили сегодня же отправиться на тот конец Кылыса и в тальнике сплести садок. Однако их очень огорчало, что «Таганок» лишился третьей подпорки.

Обсуждая эти важные дела и поругивая Вазира, мальчики вдруг заметили Примерного Якупа, который, размахивая длинной хворостиной, гнал к озеру гусей. Мальчики переглянулись.

— Эй, Якуп, иди-ка сюда! — крикнул Айдар.

Якуп остановился.

— Так я же гоню гусей,— сказал он с мягкой, неуверенной улыбкой.

— Гуси сами знают дорогу. Говорят тебе, иди, раз зовут.

Якуп не мог не послушаться. Волоча свою хворостину, он подбежал к мальчишкам.

Вожак испытующе оглядел Якупа с головы до ног. Под этим взглядом Якуп съежился.

«Что они хотят со мной сделать?» — тревожно думал он. Но опасения быстро рассеялись. Габдулла вдруг заговорил с ним серьезным и спокойным голосом.

— Ты, Якуп, когда-нибудь поднимался на вершину Кукрэк-тау?

— Конечно, поднимался!

— А видел ты Кирамет-тау, которая белеет вдали?

— Видел!

— Так вот, на вершине той горы есть круглое озеро. А в озере нет рыбы.

— Почему? Озеро без рыбы не бывает!

— Бывает. Слушай, что тебе говорят. Наша группа под названием «Таганок» решила развести там рыбу. Присоединишься к нам третьим? Вожак отряда я!

Якуп растерянно захлопал глазами и даже засмеялся от удовольствия, а затем проговорил:

— Спрошу у мамы...

— Мямля ты, Якуп! Это тайна. Так и знай: если даже будут тебя вешать, будут резать, об этом никому ни слова! Даже маме. Понял?

Габдулла подробно разъяснил задачу:

— Сначала выловим много-много икряной рыбы и соберем ее в садок. Потом в ведрах понесем на Кирамет. Нужно будет менять воду — по дороге на каждом шагу родники. Коль боишься, скажи сразу!

— Не поругают ли за это?

— Кто?

— Да мама...

— Обязательно будет ругать. Поругает и перестанет. Людей, которые начинали новые, важные дела, и в старину не понимали.

Якуп тоже не понял всей важности предстоящего дела. Но увлекало другое: ему, отвергнутому мальчишками, очень захотелось стать равным с ними.

Правда, вожак поставил перед ним еще одно дополнительное условие:

— Чтобы за три дня все было кончено с твоей примерностью! Научись метко стрелять из рогатки, взбираться на деревья, прыгать с камней и хорошо грести! Это пригодится. И еще, не подавай руки Вазиру,— строго добавил Габдулла.

— А почему?

— Об этом пока не обязательно знать... Ну, согласен со всеми условиями? Если согласен,— поклянись!

— Согласен! Клянусь! — сказала новая подпорка «Таганка».

С этого часа началась хлопотливая подготовка к большому путешествию. По общему решению, Габдулла с Айдаром должны были отправиться плести садок на другой конец озера Кылыс, а Якуп, чтоб покончить со своей примерностью, оставался пока в ауле.

Из отведенных ему трех дней первый день давно уже начался.

СЛАВА — ЭТО НЕ ШАПКА

Айдар остался на улице, а Габдулла забежал к себе домой. Схватив горбушку хлеба и бабушкин нож, которым она пользовалась только для резки лапши, он уже вышел было на крыльцо, как вдруг появилась бабушка Нагима. Габдулла мгновенно спрятал нож за спину.

Ножа бабушка не заметила, зато сразу же увидела медаль на груди внука. Сердце ее больно сжалось, морщинки на лице будто стали глубже, и глаза погрустнели. Но она не закричала и не упрекнула мальчика. Нежно погладив его по плечу, она тихо сказала:

— Иди-ка, внучок, со мной.

Когда вошли в дом, бабушка Нагима еще раз погладила внука по плечу:

— Медаль-то как идет тебе.

— Правда, бабушка? — обрадовался Габдулла.

— Твоя бабушка не станет говорить пустое. А вот ты, который проучился пять зим, объясни бабушке: медаль за что дается?

— За отвагу, за геройство! Здесь так и написано по-русски! — живо пояснил Габдулла.

Бабушка ласково кивнула головой.

— Ладно, спасибо, что ты сумел это прочитать и объяснить. А кому их дают, эти медали-то?

— Как кому? Героям, батырам, смелым людям!

Бабушка Нагима легким движением подбородка указала на грудь мальчика. (В наших краях на то, что почитается священным, не указывают пальцем.)

— А эту медаль кому дали?

— Ты же знаешь, бабушка... Отцу! — удивился ее вопросу внук.

— А раз так, то кто же должен носить ее?

— Отец, конечно... но ведь он не вернулся. Вот я и буду носить ее как память об отце.

Бабушка Нагима долго молчала, Габдулла, не решаясь уйти, присел на нары. Бабушка, тяжело вздыхая, думала о чем-то своем. Быть может, она вспоминала сына, вот так же сидевшего когда-то, свесив ноги с нар. Габдулла был похож на отца. Его повадки, сдержанная улыбка и голос всегда напоминали ей сына Мухаммеда, который рос в этом же доме. И часто, глядя на внука, бабушка Нагима то радуется, то предается глубокой грусти. Габдулла понимает это. В таких случаях он старается быть поласковей с бабушкой. Он понимал это и сейчас...

Но вот бабушка Нагима еще раз глубоко вздохнула и не спеша заговорила.

— Слушай меня, внук... Когда погибает батыр, сыну остается меч, когда погибает меткий стрелок, сыну остаются лук и стрелы... Плугом, оставленным отцом, сыновья пашут поле, его лопатой копают землю, его молотом куют железо... Шапку, оставленную отцом, могут носить его дети... Вот и на твоей голове шапка отца. Но оставшаяся после отца слава — это не шапка! Ее не могут носить по очереди его дети. Вот если бы твои собственные дела были достойны твоего отца, тогда другое дело...

— Мы совершим, бабушка, такие дела! Вот увидишь сама и удивишься! — горячо заговорил Габдулла.

— Пусть будет так! — сказала бабушка Нагима и тихо добавила: — Если тебе нравится медаль, носи на здоровье... Я не запрещаю...

Но Габдулла молча снял со своей груди медаль и повесил ее на прежнее место под портретом.

На улице пронзительно засвистел Айдар. Видно, даже и у него иссякло терпение.

— Иди уж,— сказала бабушка Габдулле.

Когда внук ушел, бабушка Нагима взяла в руки медаль и долго-долго глядела на нее. Потом она вытерла медаль краешком рукава и повесила на прежнее место.

ПРИМЕРНЫЙ НАЧАЛ ИСПРАВЛЯТЬСЯ

Придя домой, Якуп долго ломал голову над тем, как скорее покончить со своей «примерностью». С чего начать? С самых малых лет он привык обдумывать каждый свой шаг. Якуп всегда чувствовал себя идущим по узкому, шаткому мостику... Казалось, вот-вот он оступится и упадет.

Оберегая своего единственного сына, мать воспитывала в нем боязливую осторожность ко всему. Для маленького Якупа первое знакомство с жизнью началось со сплошного «нельзя». Карабкаться на плетень — нельзя, бросать камни — нельзя, трогать собаку соседа Сабира — нельзя. Обо всем этом мать напоминала ему ежеминутно, и с ростом мальчика росли эти «запрещенные зоны». Нельзя пойти с товарищами в лес — заблудишься, нельзя купаться в озере — утонешь, нельзя подняться на гору — упадешь. Летом нельзя снимать тюбетейку, потому что может быть солнечный удар, весной нельзя снимать шубу — простудишься. Казалось, не было конца-края всем этим «нельзя».

Мать очень заботилась и о том, чтобы ее сын не перенял дурных наклонностей и привычек у своих озорных сверстников. Она то и дело предупреждала Якупа: с тем не играй, с этим не дружи, того не води в дом, а к тому не ходи сам. Так Якуп постепенно отдалялся от товарищей. Сначала ребят это раздражало, они осыпали его насмешками, а нередко награждали и тумаками, но потом это им надоело, и они совсем перестали обращать на него внимание. Никого из них теперь не интересовало, живет Якуп на свете или нет. Только матери и бабушки продолжали ставить его в пример своим сыновьям и внукам.

Поэтому, когда Габдулла и Айдар подозвали Якупа к себе, он сначала растерялся, а потом удивился: давно никто не нуждался в нем и не звал его к себе. Якуп не знал, что иногда несчастье одного человека приносит удачу другому, и если б Вазир так глупо не опозорился, то он, Якуп, может быть, навсегда остался бы тем же Примерным.

И вот теперь для этой самой примерности наступили последние минуты. «Но с чего же начать? С чего начать?» — лихорадочно думал Якуп. Наверное, нужно начать с рогатки. Каждый уважающий себя мальчишка носит в кармане это грозное оружие.

Якуп вынес из дому нож и пошел в дальний угол двора. Ему повезло: палка с развилкой нашлась, и обрубить ее удалось довольно ровно. Добрая получится рогатка! Надо только добела выстругать ее ножом, а потом покрасить в красный цвет. Уж он, Якуп, не пожалеет на это краски. Затем из старой велосипедной камеры отца он отрежет ровную полоску резины и из голенища сношенного сапога вырежет круглый кусочек кожи. Конечно, до сих пор Якупу никогда не приходилось делать такое оружие, но он видел, как это делают другие. А потом он наберет полный карман кругленьких камушков и, прищурив один глаз для точного прицела, будет стрелять вон в ту кошку, которая преспокойно спит на крыше амбара.

И тут острым ножом Якуп задел по указательному пальцу. Из пальца хлынула кровь. Испугавшись, Якуп бросил нож и громко позвал:

— Эсэй[1]!

В ту же минуту он понял, что оплошал. Ведь мальчишки, поранив себе руку или ногу, не бегут к своим мамам, а берут древесную пыль и посыпают ею рану. Да вот как раз под ногами валяется гнилое полено. Якуп стряхнул с пальца кровь и хотел уже приняться за лечение, как из дому выбежала на крыльцо мать.

— Что случилось, дитя мое, сердечко мое? — отчаянно завопила она.

Но Якуп уже не был тем Якупом, который разжалобился бы сам и разжалобил до слез свою мать. Нет! Он быстро спрятал раненую руку за спину.

— Ничего не случилось! Я не звал тебя, а просто закричал на кошку. Бесэй! Бесэй![2].

— Ох, и напугал ты меня! — облегченно вздохнув, сказала мать и ушла обратно в дом.

Якуп вытащил из бревна гнилушку, растер ее в порошок и засыпал этим порошком раненый палец. Порошок окрасился в розовый цвет, но кровь остановилась. Затем Якуп снова храбро взялся за нож, но на этот раз дело не двигалось, раненый палец ныл и мешал работать.

Якуп решил переменить план борьбы с примерностью. Ну, что ж! Если сегодня ничего нельзя делать руками, так ноги-то у него целы! Он сейчас же пойдет на то место Кукрэк-тау, где тянется гряда скал, и там начнет учиться прыгать с камня на камень. Он выполнит условие, поставленное вожаком. Якуп оглянулся на свой дом и, опасаясь зорких глаз матери, медленно зашагал к воротам.

Калитка заскрипела, и тотчас же в окошке высунулась голова матери.

— Якуп, ты куда?

— Вот мяч закатился на улицу, мама,— сказал

---

[1] Эсэй — мама.

[2] Бесэй — кошка. Здесь созвучие слов «эсэй» и «бесэй».

Якуп и, когда окошко захлопнулось, во весь дух помчался к Кукрэк-тау.

Якуп вскарабкался до первой скалы. Там, громоздясь друг на друга, лежали серые глыбы камней, каждый из них был величиной с большой сундук. Когда мальчишки аула играли в войну, они всегда выбирали это место и, скрываясь за камнями, стреляли по врагу.

Сначала Якуп выбрал камни поменьше и прыгал с камня на камень, неловко размахивая руками и стараясь сохранить равновесие. Один раз, споткнувшись, он больно ушиб коленку и оцарапал локоть. Но это не остановило его. Он продолжал прыгать до тех пор, пока не приобрел настоящую сноровку. Тогда он перешел туда, где лежали большие камни.

Для него это было не веселой игрой или мальчишеской шалостью, а настоящим срочным и важным делом, он просто честно выполнял свое обещание, данное вожаку «Таганка». Он падал и ушибался, на щеке и локтях его появились царапины, на лбу вскочила шишка, но с каждой царапиной сердце Якупа становилось крепче и мужественнее. Неожиданно он вдруг ощутил в себе задор и отвагу. Одним словом, как говорит Шарифулла, может, и в сердце Якупа орел свил гнездо, только до сих пор не мог расправить крылья...

Однако, увлекшись Якупом, мы совсем позабыли про Вазира, которого вчера оставили в очень печальном состоянии. Заглянем к нему. Он живет через улицу, наискосок от Якупа.

«КЛУБОЧЕК МОЙ КРУГЛЕНЬКИЙ!..»

Во время войны да и в первые послевоенные годы семья Вазира, как и многие другие семьи, жила очень трудно. Может быть, поэтому у матери Вазира, Курбанбики, появилась странная привычка: она прятала от мужа и детей хлеб, соль, масло, сметану, чай, сахар и всегда носила с собой ключи от сундука, шкафа и чулана. Эту привычку Курбанбика не бросила и в те годы, когда жизнь уже наладилась и в доме всего было достаточно.

Из-за того, что в доме всегда все было под замком, Вазир с малых лет привык везде шарить и рыться. Однажды пятилетним мальчиком он нашел спрятанную между подушками ржаную лепешку. Но Вазир не пожадничал, не съел ее один, а, разломив на две равные части, отдал половину младшему брату Насипу. В другой раз, открыв гвоздем замок чулана, они вдвоем выпили молоко. Потом подобрали ключи к материнскому сундуку, оттуда стащили кусок сахару, оставленного, как говорила мать, для гостей. Неутомимо упражняясь в искусстве открывать любые запоры, братья освоили все их секреты, но в конце концов все замки в доме совершенно отказались исполнять свои обязанности.

Скоро и сама Курбанбика догадалась, куда исчезают считанные запасы, и на головы мальчишек обрушила гром проклятий. Но братья оказались упорными и продолжали свое дело. Не доверяя никаким замкам, Курбанбика изменила свою тактику. Она перестала прятать съестное в сундук или в чулан. Такие лакомства, как сахар или конфеты, прятались теперь в карманы старой шубы, в голенища валенок где-нибудь на чердаке или укладывались на дно лукошка, издавна висящего в клети, масло и сметана из погреба перекочевали в печь старой бани. Но и эти меры не дали желаемых результатов: мальчишки упорно и настойчиво продолжали свои поиски и постепенно раскрывали одну тайну матери за другой. К чести их надо сказать, что они ни на что не набрасывались с жадностью, не съедали находку без остатка. Поиски спрятанного превратились для них теперь в своеобразную азартную игру, в особый род опасного ремесла.

Из этой игры не исключались и такие редкие находки, как деньги. Разве не интересно, пошарив в печурке, вытащить из-под старой коптилки целую пятерку, а потом весело жевать с друзьями пряники, купленные в магазине!

Ругань и проклятия, падающие на голову Вазира, отскакивали от нее, как град от крыши. И все же находить спрятанные деньги оказалось нелегким делом: не всегда хватало смекалки...

Но сегодня Вазиру было просто необходимо найти деньги. Это уже не игра и не шутка. Вчерашний позор можно смыть только примирением с товарищами, только по-хорошему. В голове Вазира родился план: найти деньги, купить в магазине пряники и, угостив товарищей, попросить прощения. Ведь в наших краях и взрослые делают так: если какого-нибудь человека незаслуженно обидят, то обидчик приглашает обиженного в гости, угощает и просит прощения.

Он осмотрел подряд все книги, вытряхнул из солонки соль, пошарил за карнизами окон и дверей, сунул голову в печь, но все было напрасно. В досаде он остановился посреди комнаты и еще раз внимательно огляделся вокруг. Неожиданно взгляд его упал на большой шерстяной клубок, небрежно брошенный на карниз печки.

Вазир взял клубок, повертел его в руках, пощупал. Похоже, что клубок намотан слишком поспешно: уж очень он мягкий. Вазир поднес клубок к уху, сжал его пальцами. Внутри послышалось шуршание. Вазир послушал еще раз и потянул за конец пряжи.

Разматывая клубок, Вазир даже запел тихим и протяжным голосом тут же сочиненную песенку:

— Клубочек мой кругленький,
Не видал ли моих денежек?

И сам же ответил другой песенкой:

— Я клубочек кругленький,
Размотай меня, и тогда скажу...
— А не скажешь, сам узнаю я...

Вазир тихонько напевает и торопится размотать клубок. Вот уже сквозь шерстяные нитки просвечивает сложенная в несколько раз зеленая бумажка. Вот она уже в руках Вазира. Ого! Да это новехонькая пятидесятка! А в нее завернуты еще одна двадцатипятирублевая бумажка и пятерка! Да это — целое богатство!

— Здесь три бумажки: папа, мама и ребенок. Нам хватит и ребеночка! — весело говорит Вазир и прячет в карман пятерку.

Остальные деньги он складывает так, как они были сложены. Сматывая клубок, он снова напевает свою песенку:

— Клубочек мой кругленький,
Что ты видел, что узнал?
— Луна видела, как солнце унесло,
А я ничего не видел...

На пять рублей Вазир купил пряников и спрятал их в стене сарая, засунув в солому между прутьями плетеной стены. Он решил, что в подходящий момент он намекнет товарищам о каком-то секрете, и они втроем подымутся на гору. Там он по одному вынет из кармана пряники и разложит их на траве, а ребята будут стоять и удивленно переглядываться. Все восемь пряников Вазир начнет делить. Пусть Габдулле и Айдару достанется по три пряника, себе он оставит только два. Он даже согласен не брать ни одного: он-то знает, как надо угощать гостей!

Он вышел на улицу и долго стоял у ворот, выпятив голый живот и держа руки за спиной. Вазир был очень доволен собой.

Между тем со стороны горы из переулка неожиданно появился Якуп. На нем не было живого места, он был весь в синяках и ссадинах.

— Эй, Примерный, откуда ты? — осведомился Вазир.

— Я не Примерный, я — Якуп,— послышался твердый ответ.

— Похоже, что ты схватился с медведем, богатырь?

Якуп хорошо помнил клятву, данную товарищам, но ему было как-то неудобно молча пройти мимо. Впрочем, ведь он клялся только руки не подавать Вазиру. А разговаривать и подавать руку — это вещи разные. Одним словом, Якуп не счел возможным гордо пройти мимо Вазира.

— Я искал теленка,— соврал он.

— Видно, стучась лбом о камни, искал ты этого теленка?

— Было такое дело,— вздохнул Якуп, не находя нужным вдаваться в подробности.

— Ну и украсил ты себя... Ну, да ничего! Скоро заживет! Заплатки класть не придется,— успокоил Вазир. У него сегодня было легко на душе и хотелось сделать какое-нибудь хорошее дело. Поэтому даже Якупа, давно павшего в глазах ребят, захотелось чем-то обрадовать.

А у Якупа в эту минуту были совсем другие мысли: вот ведь как получилось,— вместо того, чтобы пройти мимо, не поздоровавшись, он, не желая обидеть Вазира, стоит с ним и даже разговаривает.

Если б Вазир догадался о тайных мыслях Якуда, то, бесспорно, на лбу Примерного добавилось бы еще несколько шишек. Но Вазир ни о чем не догадывался. Когда у людей такое настроение, они как слепые. Он вытащил из кармана свою прославленную на всю улицу рогатку с красной рукояткой.

— Нравится? — спросил Вазир.

— Еще бы!..

— Надо тебе?

— Надо, но...— растерялся Якуп.

— Раз надо — бери! Дарю тебе насовсем!

У Якупа закружилась голова, в глазах запрыгали красные чертики... Вазир протянул ему рогатку.

— А я тебе дам резиновый мяч да еще велосипедный звонок, знаешь, как звонит! — взволнованно прошептал Якуп.

— Не надо. За подарок плату не берут. Рогаток у меня целый ящик.

Якуп неуверенно протянул руку. Он все еще сомневался: не шутит ли Вазир, не издевается ли над ним? Якуп дрожащей рукой взял рогатку и сунул в карман штанов.

— А я тебе...— снова начал он, но Вазир резко оборвал его:

— Не надо ничего. Иди домой и учись стрелять.

— Ладно,— кивнул Якуп и, прижимая рукой оттопыренный карман, побежал домой.

А перед Вазиром вдруг предстала Гульнур. Она держала под мышкой туго свернутый красный ситец.

— Ой, бесстыдник, даже рубашку не надел! — пронзительно затрещала она.

— Иди, иди своей дорогой! — отмахнулся Вазир.

— И пойду! Я несу к тете Ямлихе ситец, она сошьет мне красивое платье! — И, кивнув головой куда-то в сторону, добавила: — А Айдар с Габдуллой пошли на дальний конец Кылыса, они не взяли меня с собой, но зато они словят мне жаворонков. Двух.

Гульнур поболтала и пошла своей дорогой. Она не подозревала, как от ее слов Вазиру стало тоскливо и больно. Значит, товарищи окончательно отвернулись от него? Неужели он, Вазир, оказался теперь в положении отвергнутого всеми Якупа?

«Сегодня же вечером надо найти какой-нибудь подходящий предлог, угостить ребят и попросить прощения»,— озабоченно подумал Вазир.

«ПРИМЕРЫ» РАЗБИВАЮТСЯ ВДРЕБЕЗГИ

Когда Якуп показался в дверях своего дома, мать в ужасе схватилась за голову. Лицо ее то бледнело, то синело, в горле стоял комок. Наконец, взмахнув руками, она пронзительно закричала:

— Убили сына моего, убили! Какая бешеная собака терзала тебя, мой родненький?.. Ох, умирает дитя мое, умирает...

Якуп спокойно пожал плечами и торжествующе сказал:

— Я играл и прыгал на скалах, мама! Было очень весело, но я немного поскользнулся...

Гульемеш-апай продолжала причитать:

— Наверно, во всем виноват этот проклятый Вазир! Не я буду, если не схожу в правление и не заставлю их образумить этого хулигана!

Якуп не мог спокойно слушать напраслину о человеке, который только что, проявив небывалую щедрость, подарил ему свою рогатку.

— Ты, мама, Вазира не трогай. Он теперь мой друг. Я сам споткнулся и упал,— серьезно сказал Якуп.

Но мать еще пуще заволновалась:

— Ты не из тех детей, которые падают сами. Не мели пустое! Сколько раз я говорила, чтоб ты не водил дружбу с этим негодяем!..

У Якупа, который никак не мог убедить мать в невиновности Вазира, неожиданно явилась дерзкая мысль.

— Раз так,— сказал он,— то ты, мама, сама увидишь, как я заберусь сейчас на вершину вон того вяза и спрыгну оттуда.

И Якуп тут же бросился к одинокому вязу, стоявшему возле забора.

Но не успел он уцепиться за самую нижнюю ветку, как мать схватила его.

— Не глупи, деточка,— сказала она дрожащим голосом, обнимая сына и стараясь отвести его подальше от дерева. «Ребенок, видно, тронулся умом»,— с ужасом подумала она.

Но Якуп ничего не хотел слушать и рвался к вязу, пытаясь освободиться из объятий матери.

— Пусти меня! Говорю же пусти! Раз сказал, спрыгну!

Гульемеш-апай совсем выбилась из сил, она была уверена, что с ее ребенком случилось что-то неладное, и говорила с ним тихим голосом, как говорят с помешанным, пытаясь успокоить его:

— Ладно, сынок, спрыгнешь, обязательно спрыгнешь. Только завтра, ладно? А теперь пойдем домой, я угощу тебя сливками и печенья сладкого дам...

Услышав о таких вкусных вещах, проголодавшийся Якуп перестал ломаться. Он, конечно, не догадывался об опасениях матери и с радостью подумал: «Ага, поверила все-таки, что спрыгну!»

Якуп быстренько расправился с чашкой сливок и порядочной горкой печенья. Он бы съел и еще, но постеснялся попросить. А Гульемеш-апай, не сводя с него глаз, с беспокойством думала: «Что же делать? Отец уехал и будто пропал, а тут такое горе...»

— Не болят ли, сынок, ссадины твои? — спросила она с тоской.

— Нет,— ответил Якуп, пощупав синие шишки на лбу.

Сердце матери екнуло: «Неужели голова его так расстроена, что он не чувствует даже боли?..»

— Полежи, сынок, ты, наверное, очень устал,— сказала она, разбирая постель.

Якуп был порядком утомлен и поэтому не стал сопротивляться. Раздеваясь, он почувствовал у бедра твердый предмет и ощупал в кармане штанов рогатку. Усталости как не бывало. Он уже хотел соскочить с места, но передумал и притворился спящим, даже очень искусно захрапел.

Гульемеш-апай осторожно направилась к двери. Она решила сходить к леснику, который жил неподалеку от аула. Дочь этого лесника была врачом, и как раз вчера она со своими детьми приехала к отцу на отдых. Гульемеш-апай хотела попросить ее осмотреть сына.

Когда за матерью с тихим скрипом закрылась дверь, а потом щелкнула калитка, Якуп вскочил и выбежал во двор. Он вытащил рогатку. Какие только вещи не попадают в руки джигитов! Якуп вертел рогатку в руках и с восхищением глядел на красную, гладкую рукоятку. Теперь оставалось только взяться за дело!

Земля у крыльца посыпана песком и мелкими камушками. Набрав в фуражку круглых камушков, Якуп расположился на крыльце. Для стрельбы надо было выбрать цель. Что тут долго думать! Не найти более подходящую мишень, чем старое зеленое ведро возле кладовки!

Зарядив рогатку, Якуп начал прицеливаться. Он долго щурил то один глаз, то другой, потом, растянув резину рогатки так, что она стала совсем узенькой, сразу отпустил ее. Куда полетел камень, он даже не заметил, потому что резина больно ударила его пораненный палец. Неудача только раззадорила Якупа. Приложив к губам ушибленный палец, он раза два подул на него и снова занялся рогаткой. Стрельнул второй раз, и третий, и пятый, но зеленое ведро даже не звякнуло ни разу.

Тогда Якуп спустился с крыльца и приблизился к кладовке на два шага. На шестом выстреле ведро гулко звякнуло: круглый камушек задел его зеленый бок и отскочил в траву.

— Один блин намазали! — торжествующе сказал Якуп.

Но второй «блин» долго не «намазывался». Якуп уже начал падать духом, как вдруг камушек, выпущенный из рогатки, избрал себе другую мишень — из окошка кладовой со звоном посыпались осколки разбитого стекла...

В этот момент с тихим скрипом открылась калитка. Но Якуп, охваченный азартом, ничего не слышал. Он снова выстрелил в ведро, и снова со звоном посыпались стекла.

Гульемеш-апай и врач, которые только что вошли во двор, в изумлении остановились. Мать с пронзительным криком бросилась к Якупу и схватила его за руку:

— Сын мой!

Якупа ввели в дом. Врач посмотрела его горло и глаза. Потом уложила на постель, пощупала живот. Через резиновые трубки она послушала грудь и спину мальчика, затем еще раз посмотрела глаза.

— Ваш ребенок совершенно здоров,— сказала она матери.

— Как? Разве это здоровый ребенок? На нем живого места, живого места нет!

— Если бы он был больным, не прыгал бы, если бы не прыгал, не падал. Не так ли, джигит? — улыбнулась врач.

«Джигит» кивнул головой.

«У этого доктора нет сердца»,— подумала Гульемеш-апай.

Но у доктора сердце было, и даже очень доброе, но она терпеть не могла тех, кто поднимал крик по-пустому. Она собрала свои инструменты в чемоданчик и, попрощавшись, ушла.

Гульемеш-апай весь день караулила своего сына и не выпускала его даже во двор. Но перед заходом солнца, когда возвратилось с пастбища стадо, Гульемеш-апай увидела, что теленок ее где-то замешкался, и пошла искать его. Перед уходом она строго предупредила сына:

— Не смей никуда выходить!

На всякий случай она заперла дверь на ключ. Если бы она не сделала этого, то Якуп, может быть, и послушался бы. Но кто же будет спокойно сидеть, запертый, как козленок в сарае? Якуп улизнул через окно во двор.

Один из трех дней, данных ему вожаком, уже подходил к концу, и Якуп беспокоился, что не успеет как следует научиться стрелять. Поэтому он снова достал рогатку и до возвращения матери успел сбить жестяной ободок на трубе бани и разбить глиняный горшок на завалинке у соседки Сарби-апай. Последним выстрелом он сделал вмятину на боку медного кувшина, принадлежащего другой соседке — старой Кюнбике.

Старушка Кюнбика ничего не видела и не слышала, но Сарби-апай сразу же обнаружила разбитый горшок и начала кричать и ругать Якупа.

— Или ты превратился во второго Вазира, противный мальчишка? И родится же у хороших родителей такой дрянной сын! Вот подожди, пусть только вернется мать!.. Она тебе задаст, негодник...

Якуп, которого первый раз в жизни назвали «негодником», кажется, не очень огорчился. «Противного» или «дрянного» мальчишку никто не будет ставить в пример, а это значит, что отныне мальчишки перестанут дразнить Якупа Примерным.

В ОЗЕРЕ ИГРАЕТ РЫБА...

Солнце клонилось к закату. Мелкие быстрые волны весь день играли с ветром, то отбегая от берегов, то шаловливо прижимаясь к ним, но к вечеру они вдруг притихли, словно устали.

А вот птицы не очень-то любят петь в жаркий полдень, но зато в вечерних сумерках, когда легкий холодок освежит землю, каждый кустик на берегу Кылыса поет свои песни! Только сиди и слушай!

Рыбы тоже любят резвиться по утрам и вечерам. Плескаясь в прозрачной воде, они оставляют на поверхности большие и маленькие круги, а некоторые — самые шаловливые — выпрыгивают наверх и, поблескивая серебряной чешуей, как будто хвалятся: смотрите-ка, любуйтесь, какие мы красивые!

Многим из этих сорожек и красноперок, которые так привольно играют сейчас, скоро-скоро придется расстаться со своим озером и переселиться в чужое озеро на вершине Кирамет. И никогда уже не вернуться им в родные воды Кылыса!

Ну, ладно! Пусть рыбы плавают, птицы поют, а мы заглянем пока в кусты тальника на берегу озера. Сначала мы увидим там одну смолисто-черную голову, потом рядом с ней покажется

другая голова — рыжая. И хотя в густых зарослях трудно разглядеть, кому принадлежат эти головы, но мы сразу догадаемся, что вожак Габдулла привел сюда своего верного друга Айдара и что оба они пришли по важному делу. Да это так и есть, потому что две опоры «Таганка» молча и сосредоточенно плетут морду[1]. При этом Айдар отличается такой ловкостью и искусством, что Габдулла, хотя и вожак, охотно берет на себя простую заготовительную работу: он разыскивает в зарослях камышей самую гибкую лозу, срезает ее бабушкиным ножом, очищает от ростков и подает Айдару.

— Ну и мастер же ты, брат! — говорит Габдулла, и в голосе его звучат почтительные нотки.

И в самом деле на Айдара любо было смотреть. Его быстрые обветренные руки неутомимо двигались. Длинные гибкие лозы, как шелковые ленты, так и играли в его ловких пальцах.

Рыбы резвились, птицы пели, Айдар и Габдулла плели, и никто не обращал внимания на мальчишку без рубашки, который, крадучись, шел по берегу. Правда, тонкие ветви ивы, касаясь его голых плеч, пытались что-то шепнуть, но никто не прислушивался к их шепоту. Пройдя немного, он лег в зарослях на живот и стал внимательно наблюдать за Айдаром и Габдуллой. Глаза мальчишки беспрерывно моргали, как будто яркий свет бил ему в лицо, но острый взгляд его все видел, все примечал. Придя к какому-то заключению, он схватил пучок осоки и, не вырывая ее из земли, завязал узлом, как хвост коня. У нас в лесной стороне люди часто оставляют такие метки, чтобы не потерять след или заприметить место.

Летом нередко встретишь мальчишек, которые, закаляясь, ходят без рубашек. Но кто видел хоть один раз это круглое лицо, моргающие ресницы и быстрые кошачьи движения, сразу скажет, что это Вазир!

Проверив все, что ему было нужно, Вазир осторожно отполз подальше в лесную чащу и, нырнув, как перепел, в густую траву, исчез...

Габдулла и Айдар закончили свое плетение. Добрая и красивая вещь получилась! Айдар тщательно проверил свою работу, несколько раз открыл и закрыл крышку морды. После этого мальчишки подошли к воде.

Они выбрали тяжелый камень, положили его на дно морды и потащили ее в воду. Морда не сразу опустилась на дно, пришлось привязать ее к камышам. Боясь, что к рыбкам могут залезть раки, мальчишки крепко-накрепко закрыли крышку и даже закрепили ее ивовой корой.

Айдар и Габдулла знают толк в рыболовстве! В эту пору лета было бы непростительной наивностью сидеть и ждать, когда в морду забредет какая-нибудь рыба. Нет уж! Завтра друзья придут сюда с четырьмя удочками. Только надо подсекать быстрее, чтобы рыба не проглотила крючок, иначе она не выживет.

Вон сколько рыбок играет на воде! Кажется, что все озеро поблескивает и отливает серебром чешуи.

— Играйте, играйте! — покровительственно сказал Габдулла.— Наступят дни, когда вы будете играть еще веселее!

И мальчики, закончив свое важное дело, поспешили в аул.

---

[1] Рыболовная снасть типа верши.

УТРО БЫЛО ДОЖДЛИВОЕ

Дождь начался в полночь, он не переставая шел и утром. Но четыре мальчика в четырёх домах не сидели сложа руки. Габдулла сразу же после того, как отвел безрогую буренку в стадо, зашел к Айдару. Мальчишки сделали четыре удочки, смастерили мешок из старой рыболовной сети, накопали за амбаром целую консервную банку червей.

— А дождь все идет да идет на нашу беду,— огорчался Габдулла.— Нашел время!

— Польет, польет да и перестанет,— сказал Айдар.— Завтрашний день от нас тоже не уйдет, и после дождя рыба лучше клевать будет!

— Тебе все хорошо!— рассердился Габдулла.— А где найти лодку? Думал ты об этом?

— Зачем лодку? Рыба и около берега клюет!

— Нет уж! Топтаться на берегу, как малыши, которые гоняются за мальками...— сказал Габдулла.

На самом деле, кто считает себя рыбаком и рыбачит на озере Кылыс, тот не станет сидеть на берегу. Крупные рыбы плавают в глубине, и настоящий рыбак сидит в лодке на середине озера!

— Ну, что ж! Придумаем что-нибудь,— согласился Айдар.— Кстати, дедушка Примерного уехал в город... Только лодку свою он запер большущим замком. Если бы подобрать ключ...

Тогда вожак Габдулла объявил свой новый приказ:

— Поручить Примерному Якупу достать лодку.

А в это время в доме Вазира шел такой приятный разговор.

— С ранней зари поставила я тесто для блинов,— говорила Курбанбика-апай,— дай-ка, думаю, угощу деток своих. Сейчас разожгу печку, накалю ее докрасна...

— Эх, и блины будут вкусные! — причмокнул языком Насип и принес со двора целую охапку сухих дров.

Мать нашла дело и для Вазира.

— А ну-ка, Вазир, сбегай быстренько к бабушке Ямлегуль и попроси у нее сковородку. На двух сковородках дело пойдет быстрее! Только гляди, Вазир, чтоб одна нога твоя была здесь, другая там!

Поручение было приятное, иначе Вазир обязательно заупрямился бы и заворчал: «Пусть идет твой Насип». Но тут он не стал спорить, надел на босу ногу отцовские сапоги и выбежал во двор.

— Вазир! — закричала ему вслед Курбанбика.— Куда ты бежишь без рубашки людям на смех? Что это ты, бестолковый какой! Надень хоть отцовскую стеганку, ведь дождь льет, как из ведра!

Но Вазир даже не оглянулся.

У Курбанбики сегодня было очень хорошее настроение: сам приехавший из Уфы очкастый уполномоченный вчера расхвалил ее работу.

— Куры твои поют, работенка у тебя ладится! Ты, Курбанбика, скоро станешь лучшей птичницей района.

Словом, закваска сегодняшних блинов была заложена еще вчера: услышав похвалу своей работе, мать решила порадовать детей — угостить их блинами. Печка быстро разгорелась, на сковородке шипели и румянились блины, а Вазир ушел... и словно в воду канул!

«УЧУ ЛОДКУ ПЛАВАТЬ...»

Все дома в ауле расположились вдоль улицы ровными рядами. Только маленький домик бабушки Ямлегуль, как козленок, отбившийся от стада, одиноко стоит на дальнем конце Приозерного переулка. Или, обидевшись на что-то, этот домик отвернулся от аула? Только вряд ли можно так думать: весь аул Беркутный не чает души в бабушке Ямлегуль!

Вазир, шлепая по грязи, добежал до конца переулка. Около самой калитки бабушки Ямлегуль он остановился, чтобы взглянуть на озеро. На берегу сидели поникшие гуси, низко клонился к земле камыш, а недалеко от берега, кренясь то в одну, то в другую сторону, плавала одинокая лодка. Сквозь сетку дождя зоркие глаза Вазира разглядели человека, неумело орудующего веслом.

— Ба! Да ведь это же Якуп!

И блины и сковородка сразу вылетели из головы Вазира. Не поглядеть на плавающего в лодке Якупа было свыше его сил! Да виданное ли это дело, чтобы Примерный Якуп в проливной дождь бороздил на лодке озеро?

Вазир побежал на берег и стал молча наблюдать из-за камышей.

Якуп не видел Вазира, он изо всех сил работал веслом, но лодка не слушалась его — она то беспомощно кружилась на одном месте, то вырывалась вперед или, поворачиваясь боком, сильно кренилась к воде. Ветер с берега медленно гнал ее на середину озера...

Вазир не вытерпел.

— Эй, Примерный, что ты там делаешь? — закричал он.

Якуп растерянно оглянулся, но тут же взял себя в руки.

— Учу плавать новую лодку дедушки! — громко ответил он.

— Эх ты, учитель, учитель! Разве сидя гребут одним веслом? Надо грести стоя. Встань сейчас же! — приказал Вазир.

Якуп, наклонившись, с опаской посмотрел за борт на воду.

— Так тут же очень глубоко, а лодку качает.

— Не бойся, бестолковый, здесь даже по горло тебе не будет...

— Да я-то не боюсь...

Якуп нерешительно поднялся и встал посредине лодки.

— Переходи на корму! Кто гребет стоя на середине, а? — снова закричал Вазир.

Якуп осторожно отступил к корме.

— Вот так,— одобрил Вазир,— теперь греби! Начинай с правой стороны! Говорю же, с правой! Ты что, не знаешь, где правая, где левая?

Якуп старательно греб. Вазир, размахивая руками, бегал по грязи и нетерпеливо командовал.

Лодка, кружась и качаясь, медленно приближалась к берегу, но этого Вазиру было мало: он не мог равнодушно смотреть на человека, который не умеет управиться с простым делом.

— Весло не топи! Куда ты его всадил так глубоко, ты же не картошку копаешь! Шире размахнись! Пошире, говорю! Да не качайся, как маятник! Стой прямо! Вот так! — яростно командовал Вазир.

Якуп старательно выполнял приказы, но как раз в тот момент, когда он считал, что уже коечему научился, пришла неожиданная беда.

— Пошире размахнись! — снова крикнул Вазир.— Ну, пошире!

Расхрабрившись, Якуп размахнулся и глубоко загреб воду, лодка сильно качнулась и мальчик, потеряв равновесие, упал.

— Садись! — заорал было Вазир, но садиться было уже некому.

На волнах плавала только клетчатая кепка Якупа. Вазир, раскрыв от изумления рот и уставившись неподвижным взглядом на эту кепку, замер на берегу.

Когда же неподалеку от нее вынырнула голова Якупа, Вазир пришел в себя и, как пущенный из рогатки камень, плюхнулся в воду. Сапоги его сразу завязли в иле и сами собой сползли с ног, но Вазир даже не заметил этого. Он стремился скорее добраться до лодки, возле которой то показывалась, то снова исчезала голова Якупа. На этом месте было не так уж глубоко, вода доходила Якупу до ушей, но человеку, не умеющему плавать, не так уж много надо, чтобы утонуть.

Вазир подплыл к незадачливому гребцу и, схватив его за воротник, потащил к берегу. Когда они оба выбрались на твердую землю, лицо Якупа было белым-бело.

Вазир поставил его на ноги и, облизывая посиневшие от холода губы, пошутил:

— Вкусна ли вода в озере?

Но Якуп только покачал головой.

— Ну, иди!— сказал Вазир.— А я еще разок нырну и поищу твою кепку!

— Не надо,— с усилием произнес Якуп. Зубы его стучали от озноба, голос дрожал.

Вазиру и самому не очень-то хотелось лезть опять в холодную воду. Оглянувшись на озеро, он вдруг всплеснул руками.

— Лодка уходит. Лодка и весло! — крикнул он уже на бегу и, бросившись в воду, крупными саженками поплыл к лодке.

Якуп, все еще дрожа от испуга и холода, с невольной завистью смотрел на Вазира. «Эх, уметь бы так плавать!..» — думал он.

А Вазир, вытащив на берег лодку, занялся своими сапогами. Найти их было нетрудно, так как в том месте, где их засосал ил, было мелко и голенища еще торчали из воды. Вазир выплеснул из сапог воду и весело сказал:

— Как хорошо вышло, теперь и отцовские сапоги сами по себе помылись, только домой придется идти босиком, не пачкать же их опять!

Якуп все еще неподвижно стоял на прежнем месте. Вазир подошел к нему и, похлопав его по плечу, ободряюще сказал:

— Из тебя выйдет толк. Только пока что хватка не та. А толк выйдет.

— Правда?— обрадовался Якуп.

— Ну, ладно. А теперь что будем делать?

— Не знаю... Надо бы отвести дедушкину лодку на место.

Мальчишки снова столкнули лодку в воду.

— Бери весло и греби не спеша,— сказал Вазир.

Он продолжал давать указания, но и сам Якуп, прошедший боевое крещение, теперь уже уверенней вел лодку вдоль берега.

Когда они привязывали лодку к столбу, откуда ни возьмись появилась мать Якупа. Она начала громко причитать и выкрикивать:

— Ох, я несчастная! Этот ребенок бросает меня в огонь и в воду! Дитя мое, ты же стал похож на водяную крысу! Конечно, все это Вазир! Если сегодня же я не пойду в правление и не пожалуюсь на него, пусть имя мое не будет Гульемеш! Ты слышишь меня, Вазир? Зачем ты мучаешь ребенка? Куда ты дел его кепку?

Гульемеш-апай хотела взять сына за руку, но тот резко отстранился.

— Если ты, мама, скажешь еще хоть одно слово Вазиру, я... я сейчас же сяду на эту лодку и уплыву далеко-далеко! И никогда уже не вернусь, так и знай!

Гульемеш-апай бросила уничтожающий взгляд на молчаливо стоящего в стороне Вазира, но заговорила по-другому:

— Ладно, ладно, я ничего не скажу, пусть будет по-твоему, только пойдем домой!

Она снова хотела взять сына за руку.

— Не надо вести меня за руку,— воспротивился Якуп.— Я и сам пойду, только чтоб о Вазире ни одного слова...

— Ладно, ладно! Сказала же, что не буду...

Вазир, держа под мышкой сапоги, остался на берегу озера. Он никуда не спешил, так как давно позабыл о сковородке и о блинах, которые ждут его дома.

(Окончание в следующем номере.)

АКАДЕМИКИ ИЗ СЕЛА ГИЖДИЕНЫ

Р. ЕВГЕНЬЕВА

Неизвестно, кто прозвал этих ребят «академиками». Вероятно, сельский почтальон. Это ему приходится доставлять школьникам села Гиждиены столько писем и посылок, что их хватило бы на целый институт.

Село маленькое. Не на каждой карте Молдавии его найдешь. В школе-восьмилетке всего сто шестьдесят учеников. Но вот — поди ж ты! — на конвертах — штампы прославленных научных институтов, столичных университетов. На посылках и бандеролях — марки разных стран. В мешочках — семена. В квадратных ящичках — саженцы и черенки, заботливо укутанные влажным мхом. И все эти посылки — ребятишкам, что копаются вон там, на участке!

Почтальон стучит у школьной калитки:

— Почта! Получай, босоногая академия!

Ребята на прозвище не обижаются. Работая изо дня в день на опытном участке, где твоими руками выращено множество фруктовых деревьев, виноградных лоз, а в междурядьях — дыни, тыквы, арбузы, томаты всех сортов, обязательно будешь ходить голоногим, с облупившейся от солнца кожей и мозолями на ладонях. Участок не маленький — пять гектаров. Только при чем тут «академики»?

В ПЕРЕПИСКЕ СО ВСЕМ МИРОМ

Чтоб понять, оглядимся вокруг. В старинном селе Гиждиены (о нем упоминается еще в молдавских рукописях XVII века) всего-навсего двести хат. Крыши тонут в густых ветвях деревьев, отягощенных плодами. За околицей волнуется необъятное кукурузное поле, на нем вызревает местная «королева полей» сорта ханган.

Теперь посмотрите, что растет на школьном участке. Лучшие сорта кукурузы: алма-атинский, канадский, чехословацкий, ВИР-156, буковинский-3, дакота... Они дают вдвое больший урожай, чем ханган. Ребята вырастили их не для себя: собрав урожай кукурузы, они передают семена лучших сортов родному колхозу.

А вот молодой школьный сад: здесь качаются на ветру груши илинка, панна, яблоки джонатан, вагнер и еще много, много других сортов. Саженцы панны ребята получили из Польши, черенки джонатана и вагнера из ГДР.

Оказывается, у маленькой школы-восьмилетки обширные и могучие связи! А с чего все началось?

Пять лет назад в ученической бригаде было всего пятнадцать человек. Земли при школе — всего один гектар. Ребята решили заложить виноградник. Самое простое — посадить местные сорта. Но что тут интересного?

Хочется вывести лучшие сорта, каких нет в колхозе. Посоветовались с Георгием Матвеевичем Лужанским, директором. Он биолог. Многие его товарищи работают в различных институтах страны.

— Возьмите да напишите им, пусть пришлют саженцы нашей школе! — посоветовал Георгий Матвеевич.

Ребята принялись писать письма. Сперва писали тем, кто поближе: в Кишиневский институт виноградарства и садоводства, в Тирасполь и Одессу, в передовые колхозы. Потом расхрабрились и написали в Ботанический сад Академии наук и Тимирязевскую сельскохозяйственную академию. Списались с академиями наук Болгарии,

Румынии и других стран народной демократии. Удивительно, как быстро друзья откликаются на добрый почин!

Отовсюду стали присылать посылки с саженцами и черенками, и скоро на пришкольном участке гиждиенской школы появилось двадцать шесть различных сортов чудесного винограда.

ЧТО ДЕЛАТЬ С ИНДИЙСКИМ ОРЕХОМ

Однажды пришла посылка из Индии. В ней дремали завернутые во влажный мох саженцы невиданного растения. Это был дар индийских ученых — какой-то неизвестный вид ореха.

В гиждиенской бригаде народ любопытный. Что бы ни прислали, ребята обязательно будут заботливо выращивать и жадно интересоваться, приживется или не приживется. Так выращена коллекция редких растений, среди них амурский бархат, или пробковое дерево, с толстыми темно-зелеными листьями, пышная трава никандру и еще многое другое.

Индийский гость великолепно прижился. Его посадили у колодца, где земля всегда сырая. Орех начал буйно расти. Куст его достиг высоты человеческого роста. Появились плоды — странные колючие шары с черными семенами. Тут ребята спохватились: что же с ними делать? Есть ли от индийского ореха польза и какая?

Придется снова писать в Индию. Переписываясь, расширяешь свои горизонты. Не такое уж далекое село Гиждиены!

ЕСТЬ ЧТО ПОКАЗАТЬ ДРУЗЬЯМ

Небольшое здание школы вмещает большую выставку. Она занимает два зала. На стендах ее полторы тысячи экспонатов. Глаза разбегаются — так много различных сортов кукурузы, гороха, овощей, фруктов и цветов! А вот и гордость гиждиенцев: дипломы Всесоюзной выставки достижений народного хозяйства. Ребята получили за эти годы столько ценных премий (часы, радиоприемники, швейные машины), что колхозники стали с большим уважением относиться к их работе.

— Георгий Матвеевич, отчего мой парнишка так рано нынче домой прибежал? — с беспокойством спрашивает иная мать у директора школы.— Работал ли?

Директор успокаивает:

— Хорошо работал ваш Петр. Отработал, как все, четыре часа.

Ребята любят свой участок. У них есть график. Строго заведен порядок: все работы записывать в журнал. Целая стопа таких журналов лежит на стендах школьной выставки. В гиждиенскую школу приходит и приезжает немало экскурсий — ребячьих, студенческих, учительских...

Выставка — это отчет друзьям.

ШКОЛА ДЕЛИТСЯ БОГАТСТВОМ

Большая стопка писем. Выберем наугад три-четыре:

«Тираспольский институт просит прислать сорта семян для агробиологической

Богатый урожай собирают «босоногие академики».

станции. Станция молодая, ее надо поддержать».

«Кишиневский государственный университет просит прислать для учебных целей семена кукурузы, проса, чечевицы. Профессор В. Г. Клименко».

А вот богато иллюстрированная книга в красивом переплете — «Путеводитель по Варшавскому ботаническому саду». Откуда узнали польские ботаники о маленькой молдавской школе? Вероятно, увидели экспонаты гиждиенцев в Москве, на выставке ВДНХ, и решили порадовать сельских школьников. В придачу к путеводителю варшавские ученые прислали ребятам семена редких растений.

Хорошая традиция: получив дар, отдаривай. Из Гиждиен тоже уходят посылки. Ящички с саженцами, мешочки с семенами. Посланцы школьного сада едут в Крым, на Волгу, в Армению, Латвию. Отправляются в дальние страны, за горы и моря.

Но это только малая часть работы школьников. Вокруг себя они делают больше. Поголовно все, даже третьеклассники, овладели искусством окулировки. Пятиклассник Димитриу Ясинский, молчаливый и стеснительный паренек, мастерски делает прививки. От него не отстают смешливые, быстрые школьницы Аня Онофрей, Катя Чилак, рослый Илья Кожокар — всех не перечислить: в бригаде теперь сто человек! В этом году ребята привили 498 черенков груши, 387 черенков яблони и множество других фруктовых деревьев. Куда их девать?

Посоветовались на сборе пионерской дружины... и однажды постучались в двери правления колхоза.

— Зачем пожаловала, босоногая академия? — Так по привычке приветствовал гостей председатель, хотя на этот раз ребята были обуты и подтянуты.

— Хотим подарить привитые саженцы колхозу,— услышал он в ответ.

— Давайте! Много ли у вас?

— Чуть побольше двух тысяч.

Тут даже председатель растерялся: что делать с таким богатством? Пришлось ребятам самим распорядиться. Посадили молодые деревца на улицах родного села, вдоль широкой дороги Гиждиены — Виешты. Аллея ведет теперь к озеру Дружбы, что тихо плещет голубыми волнами неподалеку от школы. А оставшиеся деревца посадили в поле. Пусть отдохнет в тени деревьев путник — пеший ли, конный ли, на автомашине или велосипеде: глядите, вон она где, та самая школа, в которой трудится боевая бригада — сто «академиков».

МЕЧТЫ, ПЛАНЫ

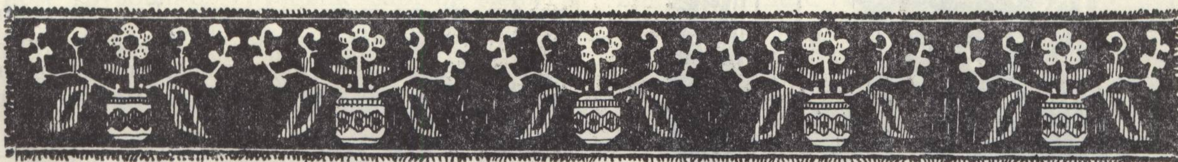
Подошла золотая осень. Государство купило у гиждиенской школы мед, фрукты, овощи. Колхоз щедро рассчитался за помощь ребят на полях. Можно теперь строить планы на зиму. Все ребята получат бесплатно трехразовое питание: они заработали столько продуктов, что хватит до весны. Их оденут в новую школьную форму. Это тоже ничего не будет стоить родителям. Им выдадут бесплатные учебники.

У гиждиенской школы богатый текущий счет. И директор Георгий Матвеевич мечтает купить туристский автобус для школы.

Подумать только, когда-нибудь гиждиенская бригада сядет в свой собственный автобус и отправится путешествовать! Больше всего школьникам хочется, конечно, в Москву. Побывать на ВДНХ, куда они посылали лучшие растения со школьного участка, откуда они получили столько добрых отзывов, подарков.

Но хочется увидеть и другое: густые леса, высокие хребты гор, синее море с гребешками волн...

Разве это не радость — знать, что все это станет возможно благодаря труду, благодаря дружной, веселой работе твоей и твоих товарищей!

ФОНАРИК

Татьяна ТЭСС

Рисунки В. Федяевской

Эту девочку я встретила на станции метро. Был субботний вечер, поезда шли, переполненные шумными, веселыми людьми. Все торопились: одни — домой, другие — в гости, третьи — в театр...

Торопилась и девочка. Она не хотела ждать, пока длинный эскалатор спустит ее вниз, а бежала, прыгая со ступеньки на ступеньку. На середине эскалатора собралось много пассажиров, и девочке пришлось тоже остановиться.

Мы оказались рядом.

Мне очень понравилось ее лицо, оживленное, с большими, широко расставленными глазами и круглым, как булочка, подбородком. Оно так и светилось. Словно его то и дело освещал изнутри какой-то невидимый фонарик.

Мы стояли рядом, и девочка спросила меня, где ей выйти, чтобы попасть в театр «Современник». Я объяснила. Потом спросила, была ли она уже в этом театре.

— Нет,— сказала она.— Я иду туда в первый раз. Но я давно мечтаю побывать в нем. Я с большим трудом получила билет, знаете. Несколько раз мы с подругой стояли у кассы в очереди и все не могли достать. И, наконец, мы сегодня идем на

спектакль. Подруга будет ждать меня с билетами у входа.

Пока подошел поезд, мы еще немного поговорили. Девочка сказала, что учится в девятом классе. Потом мы потолковали о фильме «Девять дней одного года», который мы обе видели. Словом, разговорились.

Мы вместе доехали до перехода и вышли, чтобы попасть на станцию другого радиуса. И опять мы оказались рядом, на одном перроне.

Неподалеку от нас на перроне стояла другая девочка. Она была примерно в том же возрасте, что и моя новая знакомая. Лицо ее показалось мне печальным. Девочка так ушла в свои мысли, что не видела ни нас, ни остальных пассажиров. И чем больше она думала, тем печальней становилось ее лицо.

Подошел поезд. Он был весь освещен и сверкал, как новогодняя елка. Народу было очень много, и нас с моей новой знакомой просто втолкнули в вагон, словно сзади на нас нажала огромная мягкая подушка. Мы и опомниться не успели, как обе оказались внутри. Меня отнесло в середину вагона, а моя новая знакомая ухватилась за поручень и задержалась у дверей.

Та, другая девочка осталась на перроне. Сначала она сделала движение, чтобы войти в вагон, но потом в нерешительности остановилась, словно ее отпугнула толпа. Она стояла у края перрона и смотрела вниз, на кончики своих туфель. И ничего не замечала, что делалось вокруг. И вдруг я увидела сквозь стекло, что девочка плачет.

По щекам ее медленно катились слезы, одна за другой. Лицо ее было неподвижным, она по-прежнему смотрела вниз, на свои туфли. Я понимала: ей просто не хотелось ни на кого смотреть. Ее занимали только ее невеселые мысли. А мысли, очевидно, были такие невеселые, что девочка плакала. И все лицо ее было мокрым от слез.

«Что с ней случилось? — подумала я.— Может быть, надо ей помочь?»

Я стала пробираться к выходу, но в это время двери закрылись. Сквозь стекло я продолжала смотреть на плачущую девочку, которая все еще стояла у вагона, опустив голову. И увидела, что моя новая знакомая тоже смотрит на нее.

Вдруг двери вагона снова раздвинулись. Наверное, у кого-нибудь из пассажиров прищемило створкой пальто, и диспетчер это заметил. Двери приоткрылись и тут же сдвинулись снова. Но нескольких секунд было достаточно, чтобы моя новая знакомая выскочила из вагона на перрон.

Я увидела, как она подошла к плачущей девочке и что-то ей сказала. Та повернула к ней лицо. Некоторое время они молча глядели друг на друга. В это время поезд тронулся. Сейчас в окно были видны только стены тоннеля, освещенные редкими лампочками. Но перед моими глазами по-прежнему стояли два лица, обращенные друг к другу: одно — залитое слезами, а другое — озабоченное и сосредоточенное.

Поезд мчался дальше, а я все глядела в окно. Скоро половина седьмого—девочка, наверное, опоздает в театр. А ведь ей так хотелось посмотреть этот спектакль! Каким же оно было, это чувство, которое оказалось настолько сильным, что она позабыла обо всем? Каким же оно было, это чувство?..

Поезд остановился, я поднялась наверх. На улице стемнело, туман наплывал, как дым. Мчались забрызганные грязью машины, торопились домой пешеходы.

Я зашагала вдоль улицы. Не знаю, как вы, а я люблю прогулки в дождь или в туман. Шлепаешь по лужам, глядишь в сырую мглу и думаешь о многом, о чем не успела призадуматься раньше.

Я шла сквозь туман по переулку, мимо высоких фонарей, и лучи их мигали во мгле, как золотые ресницы. Я шла и вспоминала совсем другую встречу, которая была у меня несколько лет назад.

В ту пору я отправилась в командировку по Киргизии. Мне надо было попасть в поселок на одной из горных дорог, добраться туда было можно только на попутном грузовике. Грузовик забрал меня и других пассажиров в маленьком горном селе. Случайных попутчиков оказалось четверо: очень разговорчивая старуха, которая держала в руках живую белую курицу со связанными ногами, две молодые девушки в куртках и спортивных шароварах, с рюкзаками за плечами и я.

Поначалу шофер ни за что не хотел брать старуху с курицей.

— Новую моду взяли, с курями ездить!—кричал он.—Да еще в кабине. Что у меня, птичник? Она мне тут весь щиток поклюет. Вылезай, бабка, со своей курицей, и все! Не повезу, даже и не заикайся.

Старушка растерянно затопталась у подножки. И тут же к кабине шофера подскочила одна из девушек.

— Да что ты, Петечка! — сказала она, ловко подсадила бабусю с курицей на подножку и так подпихнула ее, что шофер оглянуться не успел, как бабуся уже сидела рядом с ним в кабине.— Что ты, Петечка! — приговаривала девушка.— Разве это курица? Она вроде как голубь. Видишь, какая беленькая! Кошелку, бабуся, вы в ноги положите, а то она Пете мешать будет. Сундучок мы возьмем к себе в кузов. Ты, Петечка, только не волнуйся! Ну зачем себя из-за какой-то курицы расстраивать?

Девушка была рыженькая, коренастая и, пожалуй, даже некрасивая. Между твердых, румяных, как яблоки, щек торчал маленький вздернутый нос. Рыжие волосы были туго заплетены в две косички, положенные вокруг головы и завязанные красной ленточкой от коробки конфет. Она суетилась возле кабины, чтобы удобней уложить старухину сумку, и напоминала толстенькую, хлопотливую канарейку.

Вторая девушка, высокая, с красивым, замкнутым лицом и серыми большими глазами, укладывала в это время вещи в кузов. Молча и ловко она подхватывала сильными, длинными руками ящики, чемоданы, рюкзаки и распределяла их так, чтобы они не сползали и не мешали нам в дороге. Потом она разостлала на деревянном полу кузова для всех нас брезент, положила поверх него ватные куртки и села, обхватив руками колени. За все это время она не произнесла ни слова.

Машина тронулась. Синие, задумчивые горы подступали к дороге. Внизу, в пене и холодном тумане, дымилось ущелье. Там билась, грохоча, злая горная река. Шофер Петя вел машину быстро, только и слышалось на крутых поворотах, как визжат покрышки да с твердым стуком разлетается и сыплется по откосу щебенка.

Высокая девушка молчала и смотрела перед собой. Говорила только ее подруга.

Она рассказала, что обе они геодезистки, работают в горах в экспедиции, сейчас едут на несколько дней в город. Зовут ее Оля, а подругу — Нина. Как зовут старуш-

ку, она не знает, потому что встретила ее только сейчас, когда ждали они в селе попутную машину. Но ей известно, что старуха едет к сыну, а курицу везет внучке в подарок. Курица любимая, потому она и везет. Внучке четыре года. Невестка с характером, но, в общем, ничего, добрая.

Попутно Оля успела расспросить меня, где я работаю, зачем сюда приехала, бывала ли раньше в Киргизии. Лично ей Киргизия нравится. Люди здесь хорошие, а горы очень красивые. Работать в экспедиции трудно, но зато интересно.

Продолжая разговаривать, Оля поглядывала в окошко кабины, за которым курица истошно кудахтала и рвалась из старухиных рук, как ястреб. Шофер Петя сердито курил и изредка что-то кричал старухе. Бабуся мотала головой и старалась удержать курицу. Эта кутерьма продолжалась до тех пор, пока мы не доехали до поворота, от которого убегала вверх крутая тропинка, ведущая к невысокому белому домику. Грузовик остановился. Вторая девушка, Нина, которая все это время просидела молча, обхватив руками колени, потянулась и выпрыгнула из кузова.

Вслед за ней вышли и мы.

— Вон он, «хитрый домик»! — сказала Оля, подскакивая, чтоб размяться.— Так его все шоферы называют. До того хитро поставили над дорогой эту чайную, что ни один водитель мимо не проедет, каждый сюда завернет.

Она побежала к кабине, чтоб высадить оттуда бабусю с курицей. А мы с Ниной зашагали по каменистой тропке наверх.

Чайная прилепилась к горе, позади нее шумели высокие сосны с розовыми стволами. К одной из сосен был прибит умывальник. Я предложила Нине мыло, чистое полотенце. Она сполоснула холодной водой свое красивое. загорелое лицо, вымыла руки... Все это она делала быстро, как человек, привыкший к походной жизни.

Вытираясь, она поймала мой взгляд.

— Пожалуйста, не считайте меня молчаливой идиоткой! — спокойно сказала она.— Просто я устала от всего этого, скажу вам честно. Устала от ночевки в палатках, от комаров, от дождей, от плохо вымытых рук, от того, что и я сама и окружающие меня люди огрубели. Вот я смотрю на Ольгу и думаю: «Боже мой, неужели ей все это интересно? Бабка, курица, шофер Петя...» — Нина отвернулась.

Мы пошли по тропе назад, к «хитрому домику». Когда мы вошли в чайную, бабуся уже сидела за столом. Шофера Пети не было. Ольга, стоя у прилавка, шепталась о чем-то с подавальщицей, хмурой, плечистой женщиной в белых босоножках.

— Я тебе что советую...— донеслось до меня.— Я тебе советую, Клава, скажи ему так: «Если не перестанешь пить, заберу Андрюшку и перееду от тебя в общежитие». Мы тебя, Клава, можем и к себе в отряд устроить. Пойдешь к нам поварихой — и все. Тогда он сразу опомнится, вот увидишь.

— Прямо и не соображу, что делать,— сказала подавальщица грустно.— Заезжай на обратной дороге, еще посоветуемся... И ведь хороший он человек, Оля. Пока не выпьет. А рейс у него знаешь какой? По этому рейсу не всякий трезвый проедет, уж не говорю про того, кто выпивши... Разве можно ему пить? Ему капли в рот брать не положено. Вчера заехал, я ему щи свежие поставила, гуляш, чай с печеньем «Привет»... А он говорит: «Промерз я, дай чего-нибудь согреться...» Если себя не жалеешь, говорю, так хоть меня и Андрюшку пожалей. Ничего не ответил, только лицом потемнел.

— И ушел? — ахнула Ольга.

— И ушел. Щи съел и ушел. И слова больше не сказал.— Подавальщица вытерла краем фартука глаза.

Они еще пошептались о чем-то, и Ольга направилась к нам.

В это время шофер Петя, мрачный, с чисто вымытым лицом и мокрыми, приглаженными волосами, медленно, ни на кого не глядя, тоже подошел к столу и сел.

— Ну, вы видите, какой у нас Петя? — всплеснула руками Ольга.— Это же не шофер, это — золото! Такого шофера на всей линии не найти. Вы, бабуся, не смотрите, что он немного мрачный. Это он только с виду, у него манера такая. А знаете, какая у него душа? Садись, Петечка, сейчас тебе гуляш принесут, я уже заказала... Бабуся, вы о своей курице не волнуйтесь, я ее во дворе ящиком прикрыла. Нина, я тебе яичницу заказала, ты гуляша не любишь... Правда, наша Нинка красивая?

Все это время, пока она говорила, она проворно расставляла тарелки, перетирала стаканы. Бабуся молча, внимательно смотрела на нее.

— Удивительный ты человек, Ольга! — наконец сказала она.— До всего тебе дело есть, и за всех ты в ответе. Будто у тебя какой волшебный фонарик в руках. И все ты доброе этим фонариком в человеке высветишь и каждому хочешь помочь...

...Сколько времени прошло с того дня? Сейчас я шла по туманному московскому переулку, а в памяти моей снова встала чайная в горах, сосны с розовыми стволами, рокот реки и шум тяжелых грузовиков за окном... И я увидела лицо старой женщины и выражение изумленной нежности, с каким она смотрела на незнакомую ей рыженькую Олю с ленточкой от коробки конфет в волосах.

«Не он ли, этот волшебный фонарик, мелькнул в руках той девочки, которую я встретила в метро? — подумала я.— Не он ли вспыхнул, когда она выскакивала из поезда, чтобы помочь незнакомому человеку?»

Жизнь людей идет по-разному и не всегда только по гладкой дороге. Бывает, что человеку больно, бывает, что человеку трудно. А бывает, что он и споткнется.

Подойти к опечаленному человеку — это значит огорчиться самому. Тот, кто добр, этого не боится.

Помочь другому в беде — это значит взять часть его трудной ноши на себя. Для сильного это не страшно и не трудно. Большое сердце вместит в себя заботу о многих.

Плохо, когда человек скуп и боится одолжить копейку или кусочек хлеба. Но куда хуже, если он не хочет поделиться с другим частью своего сердца.

Ох, как скучно, как пустынно станет жить ему на свете! Странное дело: вот он бережет все только для себя: мысли, заботу, раздумья, время... Все хранит, ничего не растратит и не раздаст. «Вот какой я богач!» — думает он.

А жизнь его становится все бедней и скучней. Ибо чем щедрее человек отдает себя людям, тем он богаче, тем полней и ярче его дни, тем больше в них радости.

И снова я подумала о девочке, которую встретила в метро.

Как она была счастлива, что идет в театр, как весело рассказывала об этом! И вот увидела незнакомого ей человека, который попал в беду. Ведь, наверное, было очень плохо той, другой девочке, если она стояла одна и плакала. Наверное, кто-то причинил ей сильную боль.

В те секунды, пока открывалась в вагоне дверь, моя попутчица, может быть, и подумала, как ей поступить. «Меня ждет подруга у театра,— может быть, подумала она.— Уже поздно, я могу опоздать. И, кроме того, я эту девочку совсем не знаю. Наверное, ей могут помочь другие».

Пока она все это думала, она уже выскочила из вагона. И поезд ушел. А она стояла рядом с плачущим незнакомым человеком, и лицо у нее тоже стало серьезное и опечаленное. И ей уже совсем не было так весело, как несколько минут назад. А может быть, когда она узнала, какое горе приключилось с девочкой, она заплакала тоже. Ибо чужая боль может ранить, как и своя.

Но если бы она не захотела выйти из поезда... Если бы решила остаться в стороне... Ничто не может сравниться по своей горечи с сознанием собственного малодушия, душевной скупости.

Это горше всего.

Желтые грузди

Вас. ЖУРАВЛЕВ-ПЕЧЕРСКИЙ

Рисунки Н. Борисовой.

Солнечные дни сменились затяжным ненастьем. Сначала моросило; над неоглядными хвойниками, со всех сторон окружающими деревню, плыли серые тучи. Потом ударили ливни. Наконец, пали заморозки. Выглянуло солнце, но тут же скрылось, словно не хотело видеть, как худеют березки, сбрасывая листву, как дрожат на ветру молодые осинки. В лесу полно воды.

Чернику и голубель, что синели в мелколесье, убили ночные заморозки. А брусника, красневшая раньше на пригорках, лежит теперь на чердаках, тонким слоем насыпанная в большие фанерные ящики. Зимой она замерзнет и, поданная к обеду, будет пахнуть лесом, напоминая нам о щедрой таежной осени. И грибов стало меньше, хотя совсем недавно под каждым деревцом виднелись красные и бурые шапочки.

Когда берешь с собой ножик и не вырываешь гриб с корнями, а подрезаешь его, то можно всю осень на одно место ходить, словно на огород. Сегодня одни срезал — завтра другие покажутся. Не стало красных шапочек. Почернели они, высохли, потеряли свою красоту до новой осени. Но людей в лесу не убывает: в это время появляются ма́сленки.

В других местах я этих грибов не встречал. Они похожи на грузди: столь же сочные, плотные, с короткими крепкими корешками. Растут на сырых местах. Ямка на шляпке всегда наполнена прозрачной густой жидкостью. Попробуй ее на вкус — горька! А лучше грибов нет. Это, наверно, желтые грузди. Мне кто-то так и говорил, да никак не вспомню, кто.

Сегодня с утра мы надели легкие брезентовые куртки, натянули резиновые сапоги и захлюпали по грязной дороге в глубь леса, к оврагам, заросшим густой жесткой травой, в которой прячутся зайчишки-листопадники. Только успели выйти за поля, как нас тут же заметили.

Откуда-то сбоку, из ельника, перепархивая с ветки на ветку, искоса посматривая на нас и не забывая при этом свое «пинь-пинь-цици-трр!», вылетела к дороге желтогрудая синичка, старая знакомая. Знаем ее. Знаем, что не в меру любопытна, что старается везде свой нос сунуть, подслу-

шать наши разговоры и разнести по всему лесу, зачем и откуда пришли. Плохая черта, но чего ни простишь синичке за ее трудолюбие! Каждую ветку, каждую царапину на деревьях взглядом окинет. Кажется, только за нами и следит, ан нет: высмотрела бурую, под цвет сучка, гусеницу и тут же проглотила ее.

«Пинь-пинь-трр!»

Неспроста трезвонит: к себе подружек зовет, помахивая темно-бурыми крылышками. Исчезла на какое-то время в ельнике, и со всех сторон понеслось:

«Пинь-пинь-цици-вьюю!»

Кого они там высмотрели? А, это Лапко прибежал из дому вслед за нами, ищет нас.

Выскочил из кустов, обрадованно повизгивая, помахал хвостом, потерся о колени, словно укоряя, как это мы посмели пойти в лес без него. Ведь бегать по лесу гораздо веселее, чем лежать у крыльца и думать о том, что скоро зима, снова придется по ночам в сени прятаться от холода... И на охоту тогда хозяин не возьмет. Несмотря на свои широкие, крепкие лапы, вязнет Лапко зимой в сугробах, не спасают его ни сила, ни ловкость.

— Что? Надули тебя? — спрашиваю собаку.— Ну, побегай.

А синичек все прибывает. Куда ни глянь, видишь бусинки лукавых глаз. Залает Лапко на них, подпрыгнет — рассыплются в разные стороны. И снова на весь лес разносится:

«Пинь-пинь-трр!» — Мол, летите сюда, здесь интересно.

Перед тем как свернуть с дороги, мы присаживаемся на сухой, покрытый ягелем пригорок, советуемся между собой, кто куда пойдет.

Покидая короткий привал, я оглядываюсь и вижу, как одна из самых любопытных синичек слетела с ветки на землю и начала обследование пригорка. Кажется, понравилось, нашла что-то. Хлебные крошки, наверно, пропитанные маслом. К ней подлетает другая.

Останавливаюсь и жду, что будет дальше. Новенькая тюкнула клювом в окурок, а та, что первой появилась на пригорке, неожиданно подпрыгнула — только полоски на крыльях забелели — и кинулась в драку. Куда веселье делось... На их злое «пиньк-пиньк!» слетелось еще несколько синиц. Такую перепалку устроили, такой гам подняли, даже Лапко застыл на месте, пытаясь понять, что же случилось. Пошумели-пошумели из-за окурка, пока не догадались: не стоило всей этой кутерьмы поднимать,— и снова запрыгали по сучкам, разыскивая спрятавшихся от холода жучков.

Посмеявшись над синицами, я спустился в овраг, где всегда водились желтые грузди.

Вон они!.. Чуть виднеются из-под зеленого мха, рядом с которым свисают к земле поблекшие листья папоротника. Одна, две, пять, восемь мàсленок!.. Э!.. Да тут их уйма! И все молодые, только что вышли.

Корзина быстро наполняется и тяжелеет. Все чаще приходится менять руку. Хотя грибов много, но собираешь их медленно, стараясь не надломить. Гриб сразу же чернеет на изломе и теряет вид. В корзину их складываешь осторожно, рядками. Дома их отмачивают в воде, чтобы пропала горечь, и плотно укладывают в деревянную кадушку с листом смородинника, что придает груздям особый вкус. Они хороши в любом виде, и не найдется в деревне человека, который не оценил бы умения хозяйки засолить грибы.

Поздно появляются желтые грузди. Мало кому нравится бродить по лесу с корзиной в руках, когда с каждой ветки льется за шиворот вода, когда одежда промокает насквозь и приходишь домой продрогший до костей, еле волоча ноги.

Смотрю на часы. Стрелки показывают половину восьмого. Надо двигаться к дому, чтобы успеть на работу.

— Ау! — кричу друзьям. — Как у вас?
— Добро!
— К дому, что ль, подадимся?
— К дому! — отвечают несколько голосов.
— У ручья встретимся!..

В эти минуты забываешь про сырость, про тучи, про ветер, который нет-нет да и кинет в лицо горсть скопившейся на хвое воды, про сапоги, на которые забыл наклеить заплатки, о чем теперь напоминают разбухшие портянки.

Вернусь домой — просушу. Отогреюсь. А пока надо не пропустить ни одного овражка, чтоб корзину доверху набрать, чтоб соседи снова спросили: «И где ты такие маслёнки нашел? Мы вечор ходили-ходили...» Улыбнусь, приподняв голову повыше: мол, уметь надо и вставать пораньше не мешает.

Возвращаемся домой другой дорогой — вдоль ручья. Там хотя и подальше, но суше, полегче идти, быстрей доберемся.

Около опушки снова слышим синичьи голоса:

«Пинь-пинь-цици-трр!» — Это они из леса, чувствуя приближение зимы, поближе к деревням перебираются, в стаи собрались, на помощь людей рассчитывают, непоседы.

На поле немного отдыхаем. Все так же плывут над нами тучи, по реке спешат куда-то последние пароходы, на полях желтеют суслоны ячменя, где кормятся снегири.

Поздняя осень!... С ольховой ветки смотрит на меня синичка, словно хочет спросить: когда туго будет, поможешь?

— Прилетай! — говорю, махнув рукой. — Найдем что-нибудь.

«Ци-ци!..» — слышу в ответ. Она, кажется, поняла меня. Молодцы. синички, не унывают. Мол, проживем как-нибудь! «Пинь-пинь-цицитрр!»

ОСЕНЬ

И. ХОЛИН

На улице сумятица.
Земля сменила
Платьице.
Зеленое,
Цветастое —
На рыжее,
Пятнастое.

А ветер,
Ветер сердится.
И вертится,
И вертится,
И золотом бросается.
И бешено
Кусается.

БОЛЬШОЕ СПАСИБО

Дорогая редакция! Напечатайте, пожалуйста, мой рассказ. Первые три года я училась очень плохо. В третьем классе я осталась три раза. Потом новая учительница Ольга Петровна Заливина сказала: «Мы ее выучим». Ольга Петровна прикрепила ко мне Казанцеву Люду, и Люда каждый день оставалась после уроков и помогала мне. Мы писали диктанты, решали задачи, и я перешла в четвертый класс. В четвертом классе я училась на 4 и 5, перешла в пятый класс, а в этом году уже пойду в седьмой...

Я горжусь Ольгой Петровной, потому что она самая хорошая учительница. Я говорю большое спасибо всем ребятам, которые помогли мне, но особенно Люде Казанцевой. Я буду помнить всю жизнь мою учительницу и мой класс.

Люба Антипова,
пос. Консервный завод,
Омская область.

МЫШКИ-НОРУШКИ

Я хочу рассказать об одном случае в лесу.

Я шел по маленькой лужайке. Вдруг раздался писк. Я поднял голову, но на деревьях никого не было. Тогда я посмотрел на землю, но и на земле никого не оказалось. И вдруг я заметил маленький бугорок, поросший травой. Из него и доносился писк. Я вспомнил, что некоторые птицы живут в норках. Мне захотелось посмотреть на них, и я осторожно стал раскапывать этот бугорок. В нем оказался клубок сена. Когда я раздвинул сено, то увидел маленьких, розовых, еще без шерсти мышек. Чтобы не тревожить их, я снова закопал этот клубок.

Мне было весело, что я узнал о жизни этих маленьких зверей.

Олег Тамаркин,
Москва.

ЗАДАВАКА

У нас была подруга Ира Гвоздева. Мы дружили с ней долго. Но недавно она с нами рассорилась из-за того, что мы не стали ей подчиняться. Она все время нами командовала, и, если мы ей не подчинялись, она сразу сердилась и уходила. Она все время задавалась, как будто она лучше всех. Сейчас Ира с нами не разговаривает и всем говорит, что в этой ссоре виноваты мы.

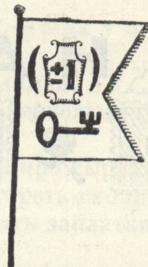
Кто же прав? Ира или мы?

С пионерским приветом

Лена Зверева и Оля Хотяева,
г. Каменск-Уральский.

Кто же прав? Как думаете вы, ребята?

3 ДНЯ В КАРЛИКАНИИ

В. ЛЁВШИН

Рисунки Б. Кыштымова

Сказка да не сказка

(Продолжение.)

Ты помнишь, как трое школьников — Таня, Сева и Олег — отправились в страну Карликанию вместе со своим учителем Александром Ивановичем, который записал все, что с ними там произошло.

В первый же день пребывания в столице Арифметического государства Арабелле путешественники познакомились с приветливой Четверкой, которая стала их провожатым. Они побывали на Площади Добрых Напутствий, откуда карликане отправляются к людям на работу. Затем смотрели балет на льду, где один расшалившийся малыш-карликан чуть не погубил перепуганных зрителей. Наконец, к вечеру все отправились встречать возвращавшихся с работы карликан. Тут и обнаружилось, что у одной Восьмерки пропал ее любимый сынок, маленький Нулик.

ДЕНЬ 2-ой

ПРОСТОТА...

Поутру, не дождавшись Четверки с бантиком, мы сами отправились на поиски пропавшего Нулика. Мы пересекли Числовую площадь, прошли кусочек Автоматической улицы и свернули налево.

Перед нами была аллея. По обе стороны ее двумя правильными бесконечными рядами стояли числа. У самого начала аллеи сидел старый-престарый карликан и смотрел в телескоп.

— Не видно, опять не видно,— бормотал он себе под нос.

— Чего не видно? — обратился к нему Сева.— Дайте мне взглянуть, может быть, я увижу.

— Ну как же вы можете увидеть то, чего не видно? Не видно конца! Еще только вчера я заметил в самом конце аллеи огромнейшее число и подумал: «Ну вот, теперь все. Дальше ничего не может быть». А сегодня взглянул — за тем числом еще число, да побольше вчерашнего!

— А что это за число? — спросила Таня.

— Так вам сразу и объясняй! Какие прыткие! Лучше пройдитесь по этой аллее. Смотрите во все глаза. Может быть, тогда и поймете. Может быть! — И старый ворчун уткнулся в свой телескоп.

Мы медленно пошли по левой стороне аллеи и вдруг услышали чью-то команду:

— По порядку номеров ра-а-а-ассчитайсь!

— Это что же, утренняя перекличка? — спросил Сева.

Стоящие по левую сторону числа стали выкрикивать:

— Два! Три! Пять! Семь! Одиннадцать! Тринадцать!..

Голоса становились все глуше, уходя вдаль.

— Это уже не порядок, а беспорядок номеров,— удивилась Таня.

Однако числа называли себя точно в той последовательности, в какой они стояли: 2, 3, 5, 7, 11, 13, 17, 19, 23, 29, 31, 37... и так далее.

— Что за сумасшедшие числа? — недоумевал Сева.

— Сами вы сумасшедшие! — крикнул старый карликан.— Да еще и невежды! Неужели вы не прочитали надписи при входе?

— Нет,— растерянно ответил Сева.

— Ведь это же АЛЛЕЯ ПРОСТЫХ ЧИСЕЛ. Поняли?

— А что такое простые числа? — не унимался Сева.

— Посмотрите на правую сторону аллеи,— сказал карликан.— Может, это вам что-нибудь объяснит наконец.

По правую сторону стояли совсем другие числа: 4, 6, 8, 9, 10, 12, 14, 15, 16, 18, 20, 21, 22, 24, 25, 26, 27... и так далее.

— Это как раз те числа,— сказала Таня,— которых недостает на левой стороне аллеи.

— А им туда нельзя! — захихикал карликан.— Это же составные числа, а не простые.

— Зачем же их здесь держат? — приставал Сева.

— У меня, кажется, начинает болеть печень от ваших нелепых вопросов. Разве вы не видите, что над вами? Нельзя смотреть только под ноги, иногда не мешает и наверх поглядеть.

Мы подняли головы.

— Волейбольная сетка! — ахнул Сева.

В самом деле, над аллеей была натянута гигантская сетка.

— Опять вы сказали чепуху! — рассердился карликан.— При чем здесь волейбол? Это вам не игрушки! И там совсем не сетка, молодой человек, а РЕШЕТО!

— Решето?! Что же через него просеивают?

— Числа! Числа просеивают!!! — закричал карликан, потеряв всякое терпение.— Посмотрите, как их основательно перетряхивают. Всякие отходы, вроде составных чисел, проваливаются сквозь решето, и их отводят на правую сторону аллеи. А в решете остаются в самом чистом виде наши драгоценные, наши ненаглядные простые числа. Их бережно по порядку расставляют по левую сторону аллеи. Посмотрите, не правда ли, они очаровательны? — вдруг умилился он.

Ребята из вежливости покивали головами, хотя никто из них никакого очарования в простых числах не находил.

К счастью, в это время нас догнала верная Четверка с бантиком. Все шумно обрадовались.

— Какой злой старикан,— шепотом пожаловался Сева,— только и делает, что ворчит...

— Что вы! — рассмеялась Четверка.— Самый добрый карликан во всем государстве! Просто он не любит это показывать. Но не стоит отвлекать старика от работы, я сама вам все расскажу.

Мы с удовольствием уселись на скамью, и Четверка с бантиком начала свой рассказ:

— Давным-давно люди заметили, что есть такие числа, которые никого, кроме самих себя, не признают. Ни на какое другое число, кроме себя, они не делятся. И делают исключение только для единицы. И то только потому, что это деление на них никак не отражается: после деления на единицу числа остаются такими же, какими были прежде.

Вот эти-то числа люди и назвали ПРОСТЫМИ, хотя не так-то просто найти их среди остальных чисел.

Но более двух тысяч лет назад в Греции знаменитый математик Эратосфен придумал остроумный способ выискивать простые числа. Он предложил для этого применять особое решето, сквозь которое все ненужные числа будут просеиваться, а все нужные — простые — оставаться.

— Совсем как просеивают золото,— пояснил Олег.— Песок уходит, а золото остается.

— Прекрасное сравнение! — воскликнула Четверка.— Простые числа — это действительно наше золото. Итак,— продолжала она,— чудесное решето назвали РЕШЕТОМ ЭРАТОСФЕНА.

Теперь посмотрим, как оно действует.

Давайте запишем все числа, начиная с двойки до... Впрочем, «до» я сказала, не подумав. Ведь числам нет конца.

Итак, расставим числа, начиная с двойки, по порядку: 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23... и так далее.

Такой ряд чисел называется НАТУРАЛЬНЫМ РЯДОМ.

Выбросим из этого ряда те числа, которые наверняка не являются простыми, то есть делятся не только на себя, но и на другие числа.

Сперва отсеем все числа, которые делятся на 2. Какие это числа?

— Я знаю,— сказала Таня.— ВСЕ ЧЕТНЫЕ ЧИСЛА ДЕЛЯТСЯ НА 2.

— Верно. Отсеем все четные числа, кроме двойки:

2, 3, 5, 7, 9, 11, 13, 15, 17, 19, 21, 23, 25, 27, 29, 31, 33, 35, 37, 39, 41... и так далее.

Теперь отсеем все числа, которые делятся на 3. Это 6, 9, 12, 15, 18, 21...

Но все четные — 6, 12, 18...— мы уже раньше отбросили. Что теперь останется в ряду? Вот что:

2, 3, 5, 7, 11, 13, 17, 19, 23, 29, 31, 35, 37, 41, 43, 45, 47, 49, 53...

Видите, все меньше и меньше остается составных чисел в решете.

А дальше выбросим все числа, которые делятся на 5, потом те, что делятся на 7...

Так постепенно из ряда натуральных чисел будут выбывать составные числа и оставаться простые, то есть те, которые делятся только сами на себя и на единицу.

Теперь мы уже знаем очень много простых чисел. Вот первые из них:

2, 3, 5, 7, 11, 13, 17, 19, 23, 29, 31, 37, 41, 43, 47, 53, 59, 61, 67, 71, 73, 79, 83, 89, 97...

Эти-то числа, как видите, и стоят на левой стороне аллеи.

— Очень просто! — заявил Сева.— Я дома тоже устрою такую аллею и выпишу все-все простые числа.

— Не торопитесь,— перебила его Четверка.— Это не так просто — выписать ВСЕ простые числа. Ведь чем больше число, тем труднее определить, простое оно или составное.

Если бы мы знали, в каком порядке они следуют друг за другом, это было бы замечательно!

К сожалению, никто еще до сих пор этот порядок установить не сумел. То простые числа стоят совсем рядом — их тогда называют БЛИЗНЕЦАМИ,— то между двумя ближайшими простыми числами образуется огромное расстояние, и оно сплошь заполнено составными числами.

Люди очень далеко прошли по этой аллее, они знают множество простых чисел и все-таки не все!

— А может быть, дальше и нет ни одного простого числа! — усомнился Сева.

— Вот этого не может быть — ответила Четверка.— Уже давным-давно великий ученый Эвклид, предшественник Эратосфена, доказал, что конца простым числам нет! Вот почему так озабочен наш добрый карликан! У него очень много дел. Только вчера в конце аллеи он увидел огромное простое число, а сегодня за этим числом стоит еще большее. А завтра может появиться новое, если люди его вычислят. И так без конца. Есть от чего потерять голову. И говорить об этом тоже можно без конца. Давайте-ка лучше займемся поисками бедного Нулика,— закончила свой рассказ Четверка.

...И СОВЕРШЕНСТВО

Мы свернули на маленькую улочку.

— Какая прелестная улица! — захлопала в ладоши Таня.

— Это же улица СОВЕРШЕНСТВА,— пояснила Четверка.— Здесь живут очень немногие числа. Но зато все они совершенные. Их так и зовут — СОВЕРШЕННЫЕ ЧИСЛА. В отличие от простых они-то уж обязательно делятся на всякие другие числа.

— Значит, они составные? — спросила Таня.

— Безусловно, составные. Но особенные. Совершенные числа равны сумме тех чисел, на которые делятся. Разумеется, кроме самих себя.

Возьмем совершенное число 6. На какие числа делится это число? На 1, на 2 и на 3.

Теперь сложим эти три числа:

$$1 + 2 + 3 = 6$$

— Изумительно! — воскликнула Таня.

— Или вот другое совершенное число — 28,— продолжала Четверка.— Помните, какие у него младшие делители?

— Помним,— ответила Таня.— 1, 2, 4, 7 и 14.

— Сложите их!

— Здорово! — закричал Сева.— $1 + 2 + 4 + 7 + 14 = 28$!

— Ага, — догадался Олег.— Значит, СОВЕРШЕННЫЕ ЧИСЛА РАВНЫ СУММЕ ВСЕХ СВОИХ МЛАДШИХ ДЕЛИТЕЛЕЙ.

— Молодец! — похвалила Четверка.

— А много ли на этой улице совершенных чисел? — поинтересовался Сева.

— К сожалению,— сокрушенно вздохнула Четверка,— всего семнадцать —6, 28, 496, 8 128, 130 816... Дальше они растут все быстрее и быстрее. А вычислять их все сложнее и сложнее. Эта улица только еще заселяется. Если вам доведется найти новое совершенное число, скажите ему, что здесь его ждут с нетерпением!

— Никогда не думал, что в Карликании так много интересных чисел,— задумчиво сказал Сева.

— Ах, это только малая крупица наших богатств! — с гордостью ответила Четверка.— Многим не хватает жизни, чтобы познакомиться со всеми. Вот, например, недалеко отсюда живут неразлучные друзья. Они так любят друг друга, что делятся всем, что имеют. Это числа 220 и 284. Каждое из них равно сумме младших делителей другого:

$$1 + 2 + 4 + 71 + 142 = 220.$$

$$1 + 2 + 4 + 5 + 10 + 11 + 20 + 22 + 44 + 55 + 110 = 284.$$

— Вы, наверное, хотите проверить? — обратилась Четверка к Севе.— Что ж, не мешаю. Эти числа так и называются ДРУЖЕСТВЕННЫЕ ЧИСЛА. Кстати, когда знаменитого греческого математика Пифагора спросили, что значит «друг», он ответил: «Друг — это второе я!» — и тут же упомянул о двух числах-друзьях: 220 и 284.

Тут завязался общий разговор о дружбе, о верности, и мы не заметили, как быстро прошло время.

Наконец Четверка с бантиком взглянула на маленькие ручные часики.

— Ай-ай-ай! Через час начнется диспут. Надо спешить.

— Что за диспут? — полюбопытствовал Сева.

— Очень важный диспут в Клубе Любителей Поспорить. Хотите пойти со мной?

Мы не заставили себя упрашивать.

ЛЮБИТЕЛИ ПОСПОРИТЬ

Клуб был набит до отказа.

На помосте стоял большой судейский стол и два маленьких по бокам. Справа и слева находились площадки, похожие на вышки в бассейне.

Прозвенел звонок, и на сцену поднялись трое судей в красных мантиях.

Главный судья поднес к губам рупор и начал:

— Любители поспорить! Открываем наш очередной, два миллиона четыреста сорок первый спор. Его затеяли вчера наши младшие школьники. Спор, начатый в классе, продолжался на улице. У противников появились синяки и шишки. Учительница не сумела справиться с драчунами. И вот мы, любители поспорить, получили приятную возможность перенести этот спор в наш Клуб. Да здравствуют спорщики! Что бы мы без них делали?

Итак, перехожу к существу: одни утверждают, что дробь $^4/_7$ больше дроби $^2/_3$. Другие, сами понимаете, доказывают обратное. Попрошу капитанов обеих команд занять свои места.

На сцену поднялись две карликанские школьницы — Единица и Пятерка. Они сели за маленькие столики.

В зале зашумели, засвистели, захлопали.

— Не подкачай, Пятерка! — кричали одни.

— Держись, Единица! — кричали другие.

— Тишина! — рявкнул Главный судья.

Зал нехотя затих.

— Для полной наглядности прошу обе дроби, послужившие причиной спора, подняться сюда.

Четверо карликан, среди которых была и наша Четверка с бантиком, заняли места на боковых площадках, образуя дроби:

$^4/_7$ и $^2/_3$

— Слово предоставляется Единице,— загремел рупор.

Единица встала, поклонилась судьям и заговорила:

— Утверждаю со всей ответственностью, что $^4/_7$ больше, чем $^2/_3$. (Свист, аплодисменты.) Нечего свистеть! У меня имеется веское доказательство. Вот оно.

Единица подняла над головой палку и угрожающе помахала ею в воздухе. (Шум, оживление в зале.) Потом она подошла к первой дроби и поставила палку рядом с ней.

— Видите,— сказала Единица,— эта палка доходит Четверке до самого бантика. А теперь измерим вторую дробь. Ага, что я говорила? Палка намного выше верхней цифры!

— Это потому, что я сегодня в тапочках,— обиженно пискнула Двойка.

И опять смех, свист, аплодисменты.

С трудом успокоив публику, Главный судья предоставил слово Пятерке.

— Не знаю, против чего я должна возражать,— спокойно начала она.— Мой противник, видимо, смеется над нами, а скорее всего он просто глуп.

— Прошу записать в протоколе, что меня оскорбили,— заявила Единица.

— Призываю вас к порядку, Пятерка,— сказал Главный судья.

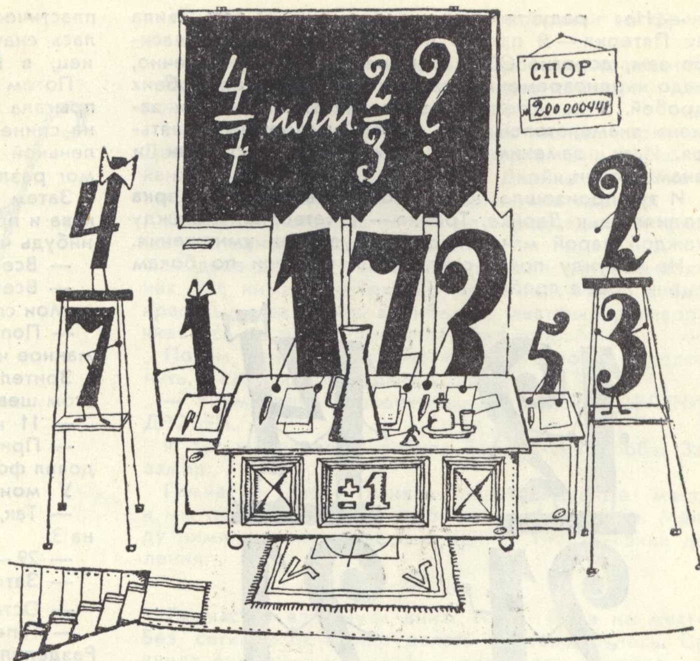
— Великий судья,— обратилась к нему Пятерка,— разве дроби измеряют палками? Ведь одни школьники пишут большие цифры, другие — маленькие. Если цифры измерять по росту, то Девятка может оказаться меньше Нулика.

— Ах, вам не нравится моя палка! — вскочила с места Единичка.— Так бы и сказали. Я могу дать другое доказательство. Положим обе дроби на весы. И вы увидите, что первая весит больше, чем вторая.

— Вы намекаете на то,— закричала упитанная Семерка,— что я съела сегодня за завтраком слишком много пирожков с мясом?! (Шум, смех, аплодисменты.) Я протестую! Прошу занести в протокол, что меня оскорбили!

— Тише,— сказал судья,— я вам, кажется, не давал слова! Продолжайте, Пятерка.

— Мне не о чем говорить,— возразила Пятерка.— Я знаю, что числа имеют вес, но это надо понимать не в прямом, а в переносном смысле.

— Я возражаю против такого способа спорить,— заявила Единица.— Пятерка отметает все мои доказательства и не предлагает сама никаких. Потому что у нее их нет! (Свист, аплодисменты.)

— Я могу повторить только то, что сказала вначале,— спокойно ответила Пятерка.— Величина дроби определяется не весом и не ростом, а своим ЗНАЧЕНИЕМ!

— Способ, способ! — кипятилась Единица.— Вы только болтаете. Вы задавака!

— Прошу отметить в протоколе, что меня оскорбили,— возвысила голос Пятерка.

— Делаю обоим спорщикам строгое предупреждение,— снова рявкнул Главный судья.— Спор должен быть взаимно вежливым. Продолжайте.

— Я утверждаю, что $^2/_3$ больше, чем $^4/_7$,— сказала Пятерка.— И сейчас вам это докажу. Без палок и весов. Попрошу на сцену моих помощников. Двух близнецов. Уважаемый ОЗ, поднимитесь, пожалуйста, сюда вместе со своим братом.

На сцене появились два одинаковых числа — 21.

— Почему она их называет ОЗами? — спросил шепотом Сева.

— Это, наверное, сокращенные имена,— сказал Олег.— Ну, конечно, смотри — это же ОБЩИЕ ЗНАМЕНАТЕЛИ!

— Эти братья,— продолжала Пятерка,— не что иное, как произведение знаменателей наших дробей — Тройки и Семерки. Ведь 7, умноженное на 3, равно 21. Попрошу вас, дорогие близнецы, встать на место знаменателей обеих дробей — вместо Семерки и Тройки.

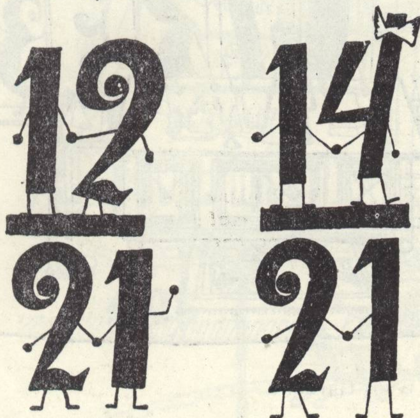
— Уважаемая Пятерка,— возразили в один голос Общие Знаменатели,— мы никак не можем исполнить вашу просьбу. Если мы сейчас займем места знаменателей, вы проиграете спор! Первая дробь окажется больше второй!

— Ага, что я говорила?! — обрадовалась Единица.

— Не радуйтесь преждевременно,— остановила ее Пятерка.— Я просто немного поспешила. Спасибо вам, дорогие ОЗы, за ваше замечание. Конечно, надо одновременно изменить и числители обеих дробей. Я не успела об этом сказать. Ведь при замене знаменателей сами дроби не должны меняться. Итак, заменим одновременно и числители и знаменатели.

И тут произошло нечто необыкновенное: Семерка поднялась к Двойке, Тройка — к Четверке, и между каждой парой мгновенно блеснул знак умножения.

На секунду погас свет, и мы увидели по бокам сцены новые дроби:

— Хоть эти дроби и новые,— пояснила Пятерка,— но величины их не изменились. Вы согласны?

Единица сделала презрительную гримасу и ничего не ответила.

— Итак, мое доказательство готово. Как видите, знаменатели у дробей одинаковые, числители разные. Так какая же из этих дробей больше?

— Та, у которой больше числитель! — не выдержал Сева.

— Прошу не подсказывать с места! — загремел Главный судья.

— Вы совершенно правы, милый школьник,— заметила Пятерка.— Дробь $^{14}/_{21}$, конечно, больше, чем дробь $^{12}/_{21}$. Следовательно, истина на моей стороне.

Зрители неистово аплодировали. Судьи, посовещавшись, встали.

— Объявляю решение суда! — протрубил Главный.— Победила Пятерка! Диспут окончен!

— Одна минута! — крикнули из зала.— У меня есть объявление! Для участников диспута сегодня состоится ЦИРКОВОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ. Небывалый трюк — ДРОБИ НА ТРАПЕЦИЯХ!! Вход в цирк только по клубным билетам. Нервных просят не приходить.

Толпа хлынула на улицу.

СМЕРТЕЛЬНЫЙ АТТРАКЦИОН

Оркестр сыграл веселое вступление, на манеже у главного выхода выстроились униформисты, и представление началось.

Жонглеров сменяли акробаты, акробатов — жонглеры!.. Вот на манеж выбежала тоненькая, гибкая Тройка. Она показала пластический этюд: под музыку медленно превратилась сначала в Шестерку, затем в Девятку и, наконец, в Восьмерку!

Потом молодая наездница — изящная Пятерка — прыгала на полном ходу сквозь обруч, танцевала на спине у лошади и так быстро вертела своей маленькой головкой направо и налево, что никто не мог различить, Пятерка это или Тройка.

Затем на манеж вышел фокусник. Он засучил рукава и предложил каждому зрителю задумать какое-нибудь число.

— Все задумали? — спросил он.

— Все! — ответили зрители хором.

Мои спутники тоже задумали число 11.

— Попрошу,— сказал фокусник,— умножить задуманное число на 6.

Зрители стали в уме умножать на шесть и при этом шевелили губами.

— 11 на 6,— шептала Таня,— будет 66.

— Прибавьте к полученному числу 21,— скомандовал фокусник.— Прибавили?

У моих ребят получилось 87.

— Так,— неслось с манежа,— разделите сумму на 3.

— 29,— толкнул меня Сева.

— Затем вычтите 5.

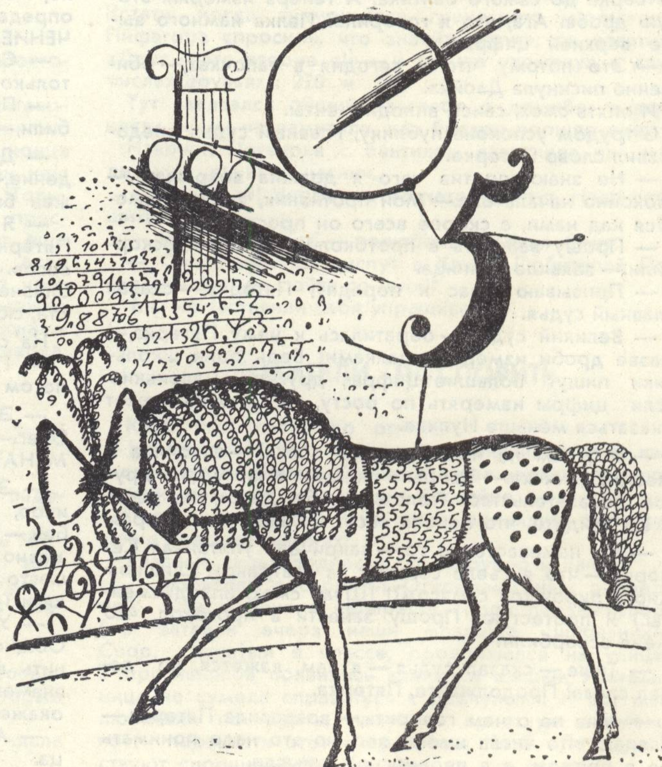
Останется 24,— зашептались ребята.

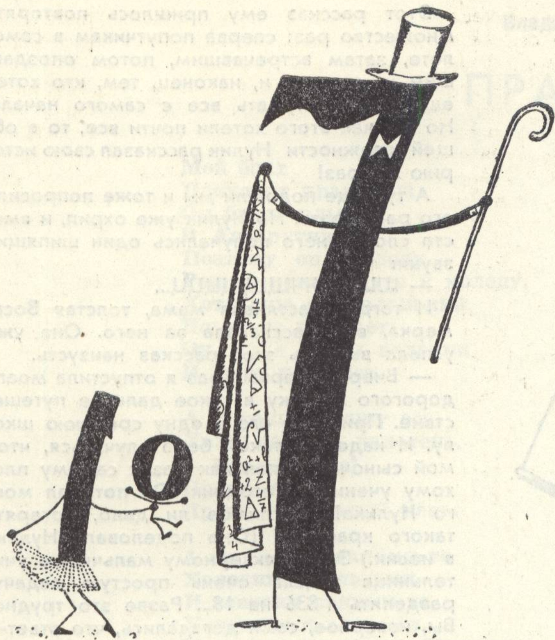
— Теперь разделите на 2,— приказал фокусник.— Разделили?

— Сейчас,— крикнул кто-то с галерки.— Одну минутку. Есть!

— Получается 12,— переглянулись ребята.

— Теперь остается только одно,— заключил фокусник,— отнять единицу! И я вам скажу, какой у

кого получился ответ. У каждого получилось то число, которое он задумал! Верно?

— Верно! — крикнул Сева.— 11!

— Верно! — неслось со всех сторон.— 8! Верно — 6! Верно — 5! 17! 4!..

— А теперь,— продолжал он таинственно,— я вам покажу самый страшный фокус. Попрошу кого-нибудь выйти на манеж. Пусть это будет самый маленький карликан, все равно. Я на ваших глазах РАЗДЕЛЮ его НА НУЛЬ! Кто хочет выйти ко мне?

Никто не появился.

— Ну что ж,— пожал плечами фокусник,— придется позвать мою ассистентку.

Он хлопнул в ладоши, и на манеж выбежала хрупкая Единичка в розовой тюлевой юбочке.

— Итак, делю эту Единицу на нуль! Пугливых прошу отвернуться. Впрочем, я лучше закрою Единицу вот этим покрывалом. Вот так. А теперь передаю ей нуль и знак деления. Прошу музыку! Единица, приготовились!

На нуль скорее разделись,
Перед нами появись!

Блеснула молния, раздался страшный гром барабанов.

Покрывало, которым была укрыта Единица, быстро взвилось, и из под него вылез Великан!

Он рос с неимоверной быстротой. Вот его голова уже касается купола цирка. Вот она прорвала парусиновую крышу... А Великан все растет и растет...

Зрители в страхе жались друг к другу.

— Довольно! — кричали с мест.

Фокусник взмахнул волшебной палочкой, и Великан мигом исчез. На манеже снова стояла хрупкая Единица и держала в руке маленький нулик.

— Теперь вы убедились,— сказал фокусник,— как опасно делить на нуль даже Единицу!

Он изящно раскланялся и под бурные овации покинул манеж.

— Как это он делает? — спросил Сева.— И откуда у него появляется Великан?

— На то и фокусы, чтобы сразу не понять,— ответил я.

Из главного выхода появился карликан во фраке и торжественно объявил:

— Смертельный аттракцион! Дроби на трапециях!!

Из-под купола уже спустили две трапеции, они покачивались одна против другой.

На манеж выбежало четверо юных карликан: Двойка, Тройка, Четверка и Пятерка. Они ловко по канату забрались на трапеции, Двойка и Тройка — на левую, а Четверка и Пятерка — на правую.

Двойка и Четверка встали на перекладины и крепко ухватились руками за канаты.

А двое других гимнастов повисли на перекладинах под ними. Они плавно раскачивались и делали красивые движения: выгибались ласточкой, выворачивались на руках, повисали вниз головой.

Потом они сели на перекладины, чтобы передохнуть, а карликан во фраке объявил:

— Внимание! Заключительный трюк — ДЕЛЕНИЕ ДРОБЕЙ.

И тут же зловеще забила барабанная дробь. Зал замер.

Гимнастки снова заняли первоначальные места, и мы поняли, что они изображают две дроби. Между ними возникли две светящиеся точки — знак деления:

$$\frac{2}{3} : \frac{4}{5}$$

Гимнастки взглянули вниз: сетка была на месте. Без сетки этот номер делать не разрешалось. Секунда внимания и... «Ап!» — раздалась команда.

И вот уже Пятерка, сделав в воздухе сальто-мортале, поднялась на вторую трапецию и стала рядом с Двойкой. Одновременно Четверка рыбкой полетела вниз и уцепилась за перекладину рядом с Тройкой.

Опять, как во время диспута, между цифрами молниями блеснули два знака умножения. На секунду погас свет, и, когда он зажегся, на первой трапеции уже раскачивалась дробь:

$$^{10}/_{12}$$

Цирк ревел от восторга.

— Бис! Бис! — неслось со всех сторон.

Гимнастки повторили свой трюк. Однако теперь делимое и делитель поменялись местами.

Когда вновь зажегся свет, на трапеции раскачивалась новая дробь:

$$^{12}/_{10}$$

— Э! — закричал Сева.— Это та же дробь, только вверх ногами!

— На то и цирк,— резонно заметил Олег.

Гимнастки легко спустились на манеж. Представление закончилось.

НАШЕЛСЯ!

Когда мы вышли из цирка на улицу, город был празднично иллюминирован.

Несмотря на позднее время, отовсюду слышалась веселая музыка.

Жители Арабеллы ликовали. То тут, то там раздавались возгласы:

— Нашелся!

— Какая радость!

— Он не мог пропасть!

— Бедная мама, как она волновалась!

Нетрудно догадаться, о ком говорили карликане. Они радовались возвращению Нулика! Он здесь! Он цел и невредим!

А нашли его так.

Десятка три карликан помогали школьникам вто-

рого класса решить задачу на деление целых чисел. Вот уже все ученики отдали тетради учительнице. Прозвенел звонок. И карликане вышли из класса, потому что в этом классе должен был начаться урок русского языка. А карликан уже ждали в третьем классе: там изучались обыкновенные дроби.

Веселой толпой поднимались карликане по лестнице. Вдруг на площадке послышался странный писк. Осмотрели площадку — никого нет. Писк повторился. Тогда догадливая Семерка заглянула за урну, стоявшую в углу. Там она и увидела пропавшего Нулика. Он сидел согнувшись и дрожал от холода.

— Я хочу к маме,— хныкал он.— А потом я хочу есть и спать. И вообще я устал.

Его тотчас же обласкали, утерли носик и глазки. Вот только накормить было пока нечем. Но Нулик и так сразу повеселел, даже немного попрыгал от радости. И все отправились в третий класс помогать детям складывать обыкновенные дроби.

Задача была очень трудная, и Нулику некогда было рассказывать, что с ним произошло. А после урока надо было спешить на самолет. И только в самолете Нулик поведал печальную повесть о своем исчезновении.

Этот рассказ ему пришлось повторять множество раз: сперва попутчикам в самолете, затем встречавшим, потом опоздавшим на встречу и, наконец, тем, кто хотел еще раз послушать все с самого начала. Но так как этого хотели почти все, то в общей сложности Нулик рассказал свою историю 248 раз!

А тут еще подошли мы и тоже попросили его рассказать. Но Нулик уже охрип, и вместо слов у него получались одни шипящие звуки:

— ШШШЧЧЧЩЩЩЩЩЩ...

И тогда счастливая мама, толстая Восьмерка, все рассказала за него. Она уже успела выучить этот рассказ наизусть.

— Вчера в первый раз я отпустила моего дорогого крошку в такое дальнее путешествие. Привезли его в одну среднюю школу. И надо же такой беде случиться, чтоб мой сыночек попал как раз к самому плохому ученику! Негодник! Он потерял моего Нулика! Мыслимое ли дело, потерять такого красавца! (Она поцеловала Нулика в носик.) Этому скверному мальчишке учительница задала очень простую задачу: разделить 1 836 на 18... Разве это трудно? Вы, наверное, сами догадались, что ответ— 102. Не больше и не меньше!

А этот лентяй получил при делении 12. Всего лишь 12. Подумайте только, он потерял Нулика! А почему это произошло? Да потому, что, разделив 18 на 18 и получив правильно 1, ученик стал потом сразу делить на 18 число 36. Разве так поступают? Надо же было сперва разделить 3 на 18, а уж потом делить и 36.

Вы скажете, что 3 на 18 не делится? Ну, и пусть не делится! Если число не делится, тут-то и надо было вспомнить о моем Нулике и поставить его после Единицы. Тогда бы и получился правильный ответ — 102.

А мальчишка поленился это сделать и стал сразу делить 36 на 18. Вот и выходит: поспешишь — людей насмешишь! А нам не до смеха, нам слезы.

Ну, хорошо. Допустим, ученик ошибся. Ошибки могут быть у всякого. Но ведь он мог себя легко проверить. Вы спрашиваете, как? Стоило только умножить частное 12 на делитель 18! И он бы получил вместо делимого 1 836 всего-навсего 216. Нет, вы только подумайте, вместо 1 836 получить 216! Ужас!

Спасибо добрым друзьям, карликанам. Если бы не они, так бы и пропал мой сынок.

— Уважаемая Восьмерка,— заговорил Сева,— все равно ваш Нулик нашелся бы. Его обязательно нашла бы учительница. Она еще просто не успела проверить тетради.

— Да,— ответила толстая Восьмерка,— учительница, конечно, нашла бы. Но когда? Мой Нулик к тому времени мог умереть с голоду.

И она снова стала обнимать своего сына, целовать в носик, в глазки, в уши...

Мы решили не отвлекать ее от этого приятного занятия и тактично удалились. Но через несколько шагов снова услышали знакомый голос:

— Вчера в первый раз я отпустила моего дорогого крошку в такое дальнее...

Счастливая мама по требованию вновь прибывших начала все сначала.

(Окончание в следующем номере.)

Владимир **ОРЛОВ**

ПРАКТИКА

Мой брат
Проходит практику:
Он будет плыть
В Антарктику.
Поэтому он смолоду
Решил привыкнуть к холоду.
Хотя еще он маленький,
Но он не унывает:
Он даже летом валенки
И шубу надевает.

А я коньки ношу его,
Хожу за ним, как тень.
— Возьми меня!
Прошу его,
Прошу четвертый день.

А он глядит какими-то
Холодными глазами,
И говорит какими-то
Холодными словами.
Мол, он проходит практику,
Мол, он не прохлаждается,
И вроде бы Антарктика
В девчонках не нуждается.
Обидно мне?
Обидно мне!
Завидно мне?
Завидно мне!
Он будет жить в Антарктике,
Вдали от теплых мест.
Он каждый день, для практики,
Мороженое ест.

ПОЗАБЫЛИ

— Кто кого обидел первый?
— Он меня!
— Нет, он меня!
— Кто кого ударил первый?
— Он меня!
— Нет, он меня!
— Вы же раньше так дружили!
— Я дружил.
— И я дружил.
— Что же вы не поделили?
— Я забыл.
— И я забыл.

Линогравюры В. Неклюдова.

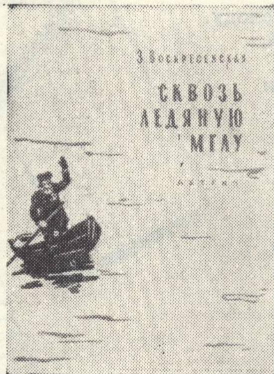

Книги про тебя

Вера СМИРНОВА

Лето — горячая пора всяческих соревнований. Соревнуются спортсмены, шахматисты, соревнуются фильмы... Участвуют в соревнованиях и книги. Закончился второй тур конкурса на лучшую книгу для детей под лозунгом «Школа — Труд — Коммунизм». На конкурс собрались книги со всей страны — 166 книг и рукописей, которые еще не успели стать книгами. Наконец жюри подвело итоги конкурса: были отобраны десять лучших книг.

Первую премию получили рассказы **Зои Воскресенской — «Сквозь ледяную мглу»** — о Владимире Ильиче Ленине и повесть **«Встреча»** — о матери Ильича Марии Александровне Ульяновой. Вы уже читали в «Пионере» про эти новые страницы из жизни великого вождя революции и «самого человечнейшего человека», как называл его Горький. Нам дорого каждое новое правдивое и горячее слово о Ленине. Рассказы Воскресенской получили на конкурсе заслуженную оценку.

Больше всего посчастливилось на конкурсе школьникам: семь книг из десяти посвящены современной школе, сегодняшним школьным делам, вашим сверстникам и товарищам по школе. Особенно отличились шестиклассники — они в первой шеренге героев премированных книг. Вот перед вами **«Покорители Метсайыги»**, ученики Метсакюлаской школы в одном из небольших рыбацких поселков Эстонии. Конечно, не одни шестиклассники строили в Метсакюла на берегу капризной речки Метсайыги свою маленькую гидростанцию — вся школа, даже малыши из первого и второго классов участвовали в стройке. Но когда вы прочтете эту веселую повесть, вы увидите, что главными здесь и по работе, и по забавным выдумкам, и по всяким смешным приключениям, и даже по успехам в науках оказываются всегда шестиклассники. Славные ребята эти покорители Метсайыги, вам будет приятно с ними познакомиться. Автор этой повести — эстонский писатель **Валентин Рушкис**, инженер по специальности, и хоть он и любит шутку и мастер придумывать веселые приключения, работают у него в книге ребята на совесть. И жизнь Метсакюла, этого чудесного уголка Советской Эстонии, проходит перед нами на страницах повести так живо, как будто мы сами побывали там.

Шестиклассники дружно лидируют и в трех книгах молодых писателей: **«Борька, я и невидимка» Юрия Томина, «Чудак из шестого «Б» Владимира Железникова, «Баранкин, будь человеком!» Валерия Медведева.** Последние две повести вам также знакомы, они тоже печатались в журнале «Пионер». Вы, может быть, спросите, почему именно шестой класс оказался в поле зрения писателей. Что ж, попытайтесь сами ответить на этот вопрос; для этого надо, конечно, прочесть эти книги.

Вы познакомитесь с Баранкиным. Это отчаянный фантазер и выдумщик: получив двойку по геометрии, он разочаровался в своем человеческом существовании и пожелал превратиться в существо иного рода — беспечное и счастливое. Он сумел стать воробьем, потом бабочкой, потом муравьем и испытал весь ужас их беззащитного бытия. Собрав всю силу воли, Баранкин пожелал снова — и теперь уж навеки — быть человеком. И до чего же он обрадовался, вернув себе человеческий облик, как высоко оценил свою голову, свои ноги и руки! «Вот это да! Это вам не какая-нибудь лапка или воробьиное крылышко!» Смешная книжка, а если поразмыслить, есть в ней серьезная, умная мысль. Быть человеком — значит думать, рассуждать, подчинять свои поступки разуму, быть ответственным за себя и других, жить в коллективе. Баранкин это понял. Надеюсь, поймете и вы.

Совсем нешуточную историю рассказывает нам **Алексей Мусатов** в своей повести **«Зеленый шум»**. Эта повесть тоже печаталась в «Пионере». Герои ее — деревенские школьники, они знают подлинные трудности жизни, они работают всерьез, помогают колхозникам на свиноферме. Гошка Шарапов — горячий, честный парнишка, он болеет за свой колхоз и не хочет мириться с неполадками, обманом и воровством. Из него вырастет настоящий хозяин советской деревни.

Очень важный вопрос подымает в своей повести **«Копейка» Вильям Козлов.** Есть такая болезнь — жадность. Она осталась нам от прошлого, когда в людях сильно было чувство собственничества, стремление накопить побольше денег и всякого добра, спрятать от других, чтобы ни с кем не поделиться, чтобы только самому им пользоваться. И сейчас еще в капиталистических странах всем заправляют собственники. У нас же собственник вызывает презрение, даже в школе ребята не любят «жадин». У нас «купец» — бранное слово. Всякий собственник опасен для общего дела. Беда, если такой заведется в колхозе!

У Ганьки Куклина, героя повести Козлова, в семье неблагополучно. И совсем бы пропал Ганька, если бы не отец, которому давно претит стяжательство, если бы не товарищи по школе, которые разоблачили Ганькино увлечение «копейкой». Ганьке стыдно и противно на себя самого оглянуться, и это очень верно. Раньше гордились люди своим умением нажиться, накопить, разбогатеть, а в наше время скопидомы и собственники прячутся от людей, знают: стыдно им будет в глаза честным людям смотреть.

Две книжки, отмеченные на конкурсе, рассказывают о первых годах революции, о тех временах, когда вас еще не было на свете: повесть **«Грозовая степь» Анатолия Соболева** (ее вы скоро сможете прочитать в «Пионере») и **«Братишка» Сергея Алексеева.**

«Грозовая степь» — это Сибирь, это деревня, это первые пионерские отряды, борьба за пионерский галстук, борьба с церковниками, это — начало коллективизации; кулаки поджигают дома коммунистов, бандиты уводят колхозных лошадей, идет борьба за новую жизнь на советской земле, где и дети «вроде бы партийные», как говорит дед Леньки Берестова, героя повести.

«Братишка» — так называли у нас на флоте матросов, а у Алексеева в книге так зовут девочку, которую приютили матросы революционного корабля и которая принимала участие в грозных событиях революции. Эта повесть — и быль и сказка, многое в ней кажется невероятным: и то, что малышка девочка живет на военном корабле, и то, что она к Ленину добралась, и с Лениным разговаривала, и чай пила, и то, что помогала революционным войскам против белых. Вы прочтете эту книгу с интересом.

Замыкает шеренгу победителей конкурса вожатый **Сима Соловьев** со своей книгой, которая называется **«Книга про тебя».** Герой этой книги — ты сам, каждый из вас. Эта книга—зеркало, в котором каждый увидит себя самого во весь рост, со всеми привычками, и со всеми недостатками, и со всеми хорошими качествами. Не правда ли, любопытно посмотреть на себя со стороны: как ты выглядишь, на что похож, куда ты годишься? Когда глядишься в зеркало, невольно рука поднимется пригладить волосы, невольно одернешь рубашку, подтянешь брюки... А особенно интересно прочесть про свои думы, мечты и рассуждения. Книга задает тебе трудные вопросы, например: «Умеешь ли ты быть добрым?», «Есть ли у тебя друг?». И тебе придется отвечать... самому себе. Побудь наедине с этой книгой — это полезно, вот увидишь. Ведь это «Книга про тебя».

Впрочем, если подумать широко, все эти новые книги написаны про тебя, про вас, про всех советских детей, мальчишек и девчонок нашей большой страны.

Читайте, думайте, радуйтесь!

ШАГИ В НЕОБЫЧНОЕ

Вообразите, что вы «стали жить быстрее»: все в вашем теле — от ударов сердца до взмаха руки — происходит в сотни раз быстрее, чем у обычных людей. Представьте все последствия такой перемены. Вы думаете, это легко представить? У вас, конечно, мелькают мысли о мировых рекордах в беге, об удивлении других ребят, о быстроте, с которой вы разделываетесь с мамиными поручениями, вроде «купить хлеба, картошки и сахара». Но все было бы не так, никаких рекордов вам не удалось бы поставить, никаких ребят удивить. Ведь вы не приняли во внимание физику окружающего мира, оставшуюся прежней.

На ваших скоростях воздух сделался для вас почти твердым. Вы продираетесь сквозь него с трудом, на вас чуть не горит платье от трения. Вы не слышите звуков окружающего мира, потому что звуковые волны стали слишком медленными для вас. Вода из крана наполняет стакан так долго, что вы помираете от жажды. Вот в каких необычных условиях развертываются приключения инженера Коростылева в одном из рассказов писателя Севера Феликсовича Гансовского.

Этот рассказ, по названию «Шаги в неизвестное», стоит первым в книжке, и вся книжка называется так же. А рассказов в книге девять. Все они о разном и в то же время об одном: о необычном, о фантастическом, о том, чего не было, но во что, читая

книгу, веришь. Автор умеет рассказывать так, что его истории кажутся достоверными. Он достигает этого «хитрым» приемом: яркостью и реальностью в описании мелких подробностей будничного, обычного, на фоне которого происходит необычайное.

Этим «хитрым» приемом в совершенстве владел Герберт Уэллс. Гансовский тут, несомненно, последователь Уэллса. Он обстоятельно, до педантизма описывает действия людей, столкнувшихся с необычным, не понимающих этого и потому ведущих себя обычно. Старик слесарь гаечным ключом колотит страшного своей неуязвимостью гигантского угря, принимая его за обрывок стального троса, застрявшего в водостоке ванны. «Ускорившийся» инженер Коростылев совершает множество бессмысленных и ненужных в его положении поступков. Миша Перышкин просит всесильных обитателей антимира, чтобы они починили крышу над квартирой соседки.

Во всех рассказах перед читателем встают живые люди. И каждый рассказ — шаг в неизвестное, необычное. Иногда это необычное развертывается в наши дни, иногда автор помогает читателю шагнуть в завтра и увидеть людей будущего. Все это так интересно!

Каждый из его рассказов-шагов захватывает и волнует.

Прочитайте обязательно!

Е. РУБЦОВА

Тревоги и радости маленького Тельняшки

Вот какое время было у нас сорок пять лет назад, когда нынешние дедушки и бабушки были еще мальчишками и девчонками.

Все было «вместо».

Новых ботинок купить было негде. Взрослые и дети носили вместо них «колотушки» — самодельные сандалии из двух дощечек, соединенных на сгибе кусочком кожи.

Вместо булок люди ели лепешки, замешанные на перемолотой древесной коре.

Вместо дров и угля печи топили сушеным навозом.

Вместо электрических лампочек в комнатах горели «коптилки» — тоненькие фитильки в баночках с деревянным маслом.

Школьникам выдавали одну тетрадку из серой бумаги на целое полугодие. Бумага была драгоценностью.

Все это было потому, что в России шла гражданская война. Помогая белогвардейцам, армии четырнадцати капиталистических держав окружили кольцом блокады нашу Родину. Капиталисты хотели задушить голодом первое государство трудящихся.

Утром жители какого-нибудь южного городка осторожно выглядывали через занавешенное окно на улицу, чтобы узнать, какая нынче в городе власть. Не ворвались ли за ночь в город ненароком белогвардейцы или бандиты, не грабят ли и убивают прохожих. Иной раз кончатся в школе занятия, а учеников не выпускают: на улице близко стрельба.

А сколько было тогда беспризорников — таких ребят, у которых погибли все родные, и они остались без крова! Жили беспризорники прямо на улице, питались тем, что подадут либо что удастся стащить на базаре. Ходили они полуголые, в отрепьях, а то и просто в дырявом мешке, а на ночь забирались в теплые котлы из-под асфальта и были потому чернее кочегаров.

В эти трудные годы писатель Марк Семенович Ефетов был еще школьником и жил в большом портовом городе. И вот теперь он вспомнил детство и написал увлекательную повесть о своем сверстнике-мальчишке по прозвищу Тельняшка.

Вы знаете, что такое «тельняшка»? Это такая рубашка в синюю и белую полоску, которую обязательно носит каждый матрос. А у героя этой повести и отец, и дед, и все знакомые родились на море и всю жизнь провели в море. Вот почему самым счастливым днем для мальчика стал тот, когда отец подарил ему старую, выцветшую и чиненую, но настоящую тельняшку.

«Тельняшка — моряцкая рубашка» написана так, что читаешь — и не оторваться. Столько в ней веселого и грустного, увлекательного и значительного!

Как и повсюду, на страницах повести живут и хорошие люди и дурные. И такие чудесные, благородные бойцы за правду и справедливость, как революционный матрос Шмельков, отдавший жизнь за революцию. И такие добрые и отзывчивые, как учительница Серафима Петровна. На уроке она потеряла сознание от голода, потому что чуть не весь свой паек от-

давала беспризорным, а потом и усыновила самого несчастного и голодного из них.

А с какой гордостью и независимостью разговаривали замечательный сапожник Емельян Петрович и умелый портной Иван Яковлевич с бывшим фабрикантом Ежиным, пытавшимся их подкупить! Как высоко ценили эти мастера-золотые руки свой умный труд!

Немало рассыпано в повести и полезных сведений. Прочтешь одну главку — и узнаешь, что такое «диспаш» и что — «открытый лист». Прочтешь другую — и увидишь, как шьют на фабрике тапочки. Из третьей запомнишь, как рыбаки «настраивают» сети, из четвертой — как без синяка разбить об лоб крутое яйцо.

А разве не смешно прочесть, как насмешливый сапожник проучил жадного спекулянта и заставил его добровольно внести двадцать тысяч на детский дом? С таким же увлечением читаешь и про спасение севшего на рифы парохода и про жестокий шторм на море, когда Тельняшка чуть не утонул.

Прочтите эту книгу. Очень советую!

А. ДОРОХОВ

Марки рассказывают о книгах

В конце прошлого года в Польше была выпущена серия марок, посвященная памяти известного детского писателя Януша Корчака (1878—1943), имя которого хорошо знакомо вам. Вы, наверно, читали его книги «Когда я снова буду маленьким», «Король Мацусь Первый».

Януш Корчак (Генрик Гольдшмидт) очень любил детей и даже пожертвовал ради них своей жизнью: когда гитлеровцы в 1943 году увезли детей из детского приюта, которым руководил Корчак, он не захотел расставаться с ними, и фашисты убили его.

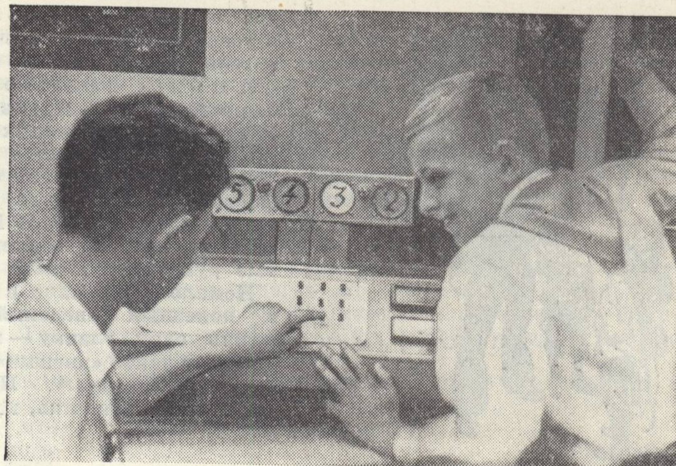
Другая серия марок рассказывает о знаменитой польской поэтессе Марии Конопницкой (1842—1910) и ее книжке «О сиротке Марысе и гномах».

Мария Конопницкая звала свой народ к борьбе, к счастью, к светлому будущему. И народ не забыл писательницу — имя ее дорого каждому честному человеку.

Чеслав ТАРЧИНСКИЙ

Мысль-1

Получить тройку не очень приятно, а особенно, если ее поставила машина.

Сегодня мы даем только один экспонат — кибернетическую машину «Мысль-1». Сделали ее свердловские школьники в лаборатории радиоэлектроники и кибернетики Дома пионеров имени Володи Дубинина. Руководит лабораторией А. Б. Гордин. Сейчас машина не в Свердловске, а в Москве, на ВДНХ, в павильоне «Юные натуралисты и техники».

О машине расскажут сами свердловские ребята.

Таня Павлова:

Наша машина еще не может научить вас, например, решать задачи. Зато она сумеет определить, правильно вы их решаете или нет, и поставит вам нужную отметку. «Мысль-1» может оценить ваши знания по любому предмету, если заранее подготовить для нее определенную программу. Когда мы показывали нашу машину в школах, она спрашивала ребят по ботанике и арифметике. А когда к нам в Дом пионеров приходили гости — летчики, металлурги,— вопросы были совсем другие: по гражданской авиации и об изобретателях булата.

Программу мы готовили сами. Брали раздел учебника, составляли вопросы и ответы и записывали их на перфокарты. Они у нас тоже самодельные. Это картонные карточки. На каждой — три вопроса, а к ним — по три ответа. Из трех ответов на каждый вопрос два неправильных и только один правильный. Так что остается выбрать этот единственный правильный ответ.

Перфокарта накладывается на пульт машины так, что под каждым ответом в прорези оказывается кнопка. Ответишь правильно на все три вопроса, нажмешь нужные кнопки — загорится отметка 5, ответишь на два — получишь 4, на один — 3. Не найдешь ни одного правильного ответа — машина справедливо поставит 2.

Петр Манжос:

Если вам кажется, что нашу машину легко обмануть и ответить наугад, то вы ошибаетесь. Вероятность правильного ответа наугад равна всего 1%.

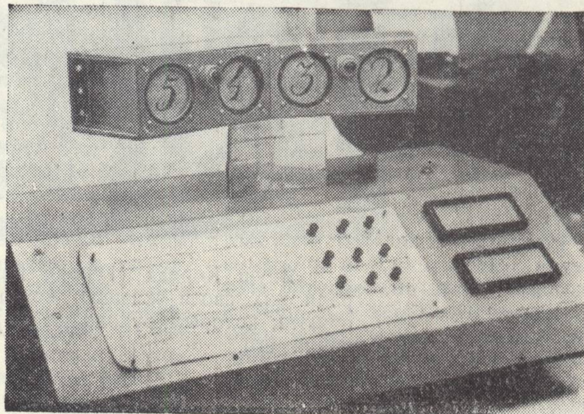
Коля Саттаров:

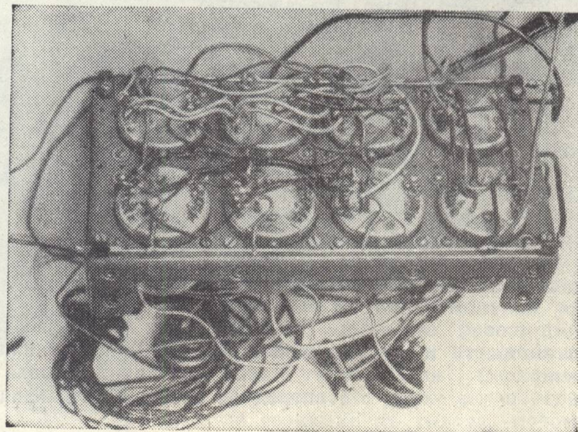
Тугодумам тоже приходится плохо. Реле времени разрешает думать над ответом не больше двух-трех минут. Не уложишься в это время — машина зажигает на пульте надпись: «Ваше время истекло» — и ставит двойку.

Володя Бланкенбург:

А сейчас мы работаем над двумя новыми машинами.

Кибернетический школьный врач будет ставить диагноз и назначать лечение, если сообщить ему, что болит. «Сообщить» — значит нажать соответствующие кнопки на пульте. Другая машина — кибернетический учитель музыки — будет сама петь, а потом слушать, как поет ученик. После небольшого «раздумья» машина поставит отметку и укажет, на каких нотах ученик сделал ошибки.

Вот, друзья, и позади первые дни занятий в школе. Все для вас уже стало привычным, вошло в свою колею. Конечно, начал свою работу и ваш спортивный коллектив. А как дела в шахматной секции? Собирались ли ваши любители шахмат, какие соревнования вы будете проводить?

Вот что пишут нам две подруги — **Света Рыбакова** и **Таня Кирьянова:**

«Мы живем в городе Серпухове, учимся в шестой школе. Нашу школу считают шахматной. И правильно! Почти все ребята у нас играют в шахматы. Есть у нас даже свой тренер. У нас проводятся занятия шахматистов и интересные турниры».

Далеко за Полярным кругом, в Мурманской области, есть деревня Кехота. Ребята из этой деревни организовали в своей школе шахматный клуб. Здесь проводятся турниры, беседы по теории, конкурсы на решение задач.

А недавно гостем кехотских ребят был чемпион СССР Виктор Корчной. Гроссмейстер разбирал с юными шахматистами их партии, провел сеанс одновременной игры.

Около семидесяти ребят в деревне Кехота уже получили спортивные разряды. А в этом учебном году разрядников станет еще больше.

Хорошая шахматная секция в этой школе, и мы решили наградить ее грамотой «Ферзя и ладьи». Новых успехов вам, дорогие друзья!

Но не везде юные любители шахмат интересно ведут работу своей секции. Вот что пишет нам из Омска **Андрюша Литовчин:**

«В школе у нас кружок есть, но он почти не работает. Я хожу в шахматную секцию Дома пионеров. Там я играл в турнирах и получил третий разряд».

Поздравляем тебя, Андрюша, уверены, что ты добьешься еще многих хороших результатов. Хотелось бы только, чтобы ты познакомил с шахматами ребят из своего класса, помог бы им провести турнир в отряде.

Интересное письмо прислал нам **Александр Акулевич** из деревни Дашковка, Могилевской области. Он рассказывает:

«У нас в школе сильный спортивный коллектив, много есть и шахматистов, а шахматная секция не работает. В турнире на первенство школы играло много ребят, а на занятия секции они не ходят.

Недавно я получил третий разряд, но есть ребята, которые играют лучше меня и в турнирах участвуют, а разряда у них нет.

Это очень обидно, и ребята разочаровались, теперь их привлекать к соревнованиям трудно. Хотелось бы узнать, как правильно вести работу в секции».

Вот видите, как получается. И шахматистов много и играют хорошо, а секция существует только на бумаге. Наверное, Александр, все неполадки у вас начались с того, что вы не подводите как следует итоги своим соревнованиям, не заботитесь о новичках.

А это что такое? Смотрите, ребята, Пешкин дает сеанс одновременной игры. Это он сражается с ребятами из села Лапшово, Пензенской области.

Быстрей заканчивай сеанс, Пешкин. Давай-ка лучше побеседуем с ребятами о том, как вести работу в секции. Начнем с турниров.

КАК ПРОВОДИТЬ СОРЕВНОВАНИЯ

Любой турнир в школе может быть классификационным, то есть таким, по результатам которого ребята могут получить спортивный разряд. Для этого надо, чтобы турнир прошел организованно и чтобы каждый участник сыграл в нем не менее десяти партий.

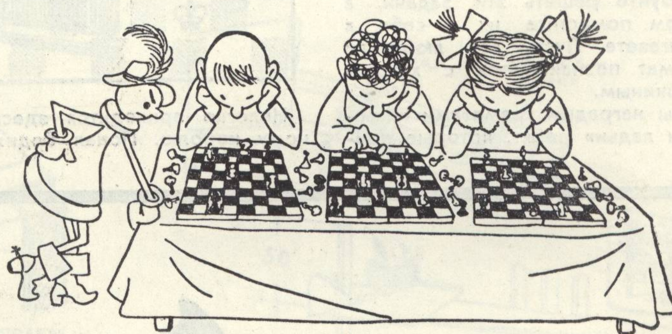
Классификационные турниры можно проводить при одиннадцати участниках, а если их будет шесть-семь, то каждый из участников сыграет с каждым из своих противников по две партии.

Турниры надо проводить по определенному плану, чтобы они выявили сильнейших шахматистов и помогли создать сборную команду школы.

Прежде всего надо организовать первенство отрядов. Победители отрядных турниров участвуют в финальном турнире на первенство школы.

ПОРЯДОК ИГРЫ В ТУРНИРАХ

Игра должна проходить строго по правилам. Ни в коем случае нельзя брать ходы обратно. Партии записывайте, не играйте больше одной турнирной партии в день.

Эх, Пешкин, Пешкин... плохи твои дела. Ты, наверное, не знал, что в этой сельской школе хорошо играют Коля Елизаров, Коля Демкин, Саша Райков и другие юные шахматисты.

Правда, у них в школе до сих пор не было шахматной секции, но ведь ребята ее обязательно организуют. И соревнования на первенство дружины проведут.

За порядком в турнире должен следить выбранный ребятами староста. Он отмечает результаты в таблице. Староста следит за тем, чтобы никто не насмехался над побежденными. Это обижает ребят, отбивает у них охоту участвовать в соревнованиях. Нужно помнить, что не сумевший победить сегодня может добиться победы в следующий раз.

КТО ПОЛУЧИТ РАЗРЯД

Когда турнир закончится, таблицу результатов надо заверить в школе и послать ее в районный или городской совет спортивных организаций. В турнире новичков все ребята, набравшие 50 процентов возможного количества очков, получают пятый разряд.

Если у всех участников турнира уже есть пятый разряд, четвертый разряд получают те из них, которые наберут 67 процентов возможного количества очков. Если участники турнира играют хорошо, они могут получить и более высокие разряды.

Обязательно надо подводить итоги каждого соревнования. Тогда и не будет у ребят таких разочарований, о которых написал нам Александр Акулевич.

О том, как вести занятия с новичками, как устроить шахматный турнир в школе, мы потолкуем в следующий раз. А сейчас речь пойдет о другом.

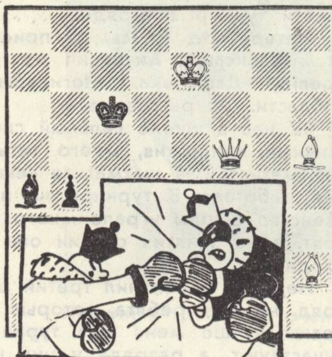
Организуйте шахматные уголки в стенгазетах. Сообщайте о шахматных турнирах, о шахматных новостях. Здесь надо и похвалить успешно выступающих шахматистов и покритиковать тех, кто нарушает дисциплину или зазнается.

Ребята будут внимательно следить за шахматным отделом, если найдут в нем интересные загадки, красивые задачи. Проводите конкурсы на решение задач.

В этом номере журнала вы увидите новые загадки Пешкина. Попробуйте решить эти задачи, а потом поместите их у себя в стенгазете. Пусть все любители шахмат познакомятся с хитрым Пешкиным.

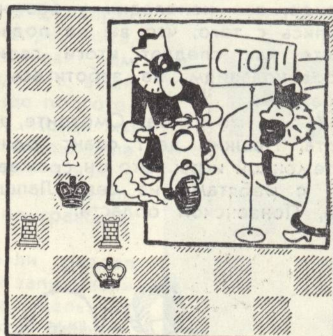
Мы наградим грамотами «Ферзя и ладьи» ребят, которые пришлют нам правильные решения загадок. Грамоту получат и те школьные секции, где больше всего любителей шахмат примут участие в конкурсе решений.

КОРОЛИ НА РИНГЕ

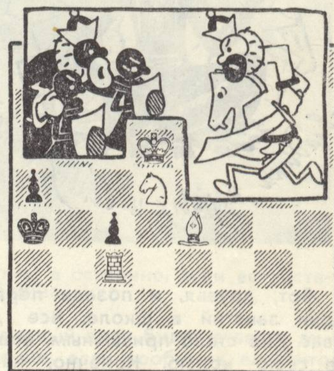
Смотрите, с каким азартом ведут матч бокса белый и черный короли. Кто победит? Преимущество на стороне белых. Начиная игру, они дают мат в три хода черному королю.

ПУТИ ОТРЕЗАНЫ

Нелегко приходится здесь черному королю. Попал бедняга в «котел». Он пытается скрыться бегством, но все пути для него отрезаны. Найдите, как белые дают мат в три хода черному королю.

КТО СКАЧЕТ, КТО МЧИТСЯ!

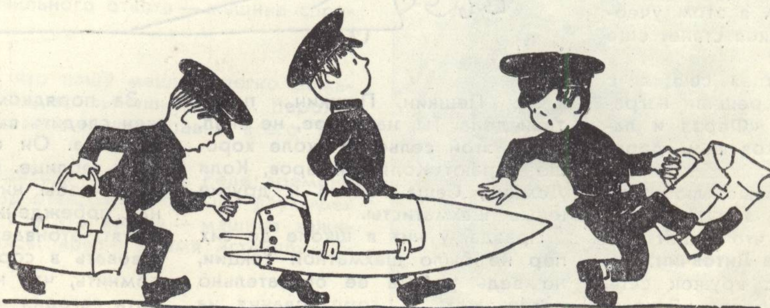
Мчится белый король на лихом коне, чтобы заматовать черного короля. И мат достигается в три хода.

Шлите нам ваши решения, ребята, напишите, понравились ли загадки Пешкина вашим школьным друзьям.

И в заключение несколько слов о том, как решаются задачи минских школьников, опубликованные в журнале № 6.

В задаче Сережи Бегуна мат в два хода достигается при маневре 1. Фd8—g8. Задачу Александра Ключа решает ход 1. Kd6, однако в задаче есть и второе решение: 1. Kh6.

В школу.

Рисунок А. Шабанова.

НАШ КЛАСС

Однажды в совете дружины после длинного и монотонного разговора пионервожатого о чистоте коридоров и классов кто-то из ребят сказал: «Давайте устроим соревнование, кто лучше оформит свой класс».

Эта мысль понравилась ребятам. Но когда они взялись за дело, оказалось, что никто толком не знает, как же оборудовать свой класс, чтобы все в нем было удобно, красиво, изящно.

Мы попросили архитектора В. Страшнова помочь ребятам.

КОМПАС-МАЛЯР

Итак, ребята, вот наш обычный класс... Что в нем можно изменить?

Прежде всего подумаем о цвете стен. Чтобы решить, как покрасить стены, надо посоветоваться... с компасом.

Не удивляйтесь, с самым обыкновенным компасом. Если окна класса выходят на северную сторону, то стены лучше всего окрасить в светло-зеленый цвет, охристо-золотистый или разбавленный желтый.

А если окна выходят на юг и восток, стены можно покрасить в холодные тона — сиреневый, голубоватый, бледно-серый. Стены против окон следует сделать чуть темнее.

Стена, на которой находится доска, должна быть темнее, чем все остальные.

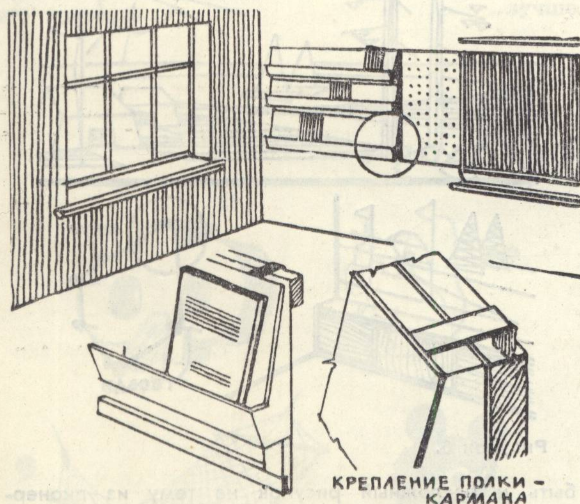

Рисунок 1.

Что же, выходит, у каждой стены может быть свой тон? «Нигде такого не видали»,— скажете вы. И все же попробуйте. Увидите, как это приятно для глаз. И полезно для зрения!

Теперь возьмемся за парты. Красивая и удобная парта — это дело наших мебельных фабрик, но цвет парты мы можем изменить сами.

Верхнюю часть парты лучше выкрасить в зеленый, сероватый цвет или в цвет коричневой охры, нижнюю часть — охрой светлого тона. Светлые тона не просто причуда вкуса. Это очень важные помощники дневного освещения. В классе, где светлая мебель, светлее, чем в том, где стоят черные парты. А раз больше света, глаза меньше устают, зрение не теряет своей остроты.

ХИТРАЯ ШТУКА — ПОЛКИ!

В классе нужны полочки — поставить горшок с цветком, положить самоделки, мел и тряпку. Полки — хитрая штука, их очень интересно изобретать самим. Вот посмотрите, какими могут быть полки.

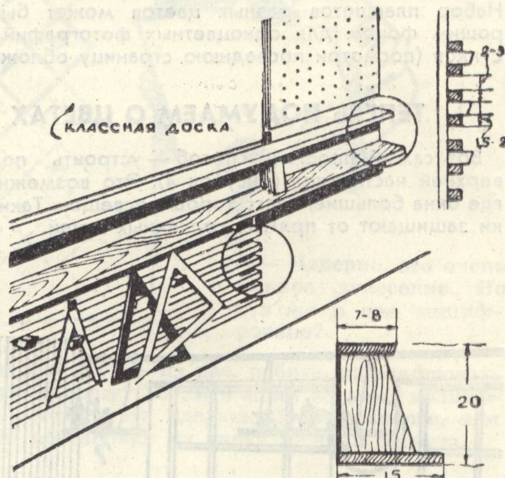

Рисунок 2.

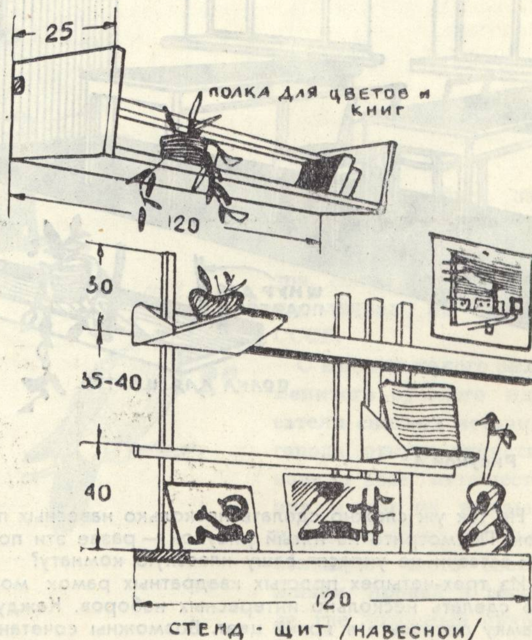

Рисунок 3.

На первом рисунке — полка-карман для книг и журналов. Между этими полками и доской висит щит с дырочками. На него удобно вешать карты, схемы, учебные плакаты.

А на втором рисунке — полка под классной доской для тряпки и мела. Ниже — деревянные рейки для угольников, циркуля...

Вот как просто можно устроить из горизонтальных и вертикальных реек навесной стенд-щит (рисунок 3). Он пригодится для выставки ваших работ.

Если класс достаточно широк, устраиваются горизонтальные полки для наглядных пособий, гербария, коллекции минералов. Над полками, на высоте 1,2—1,5 метра прикрепляются две-три горизонтальные рейки. На рейки вешаются планшеты из фанеры. Планшеты окрашиваются в яркие цвета — красный, желтый, синий, даже густо-черный.

Некоторые планшеты можно не красить. Пусть будет видно, что это просто фанера. Тоже красиво! Набор планшетов разных цветов может быть хорошим фоном для одноцветных фотографий и рисунков (посмотри последнюю страницу обложки).

ТЕПЕРЬ ПОДУМАЕМ О ЦВЕТАХ

Вот самый простой способ — устроить полку в верхней части окна (рисунок 4). Это возможно там, где окна большие, класс хорошо освещен. Такие полки защищают от прямых солнечных лучей.

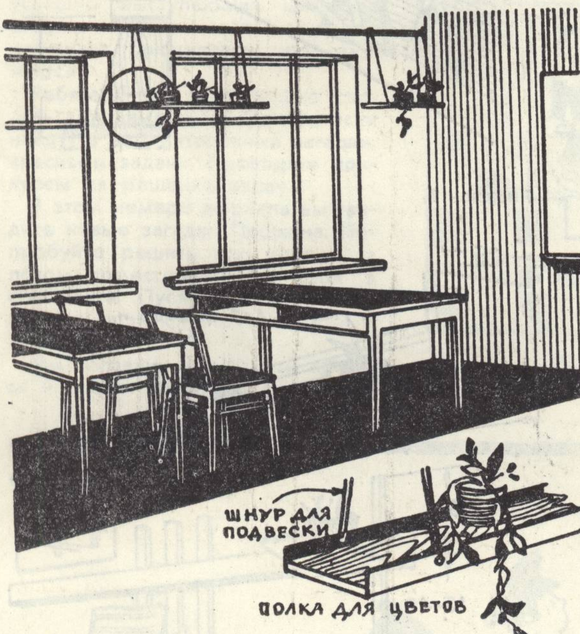

Рисунок 4.

Не так уж сложно сделать несколько навесных полок. Посмотрите на пятый рисунок — разве эти полки-вставки не украсят вашу классную комнату?

Из трех-четырех простых квадратных рамок можно сделать несколько интересных наборов. Каждую рамку покрасьте в яркий цвет. Возможны сочетания красного, белого и бледно-зеленого или серого, красного и синего. Размеры рамок небольшие — 45 × 45 сантиметров.

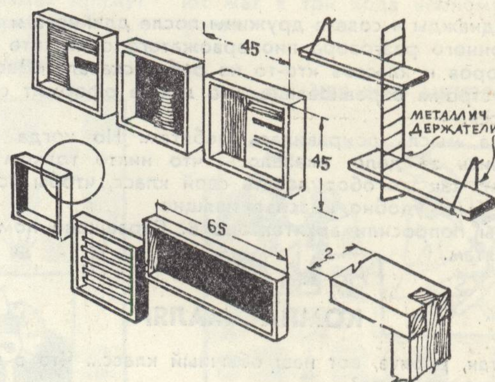

Рисунок 5.

ИНТЕРЕСНАЯ НОВИНКА

А вот интересная новинка, дополняющая оформление стены (рисунок 6). Материал—шнур и гвозди. На стену наносят простой геометрический рисунок. Затем в углы, образованные линиями рисунка, вбивают гвозди и соединяют их, но уже не мелом или углем, а шнуром (бечевкой). Шнур закрепляют на каждом гвозде, делая один виток вокруг него. В результате получается интересное графическое изображение леса, города, каких-то растений, может

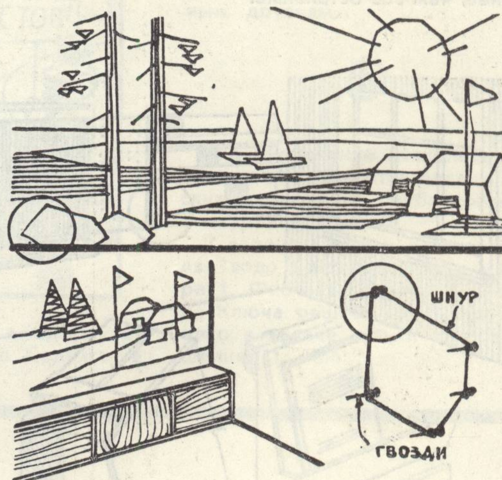

Рисунок 6.

быть, и несложный рисунок на тему из пионерской жизни. Сделать рисунок интересным и правильным вам поможет учитель рисования.

На обложке журнала показано, как лучше оформить класс, где учатся ребята младшего и среднего возраста. На верхнем рисунке — класс для маленьких. Здесь цвета полок, шкафов и стен должны быть ярче.

...Ну как, все мы в классе сделали? Ничего не забыли? А что у нас получилось? Давайте позовем знающих людей — учителей, например. Как-то они оценят нашу работу?

В. СТРАШНОВ

ВАЖНОЕ ДОНЕСЕНИЕ

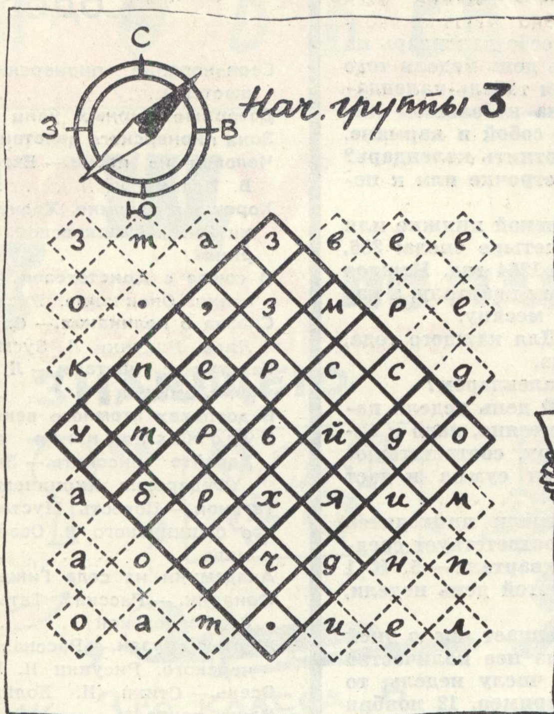
— Смотри, вон бежит их связной! Сейчас мы его сцапаем!

— Ага, попался!.. Теперь ты наш пленник, отведем тебя в штаб.

— Товарищ командир, этот пакет мы у него отобрали, он хотел его изорвать...

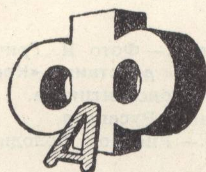

— Наверно, это очень важное донесение. Но что же в нем зашифровано?

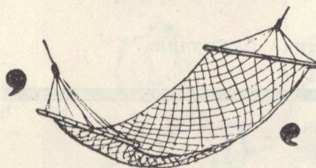
Не может ли кто-нибудь из вас, ребята, расшифровать эту таинственную депешу? Тот, кто знает секреты волшебных квадратов, сможет это сделать. И чем скорее, тем лучше. В боевой обстановке на счету каждая минута.

В ЛОДОЧНОМ ПОХОДЕ

В этом ребусе зашифрован маршрут путешествия юных туристов, совершенного ими на лодках по рекам СССР.

С именем какого знаменитого русского писателя связана история города, откуда туристы начали свое путешествие, и кто из выдающихся русских ученых бо́льшую часть своей жизни провел в городе, где лодочный поход был закончен?

«УПЛОТНЕННЫЙ» КАЛЕНДАРЬ

Чтобы наглядно представить себе календарь на весь год или быстро определить день недели того или иного числа, мы пользуемся табель-календарем. Весь годовой календарь на небольшом листке, который можно носить с собой в кармане.

А нельзя ли еще больше уплотнить календарь? Нельзя ли свести его к одной строчке или к нескольким числам?

Можно! Напиши в своей записной книжке или попросту запомни следующие четыре числа: 256, 240, 251, 361. Это календарь на 1964 год. Каждое число в нем соответствует одному кварталу, а каждая цифра — определенному месяцу.

Запомнить эти числа легко. Для каждого года, разумеется, нужны другие числа.

Как же пользоваться этим календарем?

Если хочешь узнать, на какой день недели падает какое-то число какого-то месяца, надо к заданному числу прибавить цифру, соответствующую этому месяцу. Полученная сумма и даст ответ.

Пример: «На какой день недели приходится 1 августа 1964 года?» Августу соответствует средняя цифра в числе третьего квартала — 5. К 1 прибавляем 5, получаем 6 — шестой день недели, суббота.

Если полученная сумма превышает число дней в неделе, то следует вычесть из нее количество дней, соответствующее целому числу недель, то есть числа 7, 14, 21, 28, 35. Например, 12 ноября 1964 года будет: $12 + 6 = 18$; $18 - 14 = 4$, то есть четверг.

Для воскресенья получим, таким образом, обозначение «ноль». 6 декабря 1964 года будет: $6 + 1 = 7$; $7 - 7 = 0$, то есть воскресенье. А 1 июня 1964 года будет: $1 + 0 = 1$, то есть понедельник.

А теперь определи сам: на какой день недели приходится 29 февраля в будущем году?

«Уплотненный» календарь — в некотором роде и головоломка. Пользуясь приведенными примерами, постарайся найти секрет составления квартальных ключевых чисел и сам составь такой же календарь на 1965 год.

М. МИТЕЛЬМАН

ОТВЕТЫ *на задачи*, ПОМЕЩЕННЫЕ В № 7

ТРИ ЗАГАДКИ — ДВЕ ОТГАДКИ

Висит сито, не руками свито. (Паутина)
Два брюшка — четыре ушка. (Подушка).
Белая вата поплыла куда-то. (Туман)

Содержание

Редактор **Н. В. ИЛЬИНА.**
Художественный редактор **П. Кузьмичев.**

Адрес редакции: Москва, А-47, 1-я улица Ямского поля, дом 28. Телефон Д 3-30-73.

Рукописи не возвращаются. Технический редактор **В. Пархоменко.**

А 00454. Подписано к печати 17/IX 1963 г. Тираж 577 200 экз. Изд. № 1668. Заказ № 2057.
Форм. бум. 84×108¹/₁₆. Бум. листов 2,62. Печ. листов 8,61.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

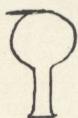
ВеСелыЕ ОбъявлениЯ

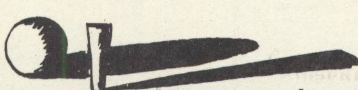

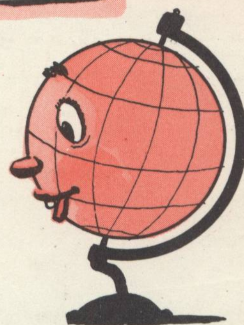
ИЩУ

СОСЕДА ПО ПАРТЕ,
В СОВЕРШЕНСТВЕ
ЗНАЮЩЕГО

Т “, е, у М

 , Я

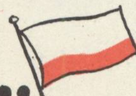
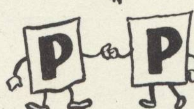
УЧЕНИК 3-го КЛАССА „Б“
Гриша Триждытришкин

ЛИЦ,

ЗНАЮЩИХ,
ГДЕ НАХОДЯТСЯ

, ,, е е

Д ,, ,

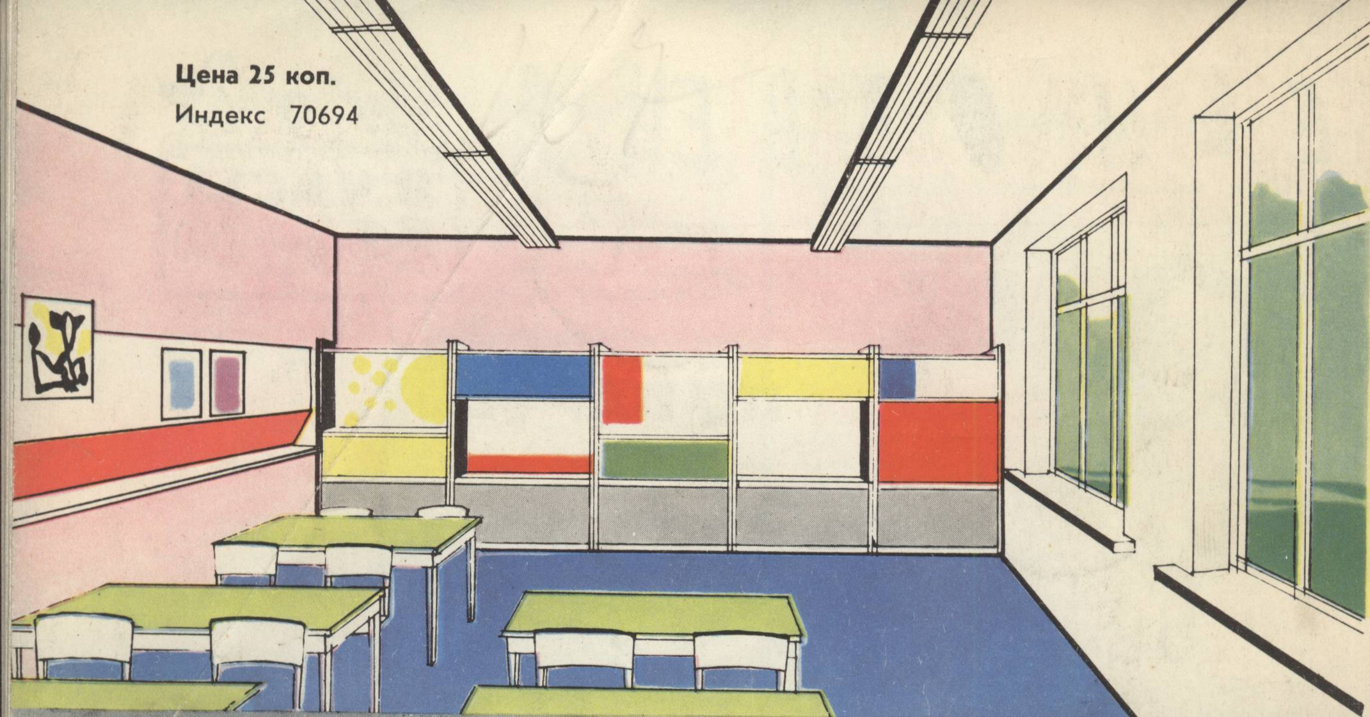
, ее

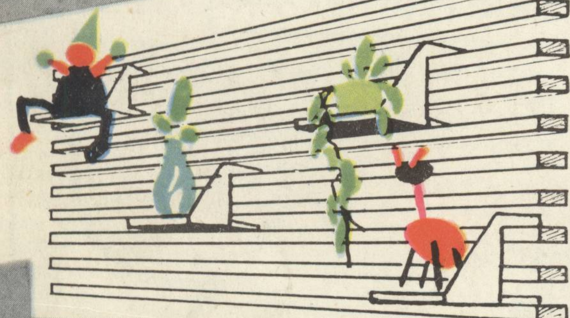
,, Д , е ,

ПРОШУ СРОЧНО СООБЩИТЬ
ПО ТЕЛ. 2-22
Пете Нибенимекину

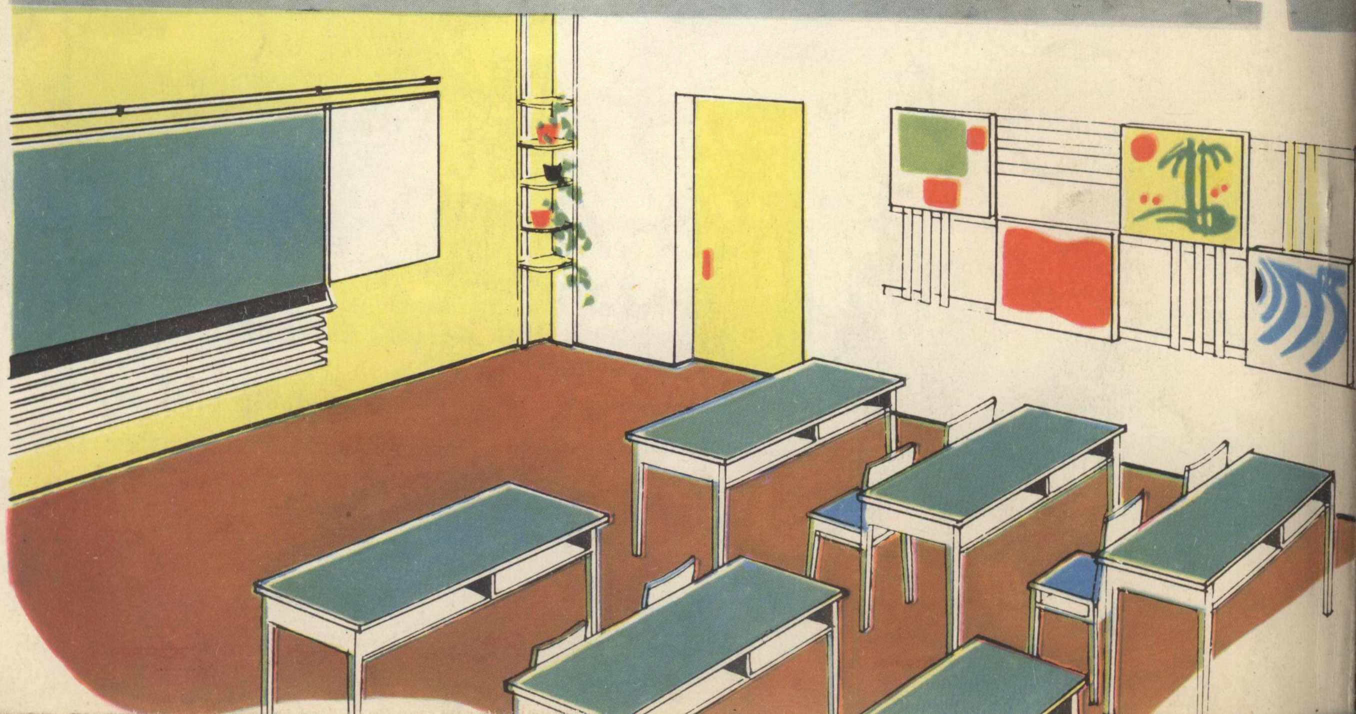

Цена 25 коп.
Индекс 70694

Вот каким красивым, удобным, веселым может стать твой класс. О том, как это сделать, автор этого рисунка архитектор В. Страшнов рассказывает на стр. 77.